

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ПАВИДИС Сильвия Дмитриевна

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ МИКРОГНЕЗДО $\text{н } \text{UR}^{\text{с}}\text{-т-}$
"ГНУТЬ, КРУТИТЬ, ВЕРТЕТЬ" В ГЕРМАНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ
(к вопросу германо-балтийских языковых отношений)

Специальность 10.02.04 - германские языки

Научный руководитель - доктор филологи-
ческих наук, профессор Н.С.Чемоданов

Научный консультант - кандидат филологи-
ческих наук, доцент И.А.Ершова

Москва 1992 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В В Е Д Е Н И Е		4
ГЛАВА I	ИССЛЕДОВАНИЕ АРЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЯЗЫКОВ – ПРЕРОГАТИВА ЭТИМОЛОГИИ	
§ I	Место и роль этимологии в исследовании ареальных отношений родственных языков	17
§ 2	Моделирование фономорфологических вариантов корня и формирование этимологического (микро) гнезда	37
ГЛАВА II	ДВУХУРОВНЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОГНЕЗДА $\text{ḡUR}-\text{T}-$ "ГНУТЬ, КРУТИТЬ, ВЕРТЕТЬ" В ГЕРМАНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ НА ОСНОВЕ МО- ДЕЛИРОВАНИЯ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ КОРНЯ	
§ I	Рефлекс Ṛ в германских и балтийских языках и его место в структуре фономорфологических ва- риантов корня	62
§ 2	Формирование этимологического микрогнезда $\text{ḡUR}-\text{T}-$ "гнуть, крутить, вертеть" в германских и бал- тийских языках на основе моделирования фоно- морфологических вариантов корня	90
ГЛАВА III	ДВУХУРОВНЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОГНЕЗДА $\text{ḡUR}-\text{T}-$ "ГНУТЬ, КРУТИТЬ, ВЕРТЕТЬ" В ГЕРМАНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ НА ОСНОВЕ МО- ДЕЛИРОВАНИЯ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ КОРНЯ	
§ I	Рефлекс долгого слогеобразующего плавного в германских и балтийских языках и его возможная связь с другими явлениями и процессами	131

§ 2	Формирование этимологического микрогнезда $\text{UR}^{\circ}-\text{T}^{\circ}$ "гнуть, крутить, вертеть" в германских и бал- тийских языках на основе моделирования фоно- морфологических вариантов корня	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		211
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ		214

ВВЕДЕНИЕ

Высокий уровень лингвистического исследования сегодня может быть достигнут лишь при условии его проведения на основе объективных и разнообразных методов и приемов отбора, обработки и анализа языкового материала, а также реалистичной реконструкции предшествующих состояний, так как современные формы часто уже не могут дать точного и истинного представления о произошедших изменениях, особенно, если, они не зафиксированы в письменных источниках. Поэтому так необычайно велика роль реконструкции. А этимология занимается именно реконструкцией доисторического состояния (Szemerényi, 1977: 294). По мнению одних исследователей, реконструкция сама входит в число важных понятий этимологического анализа (Loshel, 1977: 134), а Г.С.Клычков, различая два вида внутренней реконструкции, приравнивает первую из них (т.е. внутреннюю реконструкцию в более широком смысле) к фономорфологическому анализу, считая его третьим этапом верификации результатов сравнительно-исторического исследования (Клычков, 1989:110-111). В настоящей диссертации защищается, в частности, тезис о том, что фономорфологический анализ является существенным аспектом и важной составной частью этимологического исследования, комплексный характер которого уже твердо закрепился в сознании современных этимологов.

В этимологических исследованиях давно уже стало основным и определяющим требование системного подхода (Baldinger, 1977:223; Селиверстова, 1976: 89-90; Варбот, Куркина, 1980: 191). Поэтому комплексность и системность являются объективно

необходимыми составляющими любого этимологического исследования. Это позволило бы значительно уменьшить удельный вес таких неизбежных и часто негативных явлений как случайность и субъективность, хотя стало уже общим местом мнение, что этимологическое решение носит гипотетический характер, имеет элементы случайности и субъективности (Ср.: Malkiel, 1977; Szemerényi, 1977; Sanders, 1977). Поэтому чрезвычайно отрадно, что "усилия этимологов направлены на углубленную разработку основных этимологических критериев и установление принципов взаимодействия, взаимозависимости различных критериев в ходе лингвистического анализа" (Варбот, Куркина, 1980:193).

К сожалению, и в настоящее время доказательства, полученные при исследовании лексики (а лексика объективно является обязательным объектом любого этимологического анализа), или полностью игнорируются, или принимаются во внимание со значительными оговорками. Нередко это происходит оттого, что исследователи "выхватывают" какой-либо отдельный факт и пытаются на этом строить свои теории (Маковский, 1968:134).

Эту же причину в числе основных называет Ю.В.Откупщиков, считая, что на смену этому явлению должна прийти системность в изучении лексики: "Не изолированные, хотя и ставшие уже "хрестоматийными", примеры из руководства по сравнительной грамматике, не выборки из словаря Ю.Покорного, а тщательный анализ отдельных языков и диалектов может вскрыть ту массовость изоглосс, которая является важнейшим доказательством ближайшего родства между отдельными языками" (Откупщиков, 1972:118). У.Вайнрайх также подчеркивает, что теоретические обобщения должны основываться не на горстке специально подобранных при-

меров, а на значительном объеме достоверно подобранного материала (Вайнрайх, 1965:128).

Хотя В.И.Абаев и считает, что статистика в таких вопросах большой роли не играет (Абаев, 1965), нам все же кажется, что и количественная характеристика не должна оставаться без внимания.

Необходимость системной реконструкции лексики подчеркивается также многими другими исследователями, например, А.Н. Савченко, С.Д.Кацнельсоном, Н.С.Чемодановым, Р.Эккертом. Следует подчеркнуть, что особо ценным и доказательным считается такое исследование лексики, которое сопровождается, например, сравнением словообразовательных средств сопоставляемых языков (Мартынов, 1973:3) или связано с грамматическими штудиями (Макаев, 1961:133; Эккерт, 1983:11,12).

Ш.Ш.Варбот подчеркивает, что для этимологии большое значение имеет разработка теории фонологической структуры индоевропейского корня. "Разумеется, для того, чтобы полученные результаты имели доказательную силу, следует изучать с точки зрения фонологической структуры корни, выделенные по лексико-морфологическим признакам" (Варбот, 1963:209).

На чрезвычайно большую важность этих вопросов указывает и Ю.В.Откупщиков, сетуя, что в последнее время ни структура корня, ни соотношение корня и детерминативов не стали предметом исследования даже у такого корифея индоевропеистики как В.Георгиев (Откупщиков, 1982: 19).

Относительно германских языков Э.А.Макаев также считает, что "наиболее перспективные и важные исследования лексики связаны, во-первых, с германским словообразованием, а во-вторых, с исследованиями в области диахронической фономорфологии и диахронической типологии индоевропейских и германских языков:

лишь они позволят с большей степенью вероятности установить своеобразие и типологическую иерархию структуры индоевропейского и германского корня и оформление слова на индоевропейском уровне (Макаев, 1970:278).

Одни исследователи (Ullmann, 1977:428) считают конечной целью этимологии реконструкцию этимона, другие же – реконструкцию основного словарного состава языка-основы (Lohmel, 1977: 134).

На наш взгляд, реконструкция этимона является первым и необходимым этапом реконструкции словарного состава любого языка (Ср.: Макаев, 1970). Поскольку в процессе реконструкции этимона (или архетипа) этимология оперирует корнями (Lohmel, 1977:134), становится понятным, почему так важны вопросы, связанные со структурой индоевропейского корня, с функциями суффиксов и детерминативов (Ср.: Мартынов, 1989:48; Шустер-Шевц, 1969:73 и др.).

Учет фonomорфологической структуры сравниваемых слов гарантирует также более комплексный подход к сложной проблеме языковых отношений, соединяя формальный (фonomорфологический) аспект с лексико-семантическим (содержательным) (Эккерт, 1978: 80).

Таким образом, изучение лексики, соединенное с фonomорфологической тематикой, может быть достаточным основанием для исследования ареальных отношений языков, в частности, германских и балтийских, считающихся родственными.

С мыслью о том, что этимология действительно вступила в качественно новый период своего развития (Варбот, Куркина, 1980:193), мы предприняли в настоящем исследовании попытку сис-

темного фонеморфологического анализа производных, потенциально входящих в два этимологических микрогнезда, на основе моделирования фонеморфологических вариантов корня (ФМВ), или структурных вариантов корня на материале слабой степени аблаута с детерминативами (в роли которых мы использовали индоевропейские смычные) в германских и балтийских языках.

Выбор слабой степени чередования в качестве одного из фонеморфологических параметров исследования был обусловлен тем, что рефлексy слоогообразующих, отражающие слабую степень, традиционно считаются германо-балто-(славянской) ареальной изоглоссой (Иванов, 1979:27). С другой стороны, "в индоевропейском сравнительном языкознании накопилось много сопоставлений, отклоняющихся от классических формул и вместе с тем не находящих удовлетворительных альтернатив для их генетического объяснения. Таковы, в частности, многочисленные примеры расхождения корневой огласовки одного и того же или родственных языков при несомненной связи их консонантной структуры и семантики (например, др.-инд. *girih* "холм, гора" - праслав. *goga*; гр. *πόλις* "город" - лит. *pilis* "крепость", "замок"; др.-инд. *śamuyati* "трудится" - *šimuyati* - то же; лат. *ignis* "огонь" - лит. *ugnīs* - то же, и мн. др.), широко распространенный параллелизм корневых вариантов с различными гласными, отличающимися друг от друга по какому-нибудь одному дифференциальному признаку (по глухости - звонкости, придыхательности - непридыхательности и т.п., например, н.-е. *šmeug* - "скользить, скользкий, гладить" - *šmeuk* - то же; лат. *lingua* "язык" - др.-ирл. *teuge* - то же; лит. *grīūti* "валиться, падать" - прус. *krūt* "падать"...), параллелизм корневых вариантов с наличием и отсутствием включе-

ния в состав корня сонантов г, л, ш, н..." (Мельничук, 1989:32; ср. также: Мельничук, 1991:8).

Особенно ценным является наблюдение А.С.Мельничука, касающееся анализа и обобщения этих "неклассических" сопоставлений, позволивших "обнаружить некоторые характерные для древнейших периодов развития праязыка звуковые и словообразовательные закономерности, при помощи которых снимаются противоречия в таких, казавшихся неточными, сопоставлениях, но и является возможным установление новых соответствий, остававшихся до сих пор незамеченными" (Мельничук, 1989:32).

Таким образом, объективной необходимостью, характеризующей современный этап, является реинтерпретация лингвистических данных, приводящая, возможно, к пересмотру ряда основополагающих постулатов индоевропейского языкознания (Гаджиева, 1982: 292; Эккерт, 1983:10).

Непосредственным объектом настоящего исследования является значительный пласт лексики, возводимой к фonomорфологическим вариантам базового корня $\text{u}eg-$ "гнуть, крутить, вертеть", содержащим рефлексы слогообразующих и детерминативы: $\text{u}R\text{-}T-$ и $\text{u}R\text{-}T-$ (Т - смычные в роли детерминатива, $\check{R}$ - краткий слогообразующий, $\bar{R}$ - долгий слогообразующий).

Лексический материал отбирался методом сплошной выборки из словарей германских, балтийских и других языков.

Выбирая определенный лексический пласт в рамках этимологического микрогнезда и связывая его исследование с фonomорфологической проблематикой, мы сознательно преследовали цель - совместить два уровня исследования: лексический и фonomорфологический. По сути своей всякое этимологическое исследование

уже является двухуровневым, так как "для этимологии специфично совмещение двух возможных уровней в непосредственной связи с конкретным лексическим материалом" (Этимология, 1963:4). Кроме того, опыт сочетания фонетического анализа слова с его изучением в лексико-грамматической системе (Kohler, 1977:415-418) многими признается насущной потребностью.

Актуальность подобных двухуровневых исследований в последнее время подчеркивается с новой силой и отечественными лингвистами, потому что все еще нет специальных работ, связанных с совмещением во времени фонологической реконструкции и лексической (Климов, 1989:10). В.В.Мартынов называет подобные исследования двухуровневыми, т.е. реконструкцией двухуровневой системы единиц подсистемы фонем и подсистемы лексем (Мартынов, 1989:49).

Вслед за В.В.Мартыновым, мы называем свое исследование двухуровневым, так как оно проводится на материале лексики этимологического микрогнезда $\overset{\text{ж}}{\text{UR}}\text{-T}$ "гнуть, крутить, вертеть" и на основе моделирования фономорфологических вариантов корня с учетом рефлексов $\overset{\text{ж}}{\text{R}}$ и $\overset{\text{ж}}{\text{R}}$ в германских и балтийских языках и выделения детерминативов в составе этих ФМВ, что является фономорфологической проблематикой. Поскольку этимология является основой индоевропейской фонетики и теории аблаута, а фонетические законы – это первое научное основание этимологии (Варбот, Куркина, 1980:188), а также учитывая, что аблаут – фономорфологическая альтернатива, получилось объединение двух уровней – лексического и фономорфологического, что нам кажется абсолютно оправданным и обоснованным.

Языковой материал анализировался при помощи комплекса

методов. Это – системный метод, метод комментирования и сравнительного анализа словарных статей, сравнительно-сопоставительный метод, метод лингвистического описания, метод импликации, метод экстраполяции, метод моделирования, статистический метод.

Итак, основная цель данной диссертации состоит в использовании достижений современной фономорфологии в сочетании с системным подходом к исследованию лексики для решения как практической, так и теоретической задачи, которые именно в этимологии переплетаются наиболее тесным образом (Ср.: Трубачев, 1965: 345).

Под практической задачей мы понимаем фономорфологический анализ лексем, возводимых к фономорфологическим вариантам и.-е. $\overset{\text{н}}{\text{UR}}\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть", и формирование этимологического микрогнезда (подгнезда) на основе выделенных (смоделированных) фономорфологических вариантов корня с тем, чтобы в дальнейшем подойти к вопросу германо-балтийских языковых отношений. Все это возможно, на наш взгляд, при условии четкого прогнозирования, или моделирования фономорфологических вариантов корня (ФМВ), при тщательном и объективном использовании фономорфологических альтернатив, являющихся определенными и константными величинами для всех индоевропейских языков. Эта особенность фономорфологических альтернатив позволяет ожидать от фономорфологических сопоставлений высокой степени доказательности.

С решением поставленной практической задачи самым тесным образом связан целый ряд теоретических положений, не получивших еще сегодня, на наш взгляд, современного толкования. Это: установление адекватных рефлексов кратких и долгих слогообразующих в германских и балтийских языках, выявление места этих

рефлексов в системе германских и балтийских языков и их возможной связи с другими явлениями или процессами, моделирование фономорфологических вариантов корня и в связи с этим проблема структуры индоевропейского корня и проблема выделения корневой морфемы, вычленение детерминатива в составе корня.

Таким образом, базовой единицей нашего исследования является этимологическое (микро)гнездо, т.к. "анализ этимологического гнезда в целом, во всем многообразии образующих его словообразовательных связей слов очень существенен с точки зрения изучения типологии разрывов словообразовательных связей, превращающих словообразовательное гнездо в этимологическое. Разумеется, причины этих разрывов и их отражение в словообразовательной структуре разошедшихся частей одного и того же гнезда очень многообразны. Однако можно предполагать (и это даже подтверждено некоторыми исследователями), что в указанном многообразии есть известные наиболее яркие типы, что причины разрывов словообразовательных связей и соотношение словообразовательных структур разошедшихся групп слов определенным образом связаны между собой. Как было установлено Я.Малькелем на романском материале, разошедшиеся части этимологического гнезда часто сохраняют в своей словообразовательной структуре следы взаимного дополнения. Подобные словообразовательные отношения могут быть рефлексом скорее семантического разрыва между членами бывшего словообразовательного гнезда, нежели фонетического их расхождения" (Варбот, 1967:71).

А.С.Мельничук даже считает, что "установление этимологических связей между отдельными этимологическими гнездами и изолированными словами, до сих пор рассматривавшимися разроз-

ненно, является задачей, исторически обусловленной уровнем развития языкознания на современном этапе" (Мельничук, 1989: 35; Мельничук, 1991:8).

Под этимологическим гнездом мы понимаем совокупность лексем, возводимых к фонеморфологическим вариантам корня, смоделированным на основе фонеморфологических альтернатив и объединенных общей семантикой. Мы считаем необходимым четко разграничивать макрогнездо и микрогнездо. Мы различаем в зависимости от конкретной степени аблаута микрогнездо, например, и.-е. uog- , или uog- , или UR- или UR- . Совокупность же этих микрогнезд составляет макрогнездо, например, и.-е. $\text{uog-}/\text{uog-}/\text{ur-}/\text{ur-}$. Если учесть, что в основе микрогнезда лежат фонеморфологические варианты корня, т.е. такие структурные образования, которые в своем составе имеют одну определенную степень аблаута и один или больше детерминативов (например, первичный детерминатив r и вторичный детерминатив d), то мы можем смоделировать всю систему любого этимологического макрогнезда во всем его многообразии и со всеми возможными и допустимыми детерминативами. Для макрогнезда $\text{uog-}/\text{uog-}/\text{ur-}$ такая схема будет дана в конце работы.

Новизна настоящего двухуровневого исследования состоит в осуществлении комплексного подхода к изучению системно организованной лексики, в моделировании на основе фонеморфологических альтернатив структурных вариантов корня (или фонеморфологических вариантов – ФМВ) и в формировании на этой основе (с учетом соответствующих степеней аблаута и возможных детерминативов) этимологического (микро)гнезда. Кроме того, в настоящей диссертации предпринимается попытка нового подхода к проблеме рефлексов кратких и долгих слогаобразующих в германских и бал-

тийских языках.

Рассмотрение всех перечисленных теоретических моментов непосредственно связано с исследованием не только германо-балтийских ареальных отношений, но может быть полезно для исследования и других индоевропейских языков.

Выбор темы связан также и с тем, что, хотя известны работы, посвященные исследованию германо-балтийских языковых отношений, все же до сих пор не было еще ни одного исследования на стыке фономорфологии и лексики, причем на достаточно обширном материале с попыткой переосмысления некоторых научных воззрений, утвердившихся еще в прошлом веке. Кроме того, в сфере внимания ученых чаще всего находится литовский язык, очевидно, потому что его знают лучше (Грисле, 1969:217). Поэтому одной из важнейших задач мы считали привлечение как можно большего числа примеров из латышского языка и его диалектов. На эту диспропорцию указывают и некоторые другие исследователи (Герценберг, 1989:81; Парастаев и др., 1982:97; Эккерт, 1983:223).

Теоретическое значение настоящей диссертации заключается в том, что результаты проделанного исследования позволяют усовершенствовать процедуру этимологизирования на основе формирования этимологического гнезда, а также в том, что в научный обиход вводится новый подход к проблеме индоевропейских слогообразующих и их рефлексов в германских и балтийских языках. Также делается попытка осмысления в едином контексте казалось бы разрозненных фактов, например, установление связи между рефлексами кратких слогообразующих и определенной степенью аблаута, между рефлексами долгих слогообразующих — и вторичным аблаутом или Состоянием II основы по Э.Венвенисту и т.д.

Практическое значение настоящего исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в практике составления этимологических словарей, при чтении теоретических курсов по германистике и истории отдельных германских языков, балтистике и истории отдельных балтийских языков, фономорфологии и фонологии, исторической лексикологии. Полученные результаты, возможно, позволят взглянуть по-новому на проблему сло-гообразующих в других индоевропейских языках и побудят исследователей заняться этими вопросами на другом материале.

Структура работы. Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка словарей и списка использованной литературы.

В I главе рассматриваются основные теоретические положения, связанные с обоснованием места и роли этимологии в исследовании ареальных отношений родственных языков, с процедурой этимологизирования и путями ее совершенствования, которые мы видим в использовании достижений фономорфологии. Среди основных моментов фономорфологической проблематики в этой главе исследуются структура корня (фономорфологического варианта корня - ФМВ) и вычленение детерминатива в его составе, а в связи с этим - некоторые основные положения теории корня.

Во II главе осуществляется моделирование фономорфологических вариантов и.-е. $\overset{\text{ж}}{\text{UR}}\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть" с рефлексами краткого плавного слогаобразующего и детерминативами в германских и балтийских языках и формирование на их основе соответствующего этимологического микрогнезда. В этой связи предпринимается попытка нового подхода к проблеме рефлексов краткого слогаобразующего плавного в германских и балтийских языках.

В III главе, также посвященной двухуровневому исследованию, производится моделирование фонеморфологических вариантов и.-е. *UR̄-т- "гнуть, крутить, вертеть" с рефлексамии долгого слоогообразующего плавного и детерминативами в германских и балтийских языках. Поэтому предпринимается также новый подход к проблеме рефлексов долгих слоогообразующих плавных.

Выводы отражают результаты, полученные в процессе решения поставленных в введении задач.

В заключении обобщаются основные результаты исследования.

К диссертации прилагаются список сокращений и список использованной литературы.

Апробация результатов настоящей диссертации проводилась на заседаниях Аспирантского объединения филологического факультета МГУ им.Ломоносова, на конференциях молодых ученых ЛГУ им.П.Стучки (1983-1985 гг.), на Первом международном конгрессе балтистов (г.Вильнюс, 1985 г.), на Всесоюзной конференции по славянскому и балтийскому языкознанию (г.Рига, 1990 г.), на Всесоюзной конференции "Проблемы истории индоевропейских языков" (г.Тверь, 1991 г.), на VI международном съезде балтистов (г.Вильнюс, 2-4 окт. 1991 г.).

По теме диссертации есть 8 публикаций.

Библиография включает 245 позиций советских и зарубежных авторов и 84 словарей.

ГЛАВА I. ИССЛЕДОВАНИЕ АРЕАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЯЗЫКОВ - ПРЕРОГАТИВА ЭТИМОЛОГИИ

§ I. Место и значение этимологии в исследовании ареальных отношений родственных языков

Н.С.Чемоданов совершенно справедливо отмечал, что "исторически сложившиеся группировки индоевропейских языков, известные нам по памятникам письменности или по современным живым народным говорам, лишь в малой степени отражают первичное диалектное членение праязыковой области, весьма зыбкое и неопределенное, в связи с общественными условиями эпохи складывания индоевропейского единства. Эти группировки являются результатом длительного и сложного процесса развития, продуктом многократного взаимного действия и смешения с другими родственными и неродственными языковыми группировками. Поэтому членение индоевропейской лингвистической общности в разные исторические эпохи было различным, и одни и те же языки в один период развития включались в границы одного лингвистического ареала, в другой период - в границы другого ареала" (Чемоданов, 1962:112).

Описать членение индоевропейской языковой общности означает, по мнению Э.А.Макаева, дать описание, обоснование и анализ многообразных и мощных языковых контактов (Макаев, 1977:25). Ареальные отношения между определенными языками могут представлять интерес и для недокументированной истории соответствующего народа, так как "тесная связь развития языка с историей соответствующего народа проявляется также в том, что язык

сохраняет в себе следы различных прежних отношений между народами" (Смирницкий, 1955:24).

Фонетические, морфологические, лексические изоглоссы играют ведущую роль в решении задач, связанных с определением ареальных отношений между языками (Откупщиков, 1972:115). А эти изоглоссы являются инструментом этимологического исследования, поэтому выяснение ареальных отношений между родственными языками является прерогативой этимологии. Наибольшей доказательностью, как традиционно считается, обладают фонетические и морфологические изоглоссы, а в последнее время – и словообразовательные (Justus, 1982:291–328; Hiersche, 1984:87–97). Лексические изоглоссы, к сожалению, не считаются надежным доказательством ареальных связей (Дыбо, 1961:28), или принимаются со значительными опасениями и оговорками. Хотя именно лексические элементы имеют наиболее массовый характер (Мельничук, 1991:7).

Среди причин неудовлетворительной изученности германской лексики М.М.Маковский называет, в частности, следующие: "отсутствие надежных методов, неопределенность и неустойчивость основных понятий ареальной лексикологии, атомарный подход к лексике, рассмотрение ее как бесконечное беспорядочное множество" (Маковский, 1968:134).

И все же, как отмечают многие исследователи, лексические соответствия бросаются прежде всего в глаза (Трубачев, 1980:18).

В современной компаративистике сложилось уже довольно распространенное мнение, что германские и балтийские языки (вместе со славянскими) восходят к одной группе североиндоевропейских диалектов (ср.: Чекман, Гамкрелидзе, Иванов), хотя есть и противники этой идеи (Широков, 1969:10; Савченко, 1969:39).

Необходимо, однако, сделать небольшое замечание, касающееся нашей позиции по этому вопросу. Хотя процессы, которые рассматриваются в настоящей диссертации, вероятнее всего имели место в хронологических рамках, соответствующих германо-балто-славянскому единству или периоду, непосредственно начавшемуся, возможно, после отделения германских языков, мы не считаем себя вправе рассматривать балто-славянские процессы и явления в данной работе, так как объектом нашего исследования являются германо-балтийские языковые отношения. Мы также не углубляемся в проблему германо-балто-славянского единства, так как интерпретация этого феномена не входит в наши задачи и компетенцию.

Чтобы преодолеть атомарность, неизбежно проявляющуюся при анализе разрозненных фактов, необходимо проводить системную реконструкцию, которая обладает наибольшей доказательностью. Особенно актуальной является системность отбираемого для этимологического анализа материала (Чекман, 1980:77).

Объективность исследователя проявляется и в том, что он не стремится абсолютизировать что-то, заведомо отказываясь от других подходов. Поэтому мы считаем, что наряду с фонетическими и морфологическими исследованиями для этимологии имеют большое значение и фonomорфологические разработки, потому что они очень важны и актуальны не только для отдельных индоевропейских языков, но еще и потому, что полученные результаты также могут иметь диагностирующую силу. Перечисленные моменты относятся к морфологии, или фonomорфологии.

К области фonomорфологии относится и такая проблема как древнейшее строение основ в индоевропейском (Варбот, 1963:210),

а процедура членения лексемы на корень и детерминатив является этимологической по сути, так как она возможна только в результате тщательного этимологического анализа (Маковский, 1986:23). Э.А.Макаев, разработавший и обосновавший эту процедуру на материале германских языков, считает, что сегментация слова на корень и детерминатив имеет доказательную силу, так как осуществляется в соответствии со строгим соблюдением принципов этимологического анализа (Макаев, 1970:34).

Таким образом, можно согласиться с мнением, что "данные, освещающие особенности варьирования детерминативов в составе одного и того же корня в пределах различных индоевропейских языков, могут в какой-то степени осветить и вопросы, связанные с диалектным членением индоевропейских языков и их ареальной характеристикой" (Туманян, 1978:326).

Похожую задачу, но для определения праславянского диалектного членения, при помощи этимологии собираются решать слависты (Трубачев, 1963:20,23).

Исходя из этих соображений, мы предполагаем рассмотреть некоторые аспекты германо-балтийских языковых отношений в рамках этимологического исследования, связанного с моделированием фономорфологических вариантов корня (ФМВ – термин Э.А.Макаева) и формированием на их основе этимологического микрогнезда и.-е. $\overset{\text{H}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}\text{-T-}$ и $\overset{\text{H}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}\text{-T-}$ входящих в состав макрогнезда и.-е. $\overset{\text{H}}{\underset{\circ}{\text{UER}}}\text{-}/\overset{\text{H}}{\underset{\circ}{\text{UOR}}}\text{-}/\overset{\text{H}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}\text{-}/\overset{\text{H}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}\text{-}$.

В связи с этим возникла необходимость затронуть некоторые основные теоретические положения этимологии, не ставя перед собой цели – дать полный очерк истории, развития и

принципов этимологии, так как все эти вопросы можно осветить только в большом специальном исследовании. Поэтому мы сознательно ограничиваемся лишь некоторыми моментами, касающимися непосредственно нашего исследования. Это такие вопросы: объект этимологии (слово или корень), некоторые принципы и методы этимологического анализа в связи с фономорфологической проблематикой и в связи с этим трудности этимологизирования, резервы этимологии, связанные с системной реконструкцией в рамках этимологического макро/микронеда на основе моделирования фономорфологических вариантов корня.

Этимология — "пробный камень" изучения языка в любом его аспекте (Маковский, 1986:24), а по меткому выражению В.Кипарского, альфа и омега лингвистики (цит. по: Журавлев, 1969:110), возникла в первую очередь благодаря "Сравнительной грамматике" Ф.Боппа, который, как считается, стоял у истоков научной этимологии.

Ф.де Соссюр считал, что этимология "не является ни особой наукой, ни частью исторического языкознания, она лишь является особым применением принципов, имеющих силу для синхронических и диахронических фактов. Она изучает предысторию слов до тех пор, пока не наткнется на то, что может послужить их объяснению". Однако Ф.де Соссюр одновременно высказывает и упрек этимологии, потому что она "для достижения своей цели использует все те средства, которые в ее распоряжение предоставляет лингвистика, но при этом она не задерживает своего внимания на выяснении характера тех операций, которые ей приходится производить" (Соссюр, 1933:173).

Таким образом, в этих высказываниях Ф. де Соссюра уже проявились те претензии, которые и сегодня еще порой предъявляются этимологии. Некоторые исследователи констатируют, что этимология, к сожалению, находится "на периферии" лингвистической проблематики. По мнению К. Колера, этому, "безусловно, способствовала унаследованная еще от прошлого века шаткость и ненадежность основных приемов анализа в этой отрасли лингвистики..." (Цит. по: Маковский, 1986:24-25).

Однако сегодня уже существует мнение, согласно которому этимологии удалось продемонстрировать жизнеспособность и резко очерченную автономию. И хотя этимология должна пользоваться техникой и приемами исследования других лингвистических дисциплин, чтобы продолжить свое успешное развитие, это не мешает другим наукам обращаться за помощью к этимологии (Dvorčik, 1982: 273).

В этом контексте немаловажным кажется вопрос о взаимоотношениях этимологии с другими науками. С одной стороны, этимология опирается на другие науки, следуя общей эволюции лингвистики (Варбот, Куркина, 1980:190), с другой стороны, она может сослужить и сама добрую службу, например, "младшей дочери сравнительно-исторической лингвистики - диахронической фонологии" (Журавлев, 1969:110). Неоднократно уже и вполне обоснованно многими учеными подчеркивалась тесная связь этимологии с фонологией, так как звуковые законы или фонологические законы должны покоиться на солидной базе точной этимологии (Dvorčik, 1982: 281; Чекман, 1980:77; Shevelov, 1964:УП), а сама этимология, как мы уже отмечали, является основой индоевропейской фонетики и теории аблаута, ее первое научное обоснование (Цит. по: Вар-

бот, Куркина, 1980:188).

Есть и такое мнение, что настоящая лингвистика вообще не возможна в рамках предвзятого метода, потому что она заранее уводит в определенном направлении. А лучшие этимологи проведут непредвзятую интерпретацию (Lohmann, 1966:81).

В качестве основных видов этимологических работ признаны этимологические словари, этимологические исследования тематических групп лексики (групповая реконструкция) и исследования по отдельным словам. В зависимости от конкретного вида этимологической работы определяются объект и цели исследования.

Так, авторы "Этимологического словаря славянских языков" видят свою цель в реконструкции словарного состава языка славян (Трубачев, 1978:5), а то, что мы до сих пор имели и употребляли, например, как индоевропейский этимологический словарь, на самом деле представляет собой инвентарь корней и основ, а не слов (Трубачев, 1978:15). О.Н.Трубачев считает, что пафосом этимологического словаря являются цельнолексемные соответствия и параллели (Трубачев, 1963а:27), а знаменем современного этапа этимологии он считает словарь-реконструкцию как наиболее актуальную цель в этой области науки. "Этимологический словарь славянских языков - справочник, преследующий цели объединения исчерпывающей информации о составе, словообразовании, этимологии и этимологической литературе праславянского лексического фонда" (Трубачев, 1963а:3). Отмечая большую роль такого словаря-реконструкции, О.Н.Трубачев признается, что он "относится еще почти целиком к области благих пожеланий славянского языкознания, славянской этимологии, а то, что мы имели до сих пор, и, возможно, даже то, что еще должно увидеть свет, есть не более как реализация типа словаря-коллекции... Поэтому

второй этап, затянувшийся то ли по причине войны, то ли ввиду крайне затрудненного проникновения идей реконструкции вообще в методику исследования словаря, продолжается и сейчас, с ним приходится считаться в полной мере, его идеи, теперь уже тормозящие прогресс в этой области языкознания, необходимо преодолеть" (Трубачев, 1963а:5).

Занимаясь словами, которые с современной точки зрения являются не мотивированными, морфологически не обоснованными, этимолог должен реконструировать первоначальную мотивацию, первоначальное морфологическое обоснование (Славский, 1967:55). Говоря более современным языком, конечной целью этимологии признается не столько реконструкция этимона, сколько определение модели образования слова в его фонетической форме, составе морфем и значения на базе соответствующей языковой системы (Топоров, 1960:47-49). Таким образом, целью исследования современной этимологии является "сложное определение координат, которые определяют, где слово, понимаемое как единство формы и значения, включается в соответствующие семантические и формальные системы и подсистемы" (Шустер-Шевц, 1969:75; Топоров, 1969).

Объектом этимологического исследования может быть и корень. К сожалению, этот путь этимологизирования вызывает в последнее время довольно сильную критику. Так, например, О.Н. Трубачев считает, что "корень изучается и этимологизируется как одна из морфем, образующих слово, и отнюдь не всегда он представляет главный интерес с точки зрения этимологии данного слова" (Трубачев, 1963а:25), а ход внутреннего развития

этимологии переживает переориентацию "от исключительного внимания к корню (корневая этимология – гнездовой способ расположения материала в словаре) через спорадический учет суффиксальных, словообразовательных морфем – к этимологии лексемы с первоочередным учетом словообразовательной модели, словообразовательных морфем" (Трубачев, 1963а:9).

Б.Коллиндер отмечает, что корневая этимология как рабочий прием предоставляет исследователю свободу действий, что, в свою очередь, означает соответствующую неуверенность в результатах (Collinder, 1977:80).

Тем не менее, О.Н.Трубачев подчеркивает, что отсюда "еще не следует, что возможности корневой этимологии исчерпаны и что абсолютно всякая старая корневая этимология неверна. Оснований для подобного утверждения нет никаких, тем более, если мы учтем сложный характер лексико-словообразовательных отношений в масштабах всего индоевропейского, наличие более близких и весьма отдаленных связей между его частями. Мы должны со всем пониманием по-прежнему относиться к неиспользованным еще резервам корневых этимологий, вести учет частичных соответствий и параллелей" (Трубачев, 1963а:26).

Э.А.Макаев также считает, что роль корневых этимологий нельзя принижать. "... постоянное обращение к индоевропейским корням при смелых и проницательных сближениях позволило Шмидту прийти к ряду открытий первостепенной важности в его монографии "Образование множественного числа у существительных среднего рода в индоевропейских языках" (Макаев, 1970:33).

На большие резервы, скрытые в возможностях корневой этимологии, указывает и А.С.Мельничук, подчеркивая, что "основу этимологической модели словарного состава образуют фонетичес-

ние и семантические отношения между словами внутри отдельных этимологических гнезд и между целыми этимологическими гнездами, восходящими к различным корням праязыка. Именно непрерывное уточнение состава этимологических гнезд и углубление понимания системных отношений внутри гнезд и между гнездами составляют основную и непосредственную задачу всей научной этимологии в целом. При таком понимании основной задачи этимологии и при учете имеющегося опыта исследователей представляется целесообразным выделение еще одного вида этимологических работ — исследования этимологических гнезд, восходящих к одному нераспространенному корню, на лексическом материале целой группы или семьи родственных языков” (Мельничук, 1969:58).

Разными исследователями уже неоднократно подчеркивалась мысль, что достоверность результатов этимологизирования отчасти зависит не только от ряда факторов, обусловленных общим развитием языкознания (Шустер-Шевц, 1969:74), но и от объективности самих исследователей (Чекман, 1980:31), а также стиля работы этимолога, предпочитающего работать, главным образом, в одиночку (Dvorkin, 1982:276). Поскольку каждая этимологическая проблема уникальна (Dvorkin, 1982:276), а элемент случайности и гипотетичности в нахождении этимологического решения велик (Szemerényi, 1974:294; Malkiel, 1977:191), основной задачей является сведение до минимума степени гипотетичности этимологии (Славский, 1967:56), скептическое (на наш взгляд, критическое) отношение к этимологическим исследованиям своих предшественников (Pfister, 1980:12), а также сведение воедино положительных достижений, полученных разными исследователями, которые исходят из различных лингвистических установок и постулатов (Клычков, 1989:93).

Такое благотворное влияние на этимологию могла бы оказать морфология. По мнению Ж.Ж.Варбот, использование и учет данных морфологии избавит этимологию, в частности, от непонятных и нерегулярных фонетических изменений и поможет восстановить реальную картину хронологически различных этимологических связей слов одного и того же языка (Варбот, 1963:210). Добавим, что это касается и родственных языков.

Весь ход этимологии убеждает в том, что этимология — чрезвычайно сложная наука, правильность результатов которой проверяется при помощи целого ряда критериев, отражающих основные параметры этимологизирования. Классическими в этом смысле считаются принципы этимологического анализа, разработанные О.Семереньи (Szemerényi, 1962). Эти параметры охватывают, среди прочих, фонетику, морфологию, словообразование, семантику, место лексемы в лексической системе языка (т.е. принадлежность ее к определенному этимологическому гнезду), географию его распространения и многое другое.

Как уже отмечалось ранее, одним из самых больших недостатков современного этимологизирования является неполнота привлекаемого материала, особенно лексики (Флусова, 1972:38), или случайный характер отобранного материала (Откупщиков, 1972: 118).

Каким образом еще, кроме выделения семантических или предметных групп, можно подобрать лексику для анализа, чтобы сохранить ее системный характер?

Как один из способов повышения эффективности этимологических исследований предлагается синтетическое рассмотрение больших групп слов из родственных языков, которые обнаруживают фонетическое тождество или заметную близость в своей корневой части (Флусова, 1972:38).

Такой подход предлагают, в частности, Я.Малькель, А.С. Мельничук, Ж.Ж.Варбот и др.

Какие же преимущества сулит исследование этимологического гнезда? Чтобы понять это, надо отчетливо представить себе трудности, которые неизбежно встают перед исследователями в процессе этимологизирования и которые служат часто причиной признаний типа "этимология сомнительна", "этимология затемнена" и т.п. По мнению В.И.Асламова, это свидетельствует о том, что "не все тайны языкового развития подвластны научной интерпретации даже самого талантливого лингвиста" (Асламов, 1991:46).

Самые серьезные трудности начинаются уже с процедуры возведения лексемы к соответствующему корню или варианту корня. Нередко эта процедура проводится без учета вариативности корневой морфемы, заключающейся в том, что корень (основа) может иметь апофонические и неапофонические варианты, а также содержать детерминативы. Последняя проблема является особенно острой и сложной, поэтому и считается одной из ключевых в теории индоевропейского корня. Сложности возведения лексемы к корню бывают вызваны тем, что существуют и корни-омонимы, корни-синонимы, а также корни с синкретизмом или контаминацией значений. Как отмечают исследователи, корни-омонимы чаще всего бывают результатом распада полисемии (Маковский, 1986:19; Львов, 1969:186; Трубачев, 1985:13). По мнению О.Н. Трубачева, синонимия и омонимия отражают полидиалектность любого естественного языка с длительной историей, а также сопутствуют глоттогенезу. Решение проблемы омонимов, которое О.Н.Трубачев называет триумфом этимологического исследования, он понимает как реконструкцию этимологических связей (Трубачев, 1985:8,10,15).

В качестве примера можно назвать случай энантиосемии в балтийских и славянских языках типа verti , verti "открывать, закрывать" в производных от и.-е. wert "гнуть, крутить, вертеть" (Меркулова, 1980:104; Mažiulis, 1988:303). Наиболее полное и объективное решение такого случая может быть найдено только в рамках этимологического гнезда.

А.С.Мельничук считает важным, пока еще полностью не используемым источником дополнительных возможностей этимологизирования рассмотрение целых этимологических гнезд потому, что можно, с одной стороны, подробно рассмотреть всю совокупность слов родственных языков, возводившихся когда-либо к данному корню, и сопоставление сомнительных в этом смысле слов с другими этимологическими гнездами, к которым эти слова могут быть (ошибочно) отнесены. С другой стороны, в рамках этимологического гнезда возможен поиск и рассмотрение новых слов, которые могут быть возведены к данному корню, что приведет к установлению новых этимологий, основывающихся на совокупности этимологических связей в рамках этого гнезда (Мельничук, 1969:58-59). Поиск новых членов этимологического макрогнезда рассматривается многими этимологами как неотложная и важная задача этимологии (Варбот, 1963:195). Следует добавить, что именно при таком подходе нередко удается восстановить утраченные ранее словообразовательные связи, а также выяснить направление семантического развития внутри такого этимологического гнезда. Сам подход к такому виду этимологизирования предполагает, что исследуемая лексика имеет системную организацию, а это, в свою очередь, также значительно увеличивает надежность и

объективность полученных результатов и придает им весомость.

Формирование этимологического гнезда производится благодаря достижениям, существующим в исследовании структуры индоевропейского корня, и является одной из двух взаимосвязанных сторон этимологизирования наряду с возведением лексем к определенному корню (Мельничук, 1969:58). Этимологизирование на базе целого этимологического гнезда может значительно повысить достоверность результатов этимологического исследования, так как таким образом сводится к минимуму степень ненадежности, причем более объективный контроль результатов, необходимость которого подчеркивается многими исследователями (Шустер-Шевц, 1968:74) обеспечивается в первую очередь системной организацией лексем внутри этимологического гнезда.

Не менее важным в формировании этимологического гнезда мы считаем фономорфологические альтернации, на основе которых моделируются фономорфологические варианты корня. Собственно, эта взаимосвязь между моделированием фономорфологических вариантов корня и формированием этимологического гнезда обнаруживается и получает доказательную силу именно в результате этимологического анализа. Моделирование мы понимаем не только как "научный прием, состоящий в схематическом воспроизведении объекта, либо не поддающегося непосредственному наблюдению, либо отличающегося большой сложностью (Ахманова, 1969:238), но и как прогнозирование. Подчеркивая чрезвычайную важность словообразовательного анализа в этимологии, Ю.В.Откупщиков, по сути моделирует недостающие звенья в словообразовательных цепочках, которые он строит на основе соот-

ветствующих словообразовательных моделей (Откупщиков, 1969: 82-83). Известно и словообразовательное моделирование как определенно организованная совокупность приемов и средств, связанных с построением таких сложных единиц, как производные (Общее языкознание, 1972:350). Элементы моделирования, т.е. прогнозирования или предсказания каких-то форм, присутствуют спорадически в работах отдельных исследователей. Однако в качестве основного приема, кажется, моделирование пока еще не фигурировало в этимологических исследованиях.

Впрочем, в работе над "Этимологическим словарем славянских языков" была апробирована и успешно применена "в общем очень простая и тем не менее новая методика" - моделирование праславянской лексики по лексике живых языков и диалектов (Трубачев, 1979:7).

К числу трудностей этимологизирования часто относят и неправильное определение хронологического среза, к которому принадлежит анализируемый этимон, причем чаще случается незаслуженная архаизация, т.е. слово как бы "удревняется" (Львов, 1969:189). Анализ слова в рамках этимологического гнезда также может помочь в выборе более правильного решения (Варбот, 1963:197), так как изолированное слово как бы утравило свои временные связи вследствие потери генетических связей. А это может повлечь за собой переразложение, опрощение и, тем самым, деэтимологизацию (Маковский, 1986:22-23), а также реэтимологизацию (Белецкий, 1950:242).

Успешное исследование в рамках этимологического гнезда обеспечивается комплексным характером этимологической науки,

поэтому с исследованиями этимологического гнезда могут быть связаны и перспективы этимологии как науки. Анализ в рамках этимологического гнезда помогает успешно решить задачу, которая, по мнению Р. Шмидта, стоит перед этимологией: "Этимология должна прежде всего остерегаться слишком односторонней приверженности к одной из двух крайностей ("корневая" этимология для наиболее отдаленного прошлого, или история слова). Она должна скорее объединить обе точки зрения и проследивать историю рассматриваемого слова в целом, принимая во внимание как историю звуков и словообразования, так и историю значений" (Цит. по: Варбот, Куркина; 1980:186).

Почему-то среди противников "корневой этимологии" укоренилось мнение, что между конкретной лексемой и индоевропейским корнем, к которому она возводится, существует пропасть, что и считается основным пороком "корневой этимологии" (Лейман, 1977, цит. по: Варбот, Куркина, 1980:189), так как якобы отсутствует тщательный и последовательный анализ, доказывающий правильность возведения этой лексемы к соответствующему корню. Но ведь это совершенно не так. Этимологическое гнездо может формироваться только в процессе возведения лексем к соответствующему корню, а это возможно лишь после тщательного этимологического анализа на основе моделирования и с учетом фономорфологических альтернатив, не поддающихся произвольному толкованию. Эта процедура предполагает строгую сегментацию слова на корень и детерминатив; т.е. в конечном счете, это — тщательный этимологический анализ.

Сложные случаи, связанные с опрощением, переразложением, рэтимологизацией, тоже могут быть решены в рамках иссле-

дования этимологического гнезда более надежно и успешно. Путь к верному решению начинается с правильного возведения лексемы к корню. Именно в рамках этимологического гнезда эта процедура возможна наиболее вероятно.

С проблемой формирования этимологического гнезда связан и такой момент как знаковое изображение корня и его вариантов на основе фонеморфологических реконструкций и фонеморфологической транскрипции. Для славянских языков, например, фонеморфологическая транскрипция не соответствует фонетической: она дает представление о фонемном и морфемном составе слова. Вместе с фонеморфологической реконструкцией она "может быть определена как хронологически приуроченная и в разной мере отражающая проявления основных тенденций праславянского фонетического развития ..." (Трубачев, 1963а:13-15).

В этом же смысле мы употребляем фонеморфологическую транскрипцию и реконструкцию по отношению к германским и балтийским языкам, что отражается в фонеморфологических вариантах корня $\text{UR}^{\text{C}}\text{-t-}$ "гнуть, крутить, вертеть". Это положение хорошо согласуется с выводами А.А.Зализняка относительно реконструированных основ общегерманского словаря: "приводимые реконструкции представляют собой не что иное, как условные формулы, включающие: I) фонетический комплекс, который, будучи преобразован по некоторым правилам (разным для разных древних германских языков, но всегда одинаковым для одного и того же языка), даст основы реально засвидетельствованных древнегерманских слов. Оба эти элемента информации объективны и допускают точную проверку" (Зализняк, 1965:161).

Совершенно справедливо делается также вывод о том, что слово как объект этимологического анализа возникает на скрещении, пересечении различных структур языка, и поэтому этимологический анализ должен включать в себя методiku исследования этих структур. "Новые знания относительно какой-либо из этих структур позволяют уточнить соответствующий аспект этимологического исследования..." (Варбот, 1963:211; Топоров, 1960:47-49).

Однако не исключается и обратное воздействие: результаты, полученные в ходе этимологического исследования, могут быть применимы и иметь значение и для других лингвистических наук, так как все изменения, происходящие в отдельных звеньях, обязательно отражаются на всей системе в целом. Иллюстрацией этого тезиса является наша попытка новой интерпретации рефлексов кратких и долгих слогаобразующих в германских и балтийских языках и установление их связи с другими явлениями и процессами в системе фонеморфологических альтернаций.

В заключение краткого обзора подчеркнем мысль о том, что "в условиях продолжающегося подъема этимологии недостаток обобщающих трудов по теории и истории этимологии делается все более ощутимым", что начавшееся возрождение этимологии связывают с обновлением методик и теории этимологического исследования, а также с разработкой основных этимологических критериев и установлением принципов их взаимодействия (Варбот, Куркина, 1980:185-193).

Предлагаемая нами процедура моделирования фонеморфологических вариантов корня, основанная на строгом соблюдении принципов этимологического анализа и применении фонеморфоло-

гических альтернатив, с последующим формированием на их основе этимологического гнезда $\text{UR}^{\sim}\text{-T}$ "гнуть, крутить, вертеть" в германских и балтийских языках (с рефлексам кратких и долгих слогообразующих и детерминативами) является попыткой сделать эффективнее этимологический анализ, а также проследить и попытаться выделить какие-то специфические признаки, характеризующие германо-балтийские языковые отношения.

Закончить наши рассуждения можно современным определением этимологии – аспекта истории языка – отражающим и суть, и задачи, и способы решения этих задач, и связь с другими науками: "Этимология – это раздел языкознания, в рамках которого на основании сравнительно-исторического метода восстанавливаются (реконструируются) наиболее древняя словообразовательная структура слова и элементы его значения ("внутренняя форма слова"), которые в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межъязыковых и территориально-временных процессов оказались нарушенными, смещенными, утраченными или контаминированными. Реконструируется также характер мотивированности значения слова, возможное пересечение или контаминация нескольких корней или семантических последовательностей, ареал распространения слова (возможные смены ареала), а также факторы, оказывающие влияние на структуру и значение слова (адстратные, субстратные и суперстратные явления, соотношение значения слова и его изменений с фактами истории и мифологии того или иного народа)" (Маковский, 1986:6).

В своей исследовательской части мы пытаемся показать, что в рамках этимологического исследования можно и нужно опираться на все приемы и методы, которые могут послужить для

решения поставленных задач. "При этимологическом исследовании, как и при всяком другом исследовании, необходимо применять отдельные методы адекватно природе изучаемых явлений и соответственно потребностям исследования (стадии анализа), своевременно переходя к другим методам, когда предмет надо изучать с других сторон" (Маковский, 1986:26).

Этимологические ресурсы германских и балтийских языков еще велики и исследованы далеко не достаточно. Поскольку надежной германо-балтийской фонетической изоглоссой считаются рефлексы слогообразующих, мы остановили свой выбор на слабой степени и.-е. $\text{ḡ}^{\text{h}}\text{-} / \text{ḡ}^{\text{h}}\text{-}$ "гнуть, крутить, вертеть", который, судя по исследованиям Э.А.Макаева, имеет широко разветвленную фономорфологическую структуру, представленную значительным количеством фономорфологических вариантов с детерминативами в германских языках (Макаев, 1970:115-117).

Своей основной задачей мы считали проведение фономорфологической реконструкции в процедуре этимологизирования путем моделирования фономорфологических вариантов корня $\text{ḡ}^{\text{h}}\text{-} / \text{ḡ}^{\text{h}}\text{-}$ "гнуть, крутить, вертеть" (на материале слабой степени, что оправдано наличием рефлексов слогообразующих).

§ 2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ КОРНЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА

Системно-функциональный подход к решению важных задач, стоящих перед исследователями, занимающимися этимологическими разысканиями, во многом предопределяет, как это уже неоднократно подчеркивалось, ожидаемые результаты, которые возможно предположить, основываясь на знании фонеморфологических альтернатив, активно участвующих в формировании фонеморфологических вариантов корня (ФМВ). Системно-функциональный подход и четкое знание фонеморфологических характеристик корня позволяют на практике применить более точные методы и приемы исследования в этимологии, потому что они базируются на строгом учете фонетических, морфологических и семантических критериев. Одним из таких методов является, на наш взгляд, моделирование этимона (или архетипа), или прогнозирование его на основе четких знаний фонеморфологических особенностей языков. Б.А.Серебрянников считает подобный прием необходимым, когда "сам ход исторического процесса не является очевидным для исследователя, который видит только конечный результат этого процесса, но знание определенных закономерностей позволяет ему гипотетически предполагать характер и направленность этого процесса" (Серебрянников, 1974:7). Б.А.Серебрянников называет этот прием вероятностным обоснованием в компаративистике, но по сути своей, на наш взгляд, он идентичен моделированию. В этом контексте можно сослаться на мнение В.Н.Топорова, который констатирует, что "почти отсутствуют этимологические работы, в которых совокупность анализируемых слов исследова-

лась бы под углом той или иной общей идеи" (Топоров, 1963:250). Такой общей идеей в нашей работе являются системно-функциональный подход, моделирование этимона на основе фонеморфологических альтернатив, исследование лексики в рамках этимологического микрогнезда. Мы отдаем себе отчет в том, что "поскольку целью этимологии является определение модели образования слова в определенной языковой системе, постольку этимологическое исследование не может обойтись без определения корня (или, строже, производной основы), принадлежащего часто древнейшему языковому состоянию и потому необходимо принимающего очень абстрактный вид и значение. Следует, однако, учитывать, что степень гипотетичности этого корня в отношении формы и значения определяется только уровнем наших знаний о древнейшей языковой структуре и ее позднейших преобразованиях, а потому не является величиной неизменной" (Варбот, 1963:195).

Прием, похожий на моделирование, описан у Т.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, которые считают, что более сложные структурные образования, возникающие в результате порождения, получаются в результате сложения исходных структур в линейной последовательности (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:249).

Смоделированные структуры (ФМВ), системно организованные вокруг базового корня $\sqrt{\text{UER}}$ - "гнуть, крутить, вертеть", дают картину всего этимологического гнезда, тем самым становясь его составляющими. Таким образом, применение на практике результатов, достигнутых в теории, может в значительной степени повысить надежность и объективность, в частности, этимологических словарей, самые современные из которых еще пест-

рят неуверенными и приблизительными формулировками типа "этимология туманна", "этимология затемнена" и т.п. В новейшем словаре В. Лемана, очень высоко оцененном коллегами, мы насчитали около 20 такого рода высказываний. Это лишний раз показывает, как тяжела и сложна работа этимолога. Ж.Ж. Варбот считает, что главным препятствием на пути к уточнению приблизительных этимологических решений является отсутствие надежных реконструкций (Варбот, 1967:68). С этим можно согласиться лишь частично, так как, на наш взгляд, большую надежность реконструкции может обеспечить именно прогресс в развитии языкознания, а также современный взгляд на возможности скорейшего использования в практике последних теоретических достижений.

Для того, чтобы показать суть нашего подхода к решению этой сложной задачи, необходимо вкратце остановиться на следующих вопросах, самым непосредственным образом связанных с формированием этимологического гнезда, таких как структура корня, вариативность корневой морфемы, фономорфологические альтернации, фономорфологический вариант корня, чередование по аблауту в корневой морфеме и вычленение детерминатива, возведение лексемы к соответствующему фономорфологическому варианту корня. Нас интересуют в первую очередь фономорфологические варианты с рефлексам слогообразующих в германских и балтийских языках, но для полноты картины мы попытаемся схематически дать структуру этимологического макрогнезда $\text{uog-}/$
 $\text{uog-}/\text{ug-}/\text{ug-}$ "гнуть, крутить, вертеть". Необходимо отметить, что перечисленные выше проблемы, связанные с теорией индоевропейского корня, очень актуальны, но, к сожалению, изу-

чены еще далеко не достаточно.

Поскольку целью настоящего исследования является формирование этимологического микрогнезда $\text{UR}^{\text{X}}\text{-T}$ "гнуть, крутить, вертеть" на основе фонеморфологических вариантов с рефлексамии сло-гообразующих и детерминативами для выявления, в частности, и возможной специфики германо-балтийских языковых отношений, неизбежно встает вопрос: что является конечной целью установления этимологии - лексема или корень, ибо, как указывал Э.А.Макаев, "для любого этимологического исследования принципиально важным оказывается выяснение этимологического среза, или этимологической глубины, до которой доходит исследователь. Чем ниже этимологический срез, тем более эффективным оказывается восстановление корня или структуры этимона, а не лексем. Именно принцип относительной хронологии диктует необходимость вычленения нескольких этимологических срезов, или нескольких уровней этимологической глубины, каждый из которых характеризуется присущим ему структурированием основных этимологических единиц: лексем, корня, детерминативов, преформантов" (Макаев, 1970:33). Иными словами, объектом наших исследований будут и корни, и лексем, в зависимости от конкретных целей.

Как уже отмечалось, вопрос о структуре корня в индоевропейских языках не потерял актуальности и сегодня. Из-за ограниченного объема диссертации мы коснемся только самых важных положений, непосредственно связанных с моделированием фонеморфологических вариантов корня и формированием этимологического микрогнезда. Этими основными моментами мы считаем чередования по аблауту и вариативность корневой морфемы, структуру этимона и разложение его на корень и детерминатив, сочетаемость ан-

лаутных согласных и возможные изменения в этих сочетаниях (закон Лидена).

В определении О.С.Ахмановой, корень есть "непроизводная (или простая) основа, не заключающая в себе никаких аффиксов и выделяемая а) по отношению к данному состоянию языка – морфологический корень, или корневая основа, и б) по отношению к прошедшим эпохам его развития – этимологический корень, собственно корень, или этимон" (Ахманова, 1969:208). Мы будем пользоваться терминами "корень" и "этимон". В определении Э.А.Макаева, этимон – "структурно оформленный на соответствующем этимологическом уровне фономорфологический и семантический комплекс, являющийся исходным для определенной лексемы или группы производных образований в различных индоевропейских языках" (Макаев, 1970:34).

Следует обратить внимание на то, что термины "корень", "префикс", "аффикс" считаются единицами словообразовательного или этимологического анализа, и относятся к диахронической (исторической) морфологии, а термины "основа", "флексия", (иногда) "суффикс", считаются терминами, описывающими словоизменение, и относятся к синхронной морфологии (Общее языкознание, 1972:379–385). Хотя на практике происходит почти полное смешение этих терминов.

Отмечая, что для германского этимона в качестве уровня избирается общегерманское состояние, Э.А.Макаев указывает на то, что характеристика германского этимона дается та же, что и для индоевропейского (Макаев, 1970:34). Нам представляется целесообразным избрать такую же характеристику и для балтийского этимона, хотя вопрос о существовании единого прабалтийского

ного языка нельзя считать решенным окончательно.

Исчерпывающий и строгий анализ этимона (индоевропейского, германского, балтийского) возможен лишь с учетом плана выражения и плана содержания. "Что касается плана выражения индоевропейского этимона, то на общиндоевропейском, особенно на раннеиндоевропейском, этимологическом уровне структура этимона может быть представлена как сочетание корня плюс определенный набор детерминативов" (Макаев, 1970:33-34).

Надо отметить, что в последнее время возобновился интерес к проблеме вариантов корня. После ("эпохальной", по оценке Э.А. Макаева) монографии П.Перссона к этой теме обращались Л.Блумфильд, Ю.В.Откупщиков, И.М.Ошанин (на большом материале китайского языка), С.С.Майзель (на материале семитских языков), Э.А. Макаев (на материале германских языков), Э.Г.Туманян (на материале армянского языка), А.С.Мельничук (на материале славянских и других индоевропейских языков) и др. Однако Н.А.Сыромятников считает, что кроме Л.Блумфильда и немногих других языковедов мало кто подметил отдельные примеры сходства корней (Сыромятников, 1972:III). Такая оценка представляется нам неверной, так как начиная с Г.Курциуса, введенного в употребление лингвистический термин "детерминатив", проблема вариантов корня уже больше не покидала круга интересов компаративистов. Таким образом, вопрос о связях между разными корнями одного или близкородственных языков (Сыромятников, 1972:III) волнует многих исследователей. Так, подмечено, что один и тот же корень даже в словах одного языка в одну и ту же эпоху может быть фонетически неидентичным, однако опыт показывает, что "границы звукового разнообразия слов могут быть очень широки - это не мешает осоз-

напному единству корневой морфемы. Существенным здесь является регулярность звукового разнообразия, выделяемого в различных словах, объединяемых общностью корневой морфемы" (Сыромятников, 1972:109).

Так, Д.В.Откупщиков отмечает, что индоевропейские корни типа $^{\#}ker-$ и $^{\#}kel-$, $^{\#}der-$ и $^{\#}del-$, $^{\#}ger-$ и $^{\#}gel-$ и т.д. очень часто имеют одинаковое значение, что некоторые исследователи (например, П.Перссон, К.Бругман) объясняли такие случаи диссимляцией, имевшей место в двойных корнях типа $ger-ger$ или $gel-gel$. Однако Д.В.Откупщиков считает такое объяснение неудовлетворительным и неубедительным. "Анализ материала показывает, что эти кажущиеся единичные отклонения представляют собой реликты какой-то более древней и более обширной по своему охвату системы. Дело в том, что смысловые совпадения (частичные или полные) характерны не только для корней, содержащих плавный или носовой, но и для корней, содержащих любой из шести сонантов" (Откупщиков, 1967:166).

Таким образом, речь здесь может идти о детерминативах, или "модификаторах" корня, которые способны влиять на звуковой облик корня, не меняя при этом его значения.

"Первичный, чисто дескриптивный анализ индоевропейских морфем позволяет обнаружить большое разнообразие структур... Во многих случаях, однако, можно различить определители корней, которые доказывают, что более сложные структуры часто являются вторичными и образовались от более простых, например: $^{\#}help-$ или $^{\#}welp-$ из $^{\#}hel-$ соответственно $^{\#}wel-$ " (Семерьян, 1980: 146-147).

Если более простой корень засвидетельствован не всегда,

но его существование предполагается наличием регулярных параллельных образований (Семереньи, 1980:II4-II5), то предположение, что более длинные корни необходимо возводить к более кратким, не отвергается, так как в этой идее нет внутреннего противоречия (Семереньи, 1980:I49).

С тех пор, как Г.Курциус ввел в 1867 году понятие "детерминатив", прошло уже более века, однако и сегодня проблема расширения остается одной из ключевых в теории индоевропейского корня. Э.А.Макаев, рассмотревший детерминативы в германских языках в связи с исследованием структуры корня и слова и преследуя при этом цель - разработать принципы создания общегерманского словаря, построенного на достижениях современного языкознания, - пришел к выводу, что изучение возможности расширения корня при помощи детерминативов наряду с другими проблемами структурного оформления слова в древних германских языках должно, в частности, положительно сказаться на исследовании общегерманской лексики в ее этимологическом и ареальном аспектах (Макаев, 1970:5).

Э.А.Макаев творчески применил и развил дальше основные положения теории детерминативов, изложенные в монографии П.Перссона. Так, следуя выводам П.Перссона, Э.А.Макаев тоже считает, что детерминативы и суффиксы имели общее происхождение: в раннеиндоевропейском "детерминативы представляли суффиксальные элементы, а также в ряде случаев, конечные элементы корня, отделившиеся от него в результате многократных процессов переразложения, следствием чего явились индивидуализация этих элементов, превращение их в детерминативы и возможность сочетаться с любым корнем" (Макаев, 1970:35). Еще П.Перссон указывал на то, что невозможно установить источник возникновения детерминатива в

каждом конкретном слове, а также на то, что термины "детерминатив" и "суффикс" нельзя смешивать, хотя разница между ними относительная, покоящаяся на историческом развитии обоих формантов. Впрочем, сам П.Перссон признается, что в I томе своего исследования часто пользовался термином "суффикс" вместо "детерминатив" (Persson, 1912:556).

Э.А.Макаев так описывает возникновение суффиксов и детерминативов: "Апофонических различий в структуре суффикса и детерминатива не наблюдалось, они принадлежали к одному и тому же классу, а их различия объяснялись различной временной соотносительностью. За вычетом случаев переразложения корня, детерминатив представлял конечный результат семантического опустошения суффикса, функционировавший как пустой элемент среди значимых элементов языка, но являвшийся обязательной составной частью структуры этимона и получивший более или менее самостоятельный семантический спектр лишь при последовательном сопоставлении групп этимонов, относящихся к разным уровням этимологической глубины, или при сопоставлении групп этимонов, имеющих различное пространственное или ареальное распределение" (Макаев, 1970:35).

В.Кипарский, в целом считая теорию о детерминативах друженственной этимологии (*etymologiefreundlich*), отмечает, что эпигоны П.Перссона совершили много зла, потому что использовали его теорию без необходимой осторожности, так как принимая "варианты корня", они пытались сделать этимологизирование "удобным" себе (Kiparsky, 1966:69).

Противники детерминативов и вовсе отрицают их существование (Левковская, 1960). По остроумному замечанию А.Мейе "эти

определители вносят неточность в область этимологии, ибо равным образом невозможно и пренебречь ими или составить полную их теорию" (Мейе, 1938:194).

Относительно германских языков можно с уверенностью сказать, что Э.А.Макаев разработал теорию детерминативов, ставшую большим и значительным вкладом не только в германское языкознание, но и в общую теорию сравнительно-исторического языкознания. Так, в частности, критически рассмотрев теорию индоевропейского корня Э.Бенвениста, он выдвинул свое понимание этой очень трудной и важной проблемы современного языкознания. Красной нитью проходит через все рассуждения и доказательства Э.А.Макаева мысль о динамичности, а не статичности (в отличие от Э.Бенвениста) индоевропейского и германского корня (Макаев, 1970:II). "Если в результате морфологического процесса переразложения флексивные морфемы подверглись многократным преобразованиям и в протондоевропейском, и в общендоевропейском, и в общегерманском, то в результате морфологического процесса опрощения детерминативы (или суффиксальные элементы), сливаясь с корнем, неоднократно преобразовывали в тех же языках корневую морфему. Таким образом, и корень (вместе с основой), и форматив в равной мере были подвержены постоянным модификациям" (Макаев, 1970;II).

Э.А.Макаев подчеркивает, что уязвимой была и сама методика вычленения корня в составе общегерманской лексемы, при этом корень вычленялся на индоевропейском уровне, и результаты вычленения корня адаптировались к германскому материалу. "Так, сегментация лексемы на корень + детерминатив + форматив производилась при реконструкции лексемы в индоевропейское состояние;

при этом принималось (и продолжает приниматься), что в отдельных языках, например, в германских, может быть проведена подобная сегментация. Такова общая практика составления этимологических словарей отдельных индоевропейских словарей. Так, Я. де Фрис вычленяет одни и те же детерминативы в древнеисландском и в современном исландском языках по индоевропейской шкале детерминативов" (Макаев, 1970:8).

Э.А.Макаев уточнил и обосновал методiku выделения детерминативов как на индоевропейском, так и на германском уровне: "детерминативы в индоевропейском и германском вычленяются лишь в том случае, когда реально представлена производящая и производная основа, когда наблюдается вариабельность конечных элементов производной основы при наличии производящей основы, когда обнаруживаются достаточно тесные семантические связи между производящей и производной основой, содержащей детерминатив, когда этимологический анализ (или этимологическая сегментация) лексем производится при строгом соблюдении хронологического среза, на котором находится данная лексема" (Макаев, 1970:13).

Вольную роль в германских языках играет опрощение, т.е. деэтимологизация (Маковский, 1986:23). "В данном случае приходится констатировать, что индоевропейский детерминатив вошел в состав корня, который подвергся процессу опрощения и на германском уровне предстает как новая структурная единица по сравнению с индоевропейским корнем" (Макаев, 1970:14).

К такому же выводу пришла М.М.Гухман. "Процессы опрощения привели в германских языках, как и в других индоевропейских языках, к переформлению старых морфологических структур,

состоявших из древнего корня + детерминатив + суффикс. В германских языках это корни на долгий гласный или на сонант + согласный (т.н. тяжелые корни). То, что эти корни генетически являлись двуморфемными образованиями, восстанавливается на основе внутренней реконструкции" (Гухман, 1963:10). По мнению М.М. Гухман, отмеченные процессы опрощения привели к продуктивности в германских языках основ, тождественных корню, а формирование этих основ предшествовало формированию специфических германских особенностей (Гухман, 1963:11).

Для нашего исследования очень важен второй тип изменения в структуре германского слова, затрагивающий преобразование слова, состоявшего из корневой морфемы + суффикс + окончание, в слово, состоящее из корневой основы + окончание, на базе превращения суффикса в элемент корня (Гухман, 1963:25). Становление этого нового корня, по мнению М.М.Гухман, относится к древнейшим морфологическим процессам в структуре индоевропейского слова (Гухман, 1963:25).

Что касается функционирования детерминативов в балтийских языках, то этот вопрос почти не разработан: за исключением нескольких статей нам не удалось разыскать других работ, в которых бы поднимались подобные вопросы. (Ср.: Karaliunas, 1971; Dambė, 1973).

Поскольку германские и балтийские языки являются родственными, имеющими значительные совместные ареальные изоглоссы на всех языковых уровнях, нам кажется вполне допустимым и оправданным принять и для балтийских языков методику вычленения детерминативов, разработанную Э.А.Макаевым для германских языков.

Очень важным представляется нам также вывод Э.А.Макаева о принципах сочетаемости корня и детерминативов: "Сочетание корня с одним или несколькими детерминативами не диктовалось структурой корня, оно отражало скорее определенные структурно-типологические особенности общиндоевропейского, а именно: стремление к морфонологическим кумуляциям или морфологической избыточности в структурировании слова в общиндоевропейском, что, возможно, в свою очередь, было продиктовано стремлением к разгрузке омонимии" (Макаев, 1970:35).

Теория детерминативов является фрагментом общей теории индоевропейского корня, которая разрабатывалась Э.Бенвенистом и известна в настоящее время больше других теорий корня.

Эта теория покоится на признании двух состояний индоевропейского корня: состоянии "ударяемая полная ступень корня + нулевая ступень суффикса" (основа I) и состоянии "нулевая ступень корня + ударяемая полная ступень суффикса" (основа II)". "Причем разницы между "суффиксом" и "распространителем" нет, так как один и тот же элемент может быть и тем и другим" (Бенвенист, 1955:179). Основываясь на дальнейшем развитии ларингальной теории, Э.Бенвенист считает, что применяя ее, можно "восстановить индоевропейские корневые морфемы в их истинном виде, разлагая начальные и конечные гласные: $\text{ḡ}ed-$ возводится к ḡ_1ed- , ср. $\text{ḡ}sed-$; $\text{ḡ}ag-$ к ḡ_2ag- , ср. $\text{ḡ}teg-$; $\text{ḡ}ok^{\text{h}}-$ к $\text{ḡ}_3ek^{\text{h}}-$, ср. $\text{ḡ}sek-$. "Таково то единственное символическое изображение, которое соответствует фонетическому составу корня" (Бенвенист, 1955:180-179).

Э.Бенвенист сформулировал основные принципы теории корня, из которых нас прежде всего интересуют следующие:

1) От корня образуются с помощью суффикса две чередующиеся основы: I – ударяемый корень с полной огласовкой + суффикс в нулевой ступени, II – корень в нулевой ступени + ударяемый суффикс с полной огласовкой.

2) К суффиксу может присоединяться только одно распространение, либо добавляемое после суффикса к основе I, либо вставляемое между корневым элементом и суффиксом в основе II (инфиксация).

3) Если к основе, уже содержащей суффикс и распространение, прибавляется еще одно распространение или суффикс, то в результате обязательно получится именная основа (Бенвенист, 1955:201-202).

Касаясь глагольных основ, образование которых было ограничено, Э.Бенвенист добавляет, что "эти правила требуют, по меньшей мере, двух глагольных основ в различных состояниях, для того чтобы корень мог быть определен наверняка. Если этого условия нет, реконструкция получается ненадежной. Нельзя, например, сказать, является ли в изолированной основе ^жtekþ- (скр. takъ, гр. τεκν- элемент þ ... суффиксом или распространением; форма корня остается поэтому неясной" (Бенвенист, 1955:201-203).

Необходимо также остановиться на разграничении Э.Бенвенистом суффикса и распространения, так как этот момент является одним из ключевых в определении структуры корня. "Мы отличаем суффикс от распространения чисто формально: суффикс характеризуется своей чередующейся формой: -et-/-t-, -en-/-n-, -ek-/-k- и т.д.; распространение же, не имея чередования, состоит из одного согласного -t-, -n-, -k- и т.д. Это различие, будучи чрезвычайно важным, заменит собой понятие "опреде-

лителя корня" ("Wurzeldeterminativ"), применявшееся весьма непродуманно" (Бенвенист, 1955:179).

Как отмечают многие лингвисты, эту подкупающую своей простотой теорию корней, встретили вначале с воодушевлением (Горнунг, 1955; Семереньи, 1980). Но в последние годы она стала вызывать скептическое отношение, которое все более усиливается. Дело в том, что эта теория, как и любая другая теория корней, должна отвечать двум условиям: а) она должна согласовываться с эмпирически установленным объемом корней, а также б) с эмпирически выявленной структурой корней" (Семереньи, 1980:148). Тем не менее, труды Э.Бенвениста, как и труды Е.Куриловича, по структуре индоевропейского корня позволили предложить новые достоверные этимологии и тем самым продвинулись дальше по пути изучения системы языка-основы (Jusquois, 1966:57).

Э.А.Макаев также поднял вопрос, "в какой мере теория корней Э.Бенвениста отвечает современному состоянию наших данных о древнейшем структурном облике общиндоевропейского языка, в какой мере эта теория помогает вскрыть и объяснить закономерности структурного оформления слова в индоевропейском и в какой мере с помощью данной теории можно объяснить особенности структуры корней и структуры слова в общегерманском, ибо в том случае, если данная теория верна и в отношении индоевропейского, она должна быть верна и в отношении общегерманского. Вплоть до настоящего времени отсутствует углубленный и критический анализ теории Э.Бенвениста; подавляющее большинство компаративистов (это относится преимущественно к немецкой школе компаративистов) предпочитают оперировать индоевропейским материалом, не прибегая к теории индоевропейского корня

Бенвениста, при этом не задумываясь над тем, почему они не прибегают к данной теории. Это характерно, например, для Покорного и его "Индоевропейского этимологического словаря" (Макаев, 1970: 130-131).

Относительно двух состояний индоевропейского корня советский германист отмечает, что на самом деле в разных индоевропейских языках чаще всего засвидетельствована лишь одна из постулируемых основ (Макаев, 1970:154). По мнению Э.А.Макаева, Э.Бенвенист решает проблему детерминативов, основываясь на чисто фонетическом определении корня и расширителей, поэтому и соотношение их дается лишь на фонетическом уровне, а соотношение корня и суффикса регулируется чисто автоматически, причем каждый корень может получить только один суффикс, а основа в состоянии I не допускает распространения; она может иметь его только в состоянии II (Макаев, 1970:154).

Э.А.Макаев полагает поэтому, что учение Э.Бенвениста о двух состояниях корня является наименее оригинальной частью его учения, так как в нем проявляется полный параллелизм с точкой зрения Г.Хирта, согласно которой он выделял *Vollstufe I* и *Vollstufe II* а само учение о двух состояниях индоевропейского корня, в конечном счете, восходит к Ф.Вопшу (Макаев, 1970: 157).

Принимая трехбуквенный односложный корень за единственно возможный, Э.Бенвенист отвергает существование двусложных корней, хотя из исследования Г.Хирта неопровержимо вытекает обязательное наличие их в общеиндоевропейском, и пытается выйти из затруднительного положения, объявив второй компонент двусложных корней, т.е. *ə*, либо распространением (*ə*), либо суф-

фиксом (-eə- / -ə-). Э.А.Макаев убедительно доказал, что дистрибуция суффикса и распространения, а также их сочетаемость с корнем, различна, а следовательно, различие между суффиксом и распространением не может быть чисто фонетического рода (Макаев, 1970:159-160). Необходимо прежде всего различать суффикс и детерминатив в синхронной и диахронной плоскости. "Диакронически суффикс и детерминатив относятся к разным срезам индоевропейского языка: детерминатив - к более раннему срезу, суффикс ... - к более позднему срезу, хотя в отдельных случаях детерминатив мог явиться продуктом семантического выветривания суффиксов. Во всяком случае, развитие детерминатива → суффикс - не единственный путь формирования данной категории. Синхронически: суффикс и детерминатив различаются функционально и дистрибутивно; суффикс - всегда значимый элемент ("наименьшая знаменательная часть слова"), всегда - часть слова; детерминатив - формальный элемент, он - часть корня. Детерминатив (если он вычленяется) всегда занимает позицию между корнем и суффиксом, он никогда не следует за суффиксом. Функционально суффикс является модификатором слова, детерминатив - модификатором корня. Со структурной точки зрения детерминатив всегда одноэлементен (e/o, i, u, k, g, t, d, n, r, l, s); суффикс может быть одноэлементным и более, а также иметь структурную модель "гласный + согласный", "согласный + гласный" (-k-, -l-, -n-, -lo-, -no-, -tro-, -ko-, -er- и т.д.), а также модель "чистый гласный" (-ā-, -o-, -i-, -ū- и т.д.). Следовательно, место детерминатива и суффикса в индоевропейском основообразовании и словообразовании было различно" (Макаев, 1970:162-163).

Уже А.Мейе указывал на то, что "индоевропейский корень не есть элемент неразложимый и застывший" (Мейе, 1938:108). Однако по теории Э.Бенвениста получается, что индоевропейский корень имел "застывший, неподвижный, неизменный характер"; при этом исключаются другие гласные, кроме (e); исключается, что индоевропейский корень мог иметь долгие гласные; наконец, исключается, что корень мог иметь более или менее трех элементов. Поэтому невольно возникает впечатление, что морфологические элементы индоевропейского слова никогда не подвергались никаким изменениям (Макаев, 1970:147).

Итак, основные возражения в теории корня Э.Бенвениста вызывает то, что она является образцом статической реконструкции. "Ни у кого не вызывает сомнения, что в естественном языке существуют разные модели структурного оформления основы", а в соответствии с динамической теорией реконструкции могут быть постулированы разные модели корня (Кумахов, 1981:358).

Как уже отмечалось, Э.А.Макаев разработал для германских языков основные положения теории корня, в том числе он выделил следующие структурные модели:

- 1) двухэлементные структурные модели с открытым и закрытым слогом ($\mathbb{X}ag-$, $\mathbb{X}d\bar{o}-$);
- 2) трехэлементные структурные модели ($\mathbb{X}dek-$, $\mathbb{X}aug-$, $\mathbb{X}gen-$);
- 3) четырехэлементные структурные модели ($\mathbb{X}bheid-$, $\mathbb{X}bheidh-$, $\mathbb{X}deik-$, $\mathbb{X}geus-$).

В отдельных случаях отмечается наличие пятиэлементных структурных моделей ($\mathbb{X}sueid-$, $\mathbb{X}spend-$).

В индоевропейском корне могли выступать все гласные полногласного образования (a, e, i, o, u). Индоевропейский корень был

подвержен постоянным преобразованиям; это особенно относится к спайке его с последующими элементами (детерминативами), в результате чего образовывались новые структуры корня и в отношении количества в него входящих элементов, и в отношении его исходных элементов" (Макаев, 1970:181).

Что касается структуры германского корня, то Э.А.Макаев отмечает, что структурная модель общегерманского корня оказывается весьма близкой структурной модели индоевропейского корня. "Отличия сводятся в основном: а) к постепенному возрастанию элементов, входящих в общегерманский корень ...; б) к наличию корней с геминатой ... Так как в германском отсутствует структурная модель двусложного корня, то для данного исследования проблема двусложных корней оказалась irrelevantной" (Макаев, 1970:181).

С последним выводом Э.А.Макаева мы не согласны, так как считаем, что модель двусложных корней представлена и в германских языках. Подробно на этом мы останавливаемся в главе III, § I, рассматривая рефлексы долгого слогаобразующего плавного в германских и балтийских языках.

Среди изменений, имеющих значение в определении родственных корней, Н.А.Сыромятников отмечает чередования типа аблаута. "Они осознаются, могут дифференцировать значение, но обычно в чисто грамматическом или словообразовательном плане. Но и такие чередования фонем не приводят к деформации лексического значения" (Сыромятников, 1972:109).

В германских языках также несомненна исконная связь аблаута с особенностями структуры корня, проявляющаяся в противопоставлении производящих и производных слов (Гухман, 1962:222).

"По своей природе и по характеру функционирования еще в эпоху индоевропейской общности аблаут находился на стыке фономорфологической и морфологической систем. Он является одним из важнейших элементов фономорфологической структуры индоевропейского слова" (Гухман, 1962:222).

По наблюдениям В.Н.Ярцевой, в древнеанглийском языке наличие чередования по аблауту в очень большом количестве создает значительное число вариантов одной и той же корневой морфемы и приводит, вместе с тем, к объединению слов вокруг одного корня (Ярцева, 1960:33).

Определение аблаута, данное П.С.Кузнецовым, не потеряло своего значения и сегодня: "Под чередованием мы понимаем ряд различных форм одной и той же морфемы, частично отличающихся друг от друга фонетическим составом и имеющих различное морфологическое (словоизменятельное и словообразовательное) значение. Эта смена должна выполнять какую-то семантическую функцию, причем две формы морфемы должны выражать различное значение, будучи в то же время по значению связаны" (Кузнецов, 1952:62).

В связи с участием аблаута в образовании вариантов корней неизбежно возникает вопрос об идентичности корневой морфемы в таких образованиях. Относительно аблаута, представленного, например, в ряду *sing: sang: sung: song...* в английском языке Л.Блумфильд считает, что "при адекватном описании одни формы будут рассматриваться как основные, а другие — как вторичные производные или как первичные производные с фонетическими модификациями корня. Однако в некоторых случаях мы обнаруживаем отчетливо выраженное фонетико-семантическое сходство между образованиями, которые мы считаем разными корнями" (Блумфильд, 1968:266).

Н.А.Сыромятников полагает, что в данном случае говорящий по-английски имеет дело не с самим ходом исторических изменений, а лишь с их результатом, с системой равноправных вариантов корня, различающихся фонемой и грамматическим значением (Сыромятников, 1972:197).

Существенную роль в общендоевропейском играли чередования гласных по количеству, как и чередования сонантов по количеству, так как они определяли собой различные морфологические варианты одного корня. Анализируя вклад Ф.Ф.Фортунатова в теорию индоевропейских чередований гласных, С.Д.Кацнельсон подчеркивал, что именно Ф.Ф.Фортунатов, "дополняя теорию общендоевропейского чередования гласных данными чередования сонантов", поднимал большой вопрос о существовании в общендоевропейском языке разветвленной системы чередований согласных наряду с чередованиями гласных (Кацнельсон, 1954:52).

Ю.В.Откупщиков на целом ряде примеров из разных индоевропейских языков с чередованиями, свидетельствующими о их большой древности, делает предположение, что различие этих форм сводится к качеству входящих в них сонантов. "Трудно предположить, чтобы все эти совпадения также могли оказаться случайными" (Откупщиков, 1967:185).

Оставляя в стороне общеизвестные явления, связанные с вариантами корней, Н.А.Сыромятников предлагает обратиться к изучению сходства между заведомо разными корнями, имеющими минимум одну неодинаковую фонему во всех формах и производных словах. При этом он задает вопрос: "могут ли корни простых слов, различающихся одной фонемой, иметь близкие значения? Или они всегда не будут иметь ничего общего по значению? Или

сходство семантическое будет таким же случайным, как и фонематическое?" (Сыромятников, 1972:114).

Н.А.Сыромятников называет такие корни родственными, хотя считает их заведомо разными (Сыромятников, 1972:114). Мы же рассматриваем такие корни как действительно родственные, потому что считаем, что фонеморфологические варианты отражают существование этих самых родственных корней в понимании Н.А.Сыромятникова. С этим вопросом самым тесным образом связано наличие в индоевропейском хорошо разветвленной системы вариантов корня, которые воспринимаются часто многими исследователями как фонетически близкие корни, не являющиеся, однако, этимологически родственными (Ср.: Сыромятников, 1962:157).

Среди исследователей, изучавших родственность корней (в нашем понимании, а не в понимании Н.А.Сыромятникова) следует назвать А.С.Мельничука, который, например, генетически связывает группу структурных вариантов и.-е. $\sqrt{\text{uei}}$ - "гнуть, вить" в сочетании с разными расширителями с целым рядом семантически близких корней, в которых на ранних ступенях развития индоевропейского в роли функционально тождественного звукового компонента выступали согласные bh, gh, k, l, s (ср. bher-, bhen-, ghabh- и т.п.) (Мельничук, 1978:15).

А.С.Мельничук отмечает, что сама по себе идея возможности древнейших генетических связей между различными индоевропейскими корнями, которые принято считать изолированными, не содержит в себе ничего необычного. Совершенно справедливо и его замечание о том, что "на возможность таких связей указывают уже расхождения во взглядах этимологов, нередко по-разному распределяющих имеющийся лексический материал между близкими

по своему звуковому составу индоевропейскими корнями или же по-разному решаются вопросы об омонимичности или тождественности отдельных корней" (Мельничук, 1978:3).

Это замечание, на наш взгляд, совершенно справедливо указывает на тесную связь этих вопросов с этимологическим анализом, с трудностями, которые возникают, если невозможно безошибочно возвести лексику к соответствующему корню, если имеются корни-омонимы. В связи с этим можно еще раз подчеркнуть актуальность и своевременность предпринимаемой нами попытки при помощи моделирования фономорфологических вариантов корня на основе фономорфологических альтернатив сделать возведение лексем к соответствующему корню объективной и надежной процедурой.

Итак, подводя некоторые итоги, можно сказать, что в индоевропейских языках существует ряд корней, которые могут быть родственными, так как они, являясь сложными образованиями, состоящими из корня и детерминатива, восходят, в конечном счете, к одному нераспространенному корню или к корню, имеющему первичный детерминатив, как в нашем случае и.-е. ṛueg- "гнуть, крутить, вертеть", рассматриваемому традиционно как расширенный вариант и.-е. $\text{ṛuei-} < \text{ṛau-}$ (Persson, 1912:649). Анализ лексического материала показал, что в данном случае, возможно, речь может идти о корнях ṛuā- "auseinander", особенно "auseinander biegen, drehen", с расширителями: uāt- , $\text{u} \text{ } \text{əg-}$, uek- , $\text{u} \text{ } \text{ək-}$, ueng(h)- , uenk- (Pok. II08); ṛue- в расширенных вариантах ṛuedh- , ṛuebh- , ṛueg- и др. "flechten" (Pok. III4); ṛui- "auseinander", собственно, "entzwei", "Zwei" (Pok. III5), а также слова ṛuobhsa "оса" и $\text{ṛuog}^{\text{h}}\text{nis}$ "Pflugschar, Keil" и др.

Таким образом, идея моделирования фономорфологических вариантов корня (ФМВ) покоится на теории индоевропейского корня и на реализации фономорфологических альтернаций. "Привлечение данных о закономерностях использования определенных ступеней огласовки корневого гласного в различных словообразовательных моделях, о фонетических вариантах в начале и в конце словообразовательных формантов и корней, о типичной для данного языка фонологической структуре различных морфем является поддержкой, подкреплением, а иногда и основой словообразовательного анализа в этимологическом исследовании. Эти данные позволяют сближать фонетически далекие формы, анализировать их хронологические отношения" (Варбот, 1963:208).

Термин фономорфологический вариант корня (ФМВ) мы применяем вслед за Э.А.Макаевым (Макаев, 1970:52), понимая под этим такую разновидность простого корня (или корня с первичным распространителем), в которой имеют место фономорфологические альтернации, а план содержания связан непосредственно с базовым корнем, так как выражает близкое к нему значение.

Зная законы, отражающие структуру корня в германских и балтийских языках, а также характерные для этих языков фономорфологические альтернации, мы можем спрогнозировать, смоделировать допустимые ФМВ данного корня, принимая во внимание все случаи сочетаемости корня и детерминативов, а также строго придерживаясь определенной ступени аблаута. Если все этимологическое гнездо рассматривать как макрогнездо, включающее в себя все входящие в него лексемы, ^{то} на примере и.-е. $\mathbb{H}_{ueg-}$ мы строим такую схему макрогнезда: $\mathbb{H}_{ueg-}/\mathbb{H}_{uog-}/\mathbb{H}_{u\ddot{g}-}/\mathbb{H}_{u\ddot{g}^-}$ плюс детерминативы .

В таком случае мы рассматриваем одну ступень аблаута и все ФМВ с детерминативами как микрогнездо, например: $\text{u}^{\text{e}}\text{er-d}$; $\text{u}^{\text{o}}\text{or-d}$; $\text{u}^{\text{r}}\text{-d-}$; $\text{u}^{\text{r}}\text{-d-}$ (d - детерминатив).

Иначе говоря, на нижней ступеньке иерархии внутри макрогнезда находятся фонеморфологические варианты корня, которые, объединяясь вокруг определенной ступени аблаута, делают возможным выделение второй ступеньки - микрогнезда, а микрогнезда, в свою очередь, являются составляющими третьего уровня - макрогнезда. Забегая несколько вперед нам пришлось здесь изложить наше понимание микрогнезда и его составляющих. Полностью схема микрогнезда $\text{u}^{\text{r}}\text{-D-/-u}^{\text{r}}\text{-D-}$ будет дана позже, так как это связано с определением рефлексов слогообразующих, о чем речь пойдет в главах II и III.

ГЛАВА П. ДВУХУРОВНЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО
 МИКРОГНЕЗДА $\text{UR}^{\text{u}}\text{-T}$ "ГНУТЬ, КРУТИТЬ, ВЕРТЕТЬ"
 В ГЕРМАНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ НА ОСНОВЕ МО-
 ДЕЛИРОВАНИЯ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ КОРНЯ

§ I. Рефлекс r в германских и балтийских языках
 и его место в структуре фonomорфологического
 варианта корня

Благодаря системно-функциональному подходу к явлениям языка, ставшему знаменем "лингвистического мировоззрения XX века" (Журавлев, 1986:205), наши знания и представления о различных процессах, происходящих на разных языковых уровнях и разных временных срезах пополнились настолько, что могут быть сделаны некоторые выводы. Так, относительно фонологической системы можно сказать, что абсолютная ее устойчивость недостижима. "Фонологическая система, как и язык в целом, – система устойчивого равновесия, стремящаяся к устойчивости, но никогда ее не достигающая. Это скорее устойчивое неравновесие, чем устойчивость. Эволюция, развитие фонологической системы, вопреки взглядам "наивного структуризма" – не совокупность языковых состояний, упорядоченных во времени", не переходы от одной системы к другой, от одного синхронного состояния к другому. Эволюция фонологической системы – непрерывный процесс ее "систематизации", понимаемый как никогда не прекращающаяся и никогда не завершаемая прогрессирующая интеграция элементов в систему" (Журавлев, 1986:177–178).

Однако без знания механизмов фонетических изменений и

без реконструкции определенных подсистем фонем, которые не могут быть произвольными (Чекман, 1980:25), в данном случае обойтись нельзя, хотя исследователь и поставлен в жесткие условия, потому что главная его задача – объяснение происхождения языковых явлений – вынужденно решается *post factum* (Серебренников, 1974:63), и отсутствует возможность непосредственной эмпирической проверки результатов реконструкции (Клычков, 1989: III). Особенно большое значение имеют вопросы реконструкции вокализма и консонантизма (Десницкая, 1989:4), а также "тенденций к возникновению вставочных гласных, значительной связи просодической и сегментной подсистем фонологической структуры, реализации согласных и акцентов, большой функциональной роли категории слогового контакта, подвижности дифференциальных фонологических признаков внутри слога и фонологического слова" (Клычков, 1989:III). Все это теснейшим образом связано с фонологической реконструкцией, которая приводит к построению фонетической структуры архетипов (праформ) и в конечном счете к построению фонологической системы праязыка (Климов, 1989:92).

Нередко объектом исследования становятся архетипы звуков, которые уже исчезли или значительно изменились. Хотя считается, что реконструировать можно то, что сохранилось, но не то, что исчезло (Климов, 1989:II; Макаев, 1970:136–141). В таком случае об особенностях архетипных звуков можно судить по их рефлексам (Серебренников, 1974:319). Под рефлексам мы понимаем ряды с закономерными соответствиями (Цинциус, 1979:12).

В процессе выявления рефлексов какого-то архетипа звука можно, например, использовать процедуру вероятностного обоснования (или метод вероятностных предположений), которая стано-

вится возможной и даже облегчается "благодаря наличию определенных индикаторов, позволяющих составить вероятностные суждения о характере явления, имевшего место в прошлом. Такими индикаторами могут быть реально наблюдаемые следы звуковых изменений, нарушение типовых норм, всякого рода аномалии и исключения из правил и т.п." (Серебренников, 1974:55).

Примером применения такой процедуры может быть факт из истории древнерусского языка: хотя слабые редуцированные пали, а как следствие исчезло их деление на сильные и слабые, все же появилась позиция дифференциации для твердых и мягких аллофонов согласных фонем, которая отражала связь с былыми редуцированными: **КОНЬ КОНЬ** → кон - конь (Журавлев, 1986:193-194).

Этот пример можно считать также иллюстрацией применения импликации, т.е. когда "одно явление предполагает другое" (Серебренников, 1974:5). Б.А.Серебренников подчеркивает также, что "нельзя не учитывать следов некогда совершившихся в языке изменений или явлений, в настоящее время уже исчезнувших" (Серебренников, 1974:5).

Рассуждая о причинах фонетических изменений и рассматривая процесс возникновения новой или исчезновения старой фонемы, в первую очередь следует обратиться к установлению оппозиции, в которую входит данная фонема, ибо, как считают ведущие фонологи, нет оппозиции - нет и фонемы, есть оппозиция - есть и фонема (Журавлев, 1986:188). "Исчезновение фонемы мыслимо лишь как слияние, конвергенция с другой фонемой, составлявшей некогда оппозицию с исчезающей. Сливаются прежние члены оппозиции, что и отражается в формулах конвергенции и дефонологизации. Основным внутренним источником новых фонем бесспорно является расщепление, дивергенция старой фонемы. Прех-

ние аллофоны одной фонемы создают новую оппозицию, становясь новыми фонемами" (Журавлев, 1986:188).

Считается, что нахождение спонтанных фронтальных сдвигов фонем представляется особенно сложным (Климов, 1990:95). А.Мартине высказывался по этому поводу весьма скептически: "Можно заранее быть уверенным, что в диахронии нам не удастся распутать все нити клубка причинности, хотя бы потому, что причинность не имеет ни начала, ни конца" (Мартине, 1960:53). Тем не менее, А.Мартине выделял внутренние и внешние факторы фонетической эволюции, причем главная роль, по мнению А.Мартине, принадлежит внутренним факторам (Мартине, 1960:37, 240, 247).

Позиция А.Мартине по этому вопросу сводится к следующему: "получив определенную сумму сведений относительно условий всякого рода, в которых произошло известное изменение, попытаемся дать такое объяснение, где нашли бы свое место все представленные факты. В данном случае теория явится совокупностью реалистических гипотез. ... Она существует для того, чтобы сопоставлять с ней данные, которые либо без труда найдут себе место в ней, либо потребуют ее пересмотра или замены" (Мартине, 1960:54).

Не имея возможности углубиться в историю вопроса, отметим, что В.К.Журавлев выявляет четыре этапа, которые проходят звуковые изменения, оставившие те или иные следы в истории языка: 1) фонетический, 2) фонологический, 3) морфонологический, 4) социолингвистический (Журавлев, 1986:200).

Началом начал всех звуковых изменений В.К.Журавлев считает фонетические законы функционирования, которые "обусловлены состоянием фонологической системы, ее прошлым и будущим. Их действие целенаправленное: это поиск наибольшей интеграции

данной корреляции или блока, всей фонологической системы, системы данного языка, целостной системы "язык - общество", наконец" (Журавлев, 1986:202-203).

К возможным причинам фонетических изменений можно отнести и одну из основных тенденций языкового развития, а именно - тенденцию к изменчивости и превращению, которая лежит в основе развития языка (Москальская, 1977:10). Это изменение, или превращение осуществляется ради прогресса коммуникативной функции языка, ибо именно "для осуществления коммуникативной функции языковая система в целом и тем более ее отдельные подсистемы должны обладать определенным динамизмом, лабильностью, способностью адаптироваться под действием прогрессирующей интеграции и более высокого ранга в рамках макросистемы "язык - общество" (Журавлев, 1986:178).

Судьба индоевропейских слогообразующих может быть наглядной иллюстрацией изложенного выше, так как она непосредственно связана с системной реконструкцией, с выявлением адекватных рефлексов кратких и долгих слогообразующих на основе дифференциальных признаков, корреляций и оппозиций, с установлением места этих рефлексов в системе языка и в этой связи с причастностью их к другим явлениям и процессам.

Выбор слогообразующих для наших исследований был обусловлен также тем, что при анализе лексем, возводимых к и.-е. ^жUER- "гнуть, крутить, вертеть" (Макаев, 1970:206) обнаружилась интересная закономерность, которая наглядно проявляется в существовании разных типов организации лексем. Так, например, наряду с лит. *rĩsti* "катить", в котором начальное и отпало по закону Лидена (и.-е. ^жurit-), существуют еще два типа лексем, раз-

личающихся лишь интонациями: лит. *virdis* "шест" и *virptis* "тычина", "шест". Поскольку базовый корень и.-е. $\sqrt{\text{UER}}$ - "гнуть, крутить, вертеть" кончается на сонант, закономерен вопрос, не играет ли какую-то роль слогаобразующий сонорный. Поэтому и возникла необходимость коснуться теории индоевропейских слогаобразующих и их рефлексов в германских и балтийских языках. Это тем более важно для нашего исследования, что "строгое следование системе фонетических соответствий является неперемным условием любого серьезного этимологического исследования, выходящего за рамки одного языка, а без этого условия всякое этимологизирование превратится в беспочвенное жонглирование словами, лишенное какой бы то ни было научной доказательности" (Откупщиков, 1967:36).

Мы хотели бы заострить внимание на том, что для настоящей работы особую важность и необходимость представляют именно рефлексы слогаобразующих (плавных) в германских и балтийских языках. Поэтому мы и будем рассматривать прежде всего то, что относится к рефлексам слогаобразующих. "К сожалению приходится опустить весьма и весьма поучительную и драматическую "историю вопроса" (Журавлев, 1966:4).

Уже беглое знакомство с историей вопроса заставляет согласиться с мнением, выраженным еще Ф. де Соссюром: "Если бы этот вопрос случайно не привлек к себе внимания лингвистов, нам бы менее всего пришло в голову (из-за некоторых частных трудностей) использовать именно этот случай для того, чтобы заранее раскрыть наши общие соображения. Но при нынешнем состоянии дел, после того, что было высказано в связи с этим, наша работа выглядела бы не имеющей никакой четкой линии, если бы мы ограничи-

лись простым изложением этой проблемы, без всяких комментариев" (Сосюр, 1977:604).

Следует добавить, что адекватные рефлексы слогообразующих, наряду с детерминативами, играют важную роль в наших фонеморфологических построениях, так как четкое знание рефлексов как кратких, так и долгих слогообразующих в германских и балтийских языках необходимо для правильного моделирования фонеморфологических вариантов корня.

Надо отметить и такой факт, что в более чем столетней истории изучения слогообразующих сонорных фактически никто еще не проводил целенаправленного системного исследования этого большого комплекса вопросов на широком индоевропейском фоне и на материале конкретных языков. Такое исследование сегодня тем более необходимо, что проблемы реконструкции различных систем языка на различных этапах его развития приобретают первостепенное значение в современном языкознании еще по той причине, что реконструкции, сделанные в XIX веке и в первые десятилетия XX века уже не удовлетворяют современное языкознание (Савченко, 1974:135; Климов, 1969:5). Такой подход к оценке проделанного проявляется и у других современных исследователей, считающих, что "любая истина, добытая наукой, с течением времени уточняется, дополняется, перестраивается... (Панов, 1979:62-63), а И.М.Тронский подчеркивает, что современное состояние лингвистической науки, в первую очередь фонологии, требует учета новых ее достижений, которые были еще неизвестны младограмматикам (Тронский, 1967:7), потому что современная реконструкция должна проводиться по современным критериям (Тронский, 1967:22).

Довольно жестко выразили эту же мысль Т.Гамкрелидзе и

Вяч.Вс.Иванов: "Старшее поколение специалистов обычно неохотно отказывается от старых идей и представлений и предпочитает продолжать как бы по инерции работать в русле традиционной и потому привычной парадигмы даже тогда, когда становятся очевидными слабые стороны и противоречивый характер последней" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:962).

Итак, современный этап индоевропейской фонологии характеризуется сейчас переинтерпретацией реконструируемой системы фонем праязыкового состояния (Воронцова, 1983:2), а поскольку гласные участвуют в механизме индоевропейского аблаута, то включаются тем самым в число фонеморфологических явлений (Жирмунский, 1976:326).

Рефлексы слогообразующих (сонорных) воспринимаются многими исследователями как ареальная изоглосса, объединяющая германские и балтийские (вместе со славянскими) языки (Иванов, 1979:28; Савченко, 1974:209 и др.). "По характеру вокализации слоговых фонем и образования конкретных фонем последовательностей в исторических индоевропейских диалектах можно выделить определенные диалектные ареалы со схожими фонетическими результатами вокализации кратких сонантов, а отчасти и долгих. По этому признаку можно выделить четко ограниченные ... балто-славяно-германский ... ареалы, со специфически характерными для каждого из этих ареалов фонетическими рефлексамии слоговых, что дает основание для предположения некоторой исторической диалектной общности развития этих ареалов в определенный период формирования индоевропейских диалектов" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:415-416).

Это обстоятельство также послужило одним из доводов выбо-

ра такого индоевропейского корня, в котором предполагаются рефлексы слогообразующих, как это имеет место в случае с и.-е.

²UER- "гнуть, крутить, вертеть".

Основы теории индоевропейских слогообразующих были заложены еще в 1876 году, когда Г.Остхоф и К.Бругман высказали мысль о существовании в индоевропейском слоговых плавных и носовых. Среди пионеров, занимавшихся этой проблемой, следует также назвать Ф.де Соссюра и Ф.Ф.Фортунатова, которые в своих исследованиях описали рефлексы слогообразующих в разных языках. "С тех пор эти звуки прочно вошли в фонологическую систему индоевропейского языка" (Семереньи, 1980:52).

Было установлено, что существует два ряда слогообразующих: краткие и долгие. С этим фактом согласились современники, а потом и следующие поколения лингвистов. Однако на практике это признание двух рядов слогообразующих фактически никак не проявилось. Напротив, многие исследователи не делали никаких различий между долгими и краткими слогообразующими, считая, что они рано совпали в одной фонеме или различались так незначительно, что на практике речь могла идти об одной единой фонеме (ср.: Прокош, 1954:59; Семереньи, 1980:57-62 и др.).

А.Мейе совершенно справедливо считал второстепенным вопрос об артикуляции слогообразующих, полагая, что намного важнее установить, "как отразились они в разных языках и каково их место в строе индоевропейских языков" (Мейе, 1938:144). Мы полностью согласны с мнением А.Мейе, так как считаем, что для решения проблемы, стоящей, в частности, перед нами, в первую очередь важно знать рефлексы слогообразующих. Однако именно отражение этих звуков, т.е. их рефлексy, в разных индоевропейских языках не отличаются единообразной интерпретацией среди ис-

следователей. Напротив, картина возникает весьма пестрая, и по ней совершенно невозможно представить себе четкие и однозначные рефлексы индоевропейских слогообразующих. А отступления от регулярных соответствий требуют объяснения (Одри, 1988: 25).

Так, Ф.де Соссюр в зависимости от позиции выделяет такие рефлексы перед гласными:

и.-е.	греч.	лат.	лит.	ст.-сл.	гот.
$\bar{r}$	ор, ар	ar/or	ir	or	or
и.-е.	греч.	лат.			гот.
$\bar{r}$	ар, ра	or			aír

"Славянский и литовский не сохранили положительных свидетельств о $\bar{r}$. Можно только сказать, что литовский часто заменял его сочетаниями ir, il" (Соссюр, 1977:310).

и.-е. $\bar{r}$ перед согласными:

лит.	ст.-слав.	герм.	греч.
ir	rĭ, rŭ	ur/ar	ор, рω
реже ar (Соссюр, 1977:538-544).			

Как отмечает С.Д.Кацнельсон, Ф.Ф.Фортунатов во многом разошелся с общепринятой теорией сонантов, наиболее подробно и систематически разработанной Ф.де Соссюром (Кацнельсон, 1954:48). Прежде всего, Ф.Ф.Фортунатов различал гласные и согласные сонанты. Согласные сонанты в слабой позиции становились слогообразующими звуками. В соответствии с этим Ф.Ф.Фортунатов различал в сильной позиции дифтонги, т.е. сочетания с гласными сонантами, и дифтонгические сочетания, т.е. сочетания гласных с согласными сонантами. "Только в дифтонгах гласный в слабой позиции полностью редуцируется и как бы поглощается слоговым сонантом; в дифтонгических же сочетаниях глас-

ный не исчезает, а сохраняется в виде краткого и неустойчивого, так называемого "иррационального" гласного, который Ф.Ф.Фортунатов независимо от качества этого гласного обозначал символом $\bar{a}$ " (Кацнельсон, 1954:49). Интересно в этой связи замечание В.К.Журавлева, который отметил, что Ф.Ф.Фортунатов не случайно, видимо, настаивал на термине "иррациональные", так как акустические и физиологические данные говорят о том, что слоговые сонорные как самостоятельные фонемы не совместимы с фонемами $\bar{a}$ -типа в рамках одной системы (Журавлев, 1986:158-159). "По господствующему мнению лингвистов (не отличающих в общеиндоевропейском языке долгие неслоговые звуки от кратких), общеиндоевропейская гласная $\bar{a}$ имела в этих случаях (т.е. в двусложных корнях - С.П.) такое же фонетическое происхождение, как и в случаях первого рода, т.е. получилась вследствие сокращения гласных различного качества... Я думаю, однако, что в случаях второго рода общеиндоевропейская $\bar{a}$ по самому происхождению не находилась в чередовании с $\bar{a}$ различного качества и представляла собой такую гласную, которая развивалась фонетически, т.е. вставлялась после долгого неслогового звука ... в положении перед известными согласными или группами согласных, и притом употреблялась не одинаково во всех диалектах" (Фортунатов, 1956, I:225-226).

Еще одной существенной особенностью фортунатовской теории сонантов С.Д.Кацнельсон называет ее органическую связь с акцентологией. Ф.Ф.Фортунатов полагал, что количественные различия как в гласных, так и в сонантах в индоевропейском языковом состоянии были неразрывно связаны с интонационными различиями: он открыл связь между литовским циркумфлексом и краткостью сонанта, с одной стороны, и литовского акута с долготой сонанта

на ступени редукции, с другой стороны (Кацнельсон, 1954:50-51; Фортунатов, 1922:148).

Ф.Ф.Фортунатов также показал, что "балтийско-славянские интонации и количественные отношения полнее и лучше отражают общеиндоевропейское состояние, чем соответствующие данные других языков" (Кацнельсон, 1954:51).

Отмечая пестроту в отражении рефлексов слогообразующих в разных индоевропейских языках, А.Мейе считает, что "гласная, развившаяся по соседству с r, l, n, m в германском, балтийском и славянском принадлежит к наиболее закрытому типу: i или u (Мейе, 1938:145). А.Мейе объяснял эти значительные колебания в рефлексах слогообразующих по языкам тем, что языки испытывали затруднения при замене древних плавных (характера гласных), бывших фонемами нестойкими и в общем не удержавшихся (Мейе, 1938:145).

А.Мейе считая, что плавные наряду с другими сонантами в функции слогообразующих являются гласными. Сегодня нет еще единого мнения по поводу природы так называемых слоговых сонантов. Т.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов считают их слоговыми аллофонами индоевропейских сонантических фонем, которые выступают в виде последовательностей гласных со смежным сонорным (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:199). В.К.Журавлев рассматривает вопрос о сути слогообразующих на примере из сербскохорватского и словацкого языков. Его выводы таковы: "серб.-хорв. $\underset{\circ}{r}$, $\bar{\underset{\circ}{r}}$ образуют вокалические оппозиции ($\underset{\circ}{r}:\underset{\circ}{u}$), ($\underset{\circ}{r}:\underset{\circ}{\ddot{u}}$), ($\underset{\circ}{r}:\underset{\circ}{\ddot{a}}$), ($\underset{\circ}{r}:\underset{\circ}{e}$) и т.д. и не образуют оппозиций консонантных. Они полностью принадлежат системе вокализма, подчиняясь всем ее законам (входят в корреляцию по долготе, несут интонационные различия, подвергаются-

ся долготной нейтрализации, выполняют функцию слогоносителей). Связь между ($\underset{\circ}{r}$) и (r), слоговым и неслоговым сонантом, в современном сербскохорватском языке лишь чисто фонетическая: во-первых, обозначение одной и той же буквой, а во-вторых, некая близость акустико-физиологических характеристик ("дрожащий" и т.п.). На том основании, что ($r-r$) не встречаются в одной и той же позиции, их нельзя считать находящимися в состоянии дополнительного распределения аллофонами одной фонемы (какой: $\bar{r}-\bar{r}$, $r-r$?). Такая трактовка свидетельствовала бы о переоценке сугубо физических критериев при решении фонологических задач... Аналогичные выводы можно привести и против трактовки словацких $\bar{r}$, r , $\bar{l}$, l , как позиционных вариантов согласных фонем. Именно наличие оппозиций по долготе у словацких слоговых сонорных ($\bar{r}:r$), ($\bar{l}:l$) включает их в долготную корреляцию системы вокализма словацкого языка. Другие "претенденты" на фонемный статус (m, n и др.) таких оппозиций не образуют" (Журавлев, 1986:90).

На этом примере очень хорошо видна суть экстраполяции, принципа, заимствованного из точных наук, предполагающего "выяснение вопроса о том, в какой мере на основании эмпирических данных величин одной области и одного хронологического среза, а также отношений между ними, можно заключить о постулируемых величинах и постулируемых отношениях между ними в других областях или на других хронологических срезах" (Макаев, 1970:39-40). Иными словами, речь идет о том, в какой мере можно использовать данные современных языков для получения выводов, касающихся более древних этапов их развития. Этот вопрос очень актуален, так как ни один из индоевропейских языков не сохранил текстов

достаточно древних, чтобы по ним можно было бы судить о соответствующих эпохах в развитии этих языков. Особенно с большими трудностями сталкиваются исследователи, когда речь идет о явлениях или претерпевших значительные изменения, или исчезнувших из языка совсем. В первую очередь это касается интонаций, слогаобразующих, ларингальных и т.д. Таким образом, лингвистическая экстраполяция является, по сути, единственным, что нам позволяет вообще браться за решение подобных проблем. "Большая или меньшая степень надежности и эффективности реконструкции предшествующих этапов развития индоевропейских языков непосредственно связана с процедурой лингвистической экстраполяции" (Макаев, 1970:186).

Сравнивая приведенные выше мнения, можно сказать, что вопрос об акустической и физиологической характеристике слогаобразующих сонантов, а также их статус еще нельзя назвать определенным окончательно.

Для германских языков отмечаются те же трудности, что и для других индоевропейских языков. Так, по мнению М.М.Гухман, вопрос о том, "каков был прототип рассмотренных германских форм, т.е. следует ли для тяжелых корней ($\underset{\cdot}{r}$, $\underset{\cdot}{l}$, $\underset{\cdot}{m}$, $\underset{\cdot}{n}$ + согласный) предполагать архетип $\underset{\cdot}{r}$, $\underset{\cdot}{l}$, $\underset{\cdot}{m}$, $\underset{\cdot}{n}$, а для легких корней исходить из архетипа $\underset{\cdot}{r}$, $\underset{\cdot}{l}$, $\underset{\cdot}{m}$, $\underset{\cdot}{n}$, т.е. из сохранения особого редуцированного шва секундум, как это делали Г.Гюнтерт и Г.Хирт, относится к области сравнительной грамматики индоевропейских языков и выходит за пределы германских архетипов" (Гухман, 1962:270).

Далее, М.М.Гухман считает, что в германских языках на историческом уровне рефлексы слогаобразующих не имели фонологического противопоставления, а вопрос о природе слогаобразующих

не может быть в настоящее время решен окончательно, хотя она допускает, что артикуляционные различия в архетипах германских форм в зависимости от структуры корня и в различных позиционных условиях могли вероятно существовать. "Следует ли из этого делать вывод, что функционально и те и другие формы восходили к слогаобразующим сонантам, которые тем самым в германской группе языков являлись особыми фонемами, как полагал Е.Курилович, или, напротив, считать, что в германских языках слогаобразующие сонанты были на определенном этапе лишь произносительными вариантами консонантных *r, l, m, n*, сохранившими элементы звука, из которого и развились исторически засвидетельствованные *ur, ul, um, un*, в настоящее время решить окончательно невозможно. Следует иметь в виду и несомненное взаимодействие в германских языках чередований гласных в корнях на сонант + согласный и в корнях на чистый сонант; этим отчасти объясняются индивидуальные отклонения в распределении глаголов по III и IV рядам аблаута в отдельных германских языках" (Гухман, 1962:270).

Считается, что в германских языках рефлексы кратких и долгих слогаобразующих совпали (Прокош, 1954:59; Семереньи, 1980:61 и др.). Релевантной, по мнению авторов "Сравнительной грамматики германских языков", является лишь позиция, в которой эти рефлексy могут выступать. Так, различая легкие и тяжелые корни, предлагаются следующие соответствия:

	легкие корни	тяжелые корни
герм.	<i>ur, ul, um, un</i>	<i>ur, ul</i>
др.-инд.	<i>ir, ur, am, an</i>	<i>r</i>
греч.		<i>pa, la (ap, al)</i>
лат.	<i>a</i>	<i>or, ul</i>
лит.	<i>ir, il(но и ur, ul)</i>	<i>iĩ, uĩ, iĩ, uĩ</i>
слав.		<i>рь, ль, ль</i>

(СГТЯ, 1962:269).

Чтобы нагляднее представить себе рефлексы слогообразующих, которые даются для германских и балтийских языков некоторыми авторами, отразим их в таблице:

	герм.	балт.	(слав.)
Бругман	ur, ru	iŕ	ръ, рь
Соссюр	auŕ	ir/il	
Семереньи	ur		
Савченко	aíŕ/auŕ	iŕ/uŕ	ръ, ър/рь, ър
Гамкрелидзе, Иванов	ur	ir/ur	ŭr/ŭr

Основным рефлексом краткого слогообразующего в германских языках традиционно считается последовательность ur, которая в готском языке в силу готского преломления имеет вид auŕ (Жирмунский, 1976:259; Прокош, 1954:36; Семереньи, 1980:60 и др.). Ф.Черчиньяни подчеркивает, что детальная реконструкция так называемого готского преломления связана с трудностями (Segnani, 1986:127). В.Леман, отмечая, что рефлексы сонантов представлены в грамматиках германских языков неадекватно и несистемно (Lehmann, 1955:355), предполагает, что в раннегерманском индоевропейские слогообразующие реализовались еще не как сочетание u + сонорный, а как гласный вариант слогообразующего сонорного, т.е. не как ur, ul, um, un, а как ŕ, l, m, n (Lehmann, 1955:360). Очень существенным мы считаем замечание В.Лемана о том, что "нашу информацию о статусе протогерманских сонантов мы должны извлекать в значительной мере из фонологического развития, которое в германских диалектах кажется отклоняющимся от нормального типа (Lehmann, 1955:359). Некоторые исследователи (ср.: Meid, 1984:103) необоснованно считают, что

значение германских языков для реконструкции черт языка-основы ограничено, так как они не являются ключевыми языками как, например, хеттский язык. Сегодня уже доказано, что германские языки сохранили много архаичных черт в своих структурах, причем наиболее консервативные признаки германского диалектного ареала сохраняет северогерманский, обнаруживающий наиболее тесную близость фонологической системы с ингвеонскими диалектами (Markey, 1986:405).

Анализ лексем, возводимых к ФМВ $\text{UR}^{\circ}\text{-T}$ "гнуть, крутить, вертеть" также подтверждает это, потому что между балтийскими и ингвеонскими диалектами, возможно, существовали более тесные связи, чем с другими германскими диалектами.

Самым непосредственным образом это положение связано и с определением рефлексов кратких слогообразующих как в германских, так и в балтийских языках.

В нашей таблице (см. с.77) приведено мнение А.Н.Савченко, заметно отличающееся от взглядов других ученых: в качестве рефлексов краткого слогообразующего наряду с общепризнанным рефлексом ur (на примере готского языка) приводится также и $a'ir$, соответствующее общегерманскому ir (Савченко, 1974:76). К сожалению, А.Н.Савченко никак не поясняет своих выводов по этому поводу.

Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с проблемой перехода $(i)в(e), (u)в(o)$ в германских языках, что совершенно меняет картину отражения рефлексов кратких слогообразующих в германских языках.

Вопрос о соотношении i/e и u/o в германских языках привлекает внимание ученых уже давно. Об этом свидетельствуют, в

частности, работы А.Лаш, А.Нурена, Ф.Черчиньяни и др.

Мнение М.М.Гухман, отраженное в "Сравнительной грамматике германских языков" по поводу перехода (i) в (e), (u) в (o) (например, рун. *horna* < *hurnan "рог", *haruwol af AR* наряду с *-wulafR-* "в обоих примерах o восходит к u перед r, l; дс. *herdos* "пастухи" вместо *hirdos*, *werthid* "становится" вместо *wirthid*, *worthun* "стали" вместо *wurthun* и т.д.) таково: на появление низкого варианта гласного (e, o) влияет r, а сами переходы рассматриваются в рамках ассимилятивного варьирования (Гухман, 1962:131).

А.Лаш, А.Нурен также отмечают влияние последующего r на изменение гласных i и e (Lasch, 1914:74, 75; Dieter, 1900: Noreen, 1923:35, 47; Holthausen, 1921:33; Мейе, 1938:141).

Мнения исследователей относительно причин и условий переходов (i) в (e), (u) в (o) расходятся. Пожалуй, можно согласиться, что "распределение гласных (e) и (o) в древнегерманских языках показывает следы дополнительной дистрибуции. Есть основания полагать, что в западной и северной группах германских языков краткие (i) и (e) в древнюю эпоху, задолго до периода письменности распределялись по позиционному принципу. Перед гласными нижнего подъема (a) функционировал аллофон (e), т.е. более широкий, тогда как в других позициях стоял более узкий аллофон (i); ... Аналогичное положение наблюдается для (o) и (u)" (Иванова, Чахоян, 1976:52). Ср. мысль Т.Марки о сохранении северогерманским ареалом, в первую очередь ингвеонским, наиболее архаичных черт в фонологической системе! Для нашего исследования важно прежде всего не то, почему и как узкие гласные i и u переходили в широкие (e) и (o). Чрезвычайно важно

для нас, что эти широкие гласные (e) и (o) получались из узких (i) и (u), потому что мы связываем эти (i) и (u) с рефлексамми кратких слогаобразующих. На это же указывает факт отражения рефлексов кратких слогаобразующих в балтийских языках как последовательности iR и uR. Но об этом несколько позже.

В качестве подкрепления нашего предположения относительно того, что многие (i) и (u) превратились в (e) и (o) мы хотели бы сослаться на мнение Э.А.Макаева: на основе (i,u) могут возникать вторичные нормальные ступени чередования (Макаев, 1970:142). Об этом же говорят Е.Курилович (Kuryłowicz, 1956: 106,108), В.А.Дыбо (Дыбо, 1961:32).

Приведем некоторые примеры, число которых может быть значительно больше: гот. *haírvis* "меч", ди. *hjǫgg*, да. *heogu* (eo < i ?) ("меч" - лит. *kirvis*, лтш. *cirvis* "топор" (Feist, 235; М.-Ендз. I:388); гот. *haírto*, ди. *hjarta*, да. *heorte*, др.-фриз. *herte*, *hirte*, др. *herta*, двн. *herza* "сердце" - лит. *širdis*, лтш. *sirds*, н.-е. ^ж*kr̥dion* (Feist, 234); двн. *hirni*, др.-сев. *hjarni* (герм. ^ж*hirzni*, ^ж*hirsni*) - н.-е. ^ж*ker-* "голова" (Kluge, 310).

Следуя мнению В.А.Серебрянникова: "Элементы реконструируемых систем должны находить отражение в родственных языках и при том не в одном, а по крайней мере в нескольких" - можно предположить, что наличие (i) как рефлекса краткого слогаобразующего в германских языках вполне реально. Поэтому мы не считаем возможным присоединиться к позиции Тосиказу Иноуэ, прошедшего к выводу, что германские языки утратили (разрядка наша - С.П.) двойной рефлекс слогаобразующих (Toshikazu, 1988:85).

Анализируя рефлексы кратких слогообразующих в разных индоевропейских языках, приходится согласиться с мнением А.Н. Савченко относительно гласных, развившихся перед бывшим слогообразующим: "очевидно, гласные в этих сочетаниях появились в истории отдельных языков, а к общему индоевропейскому восходит только *ɪ*, которое было слогообразующим" (Савченко, 1974: 77).

Рефлексы краткого слогообразующего в германских языках в виде последовательностей *uR* и *iR* отражают объективные процессы, имевшие место в фонетической субстанции языка. Реконструируя два гласных, а не один, мы стараемся учитывать закономерности диахронических изменений, потому что одним из важнейших условий реалистичности реконструкции считается, если реконструированные схемы "будут напоминать естественные системы гласных и согласных, которые мы можем непосредственно наблюдать в живых языках" (Серебрянников, 1982:9).

Рассматривая проблему индоевропейского аблаута, Г.Хирт касался также и слогообразующих. Разные гласные, представленные в качестве рефлексов слогообразующих в различных индоевропейских языках, не вызывали у Г.Хирта особого удивления и он не пытался дать этому явлению какое-то объяснение. Значительно важнее была для Г.Хирта проблема соотношения ступени редукции и нулевой ступени (Hirt, 1921:12). На наш взгляд, обе эти ступени аблаута связаны с рефлексам слогообразующих, но об этом речь пойдет несколько позже, в III главе, посвященной рефлексам долгих слогообразующих. А пока мы можем только согласиться с тем, что проблема соотношения этих ступеней, действительно, очень сложна и серьезна, на что уже указывали и

Г.Хирт, и Г.Гüntерт, и Е.Курилович (ср.: Hirt, 1921; Güntert, 1916; Kuryłowicz, 1962).

Наши рассуждения необходимо дополнить сведениями о традиционном взгляде на рефлексы слоогообразующих в балтийских языках. Так, А.Мейе считал, что ни один из засвидетельствованных языков не сохранил разнообразие различных форм сонантов, и лишь архаичность литовского языка обнаруживается именно в сохранении системы сонантов, в которой он один из всех живых индоевропейских языков еще и теперь дает приблизительное представление, а двойное балтийское отражение рефлекса слоогообразующего, представленного в виде $i\gamma/ur$, считает самым замечательным (Мейе, 1938:148-149). Возможно, А.Мейе несколько преувеличивает значение и архаичность литовского языка в этом вопросе, однако следует признать, что данные литовского языка и других балтийских языков нельзя оставлять без внимания.

Мнение балтистов относительно рефлексов слоогообразующих, к сожалению, нельзя назвать установившимся и окончательным, так как разные авторы по-разному трактуют как сами рефлекс, так и причины появления двойного отражения этих рефлексов.

Я.Эндзелин, считающийся непререкаемым авторитетом в балтистике, возводит большинство случаев ur к звукоподражательным формам, мотивируя это тем, что в данных формах никакого u никогда не было, но уже искони имелось сочетание iR (Endzelins, 1974:184-185). Полемизируя с К.Бругманом, считавшим, что ur развилось раньше, чем iR , Я.Эндзелин пришел к выводу, что вообще невозможно возводить iR и ur к одному и тому же звуку индоевропейского языка. Я.Эндзелин не исключает, однако, что ur могло появиться в результате чередования по аблауту, и

в этом вопросе примыкает к мнению Я.Микколы, "которое, правда, не может быть доказано, но не может также быть отвергнуто, и появление *ur* и т.п. объясняет хорошо" (Endzelins, 1974:184-185).

Несколько иного взгляда придерживался Хр.Станг. Он отмечал, в частности, что в большинстве случаев в унаследованных словах балтийские сочетания *ir, il, im, in, ur, ul, um, un* восходят к и.-е.г. *l, m, n* (Stang, 1966:77). Причины этой вариативности, отражающейся в двойном рефлексе слогаобразующих, по мнению Хр.Станга, спорны, однако сочетания *ur, ul, um, un* в балтийских языках встречаются намного реже, и не могут считаться нулевой ступенью, так как в отношениях аблаута участвуют исключительно рефлекс *ir, il, im, in* (Stang, 1966:77). Кроме того, Хр.Станг полагает, что образования с (u) характеризуют прежде всего экспрессивную лексику (Stang, 1966:79-80). Мы полностью поддерживаем взгляд Я.Эндзелина и Хр.Станга на рефлекс *ur* в балтийских языках, так как анализ лексем, возводимых к ФМВ $\overset{\text{u}}{\text{UR}}\text{-T-}$ показал, что лексем с *UR* нет, так как из 34 лексем, собранных в словаре К.Миленбаха и Я.Эндзелина, большинство является или звукоподражательными, или поздними заимствованиями (М.-Endz., IY).

В.Чекман выдвинул гипотезу о том, что двойная вокализация рефлексов кратких слогаобразующих в балтийских языках может быть обусловлена слиянием различных индоевропейских диалектов, формировавших балто-славянское языковое единство (цит. по: Zinkevičius, 1980:83). Я.Эндзелин также не исключал взаимодействия субстрата и адстрата в ходе фонетических изменений (Endzelins, 1974:81).

Я.Эндзелин решительно выступал против отнесения балтийс-

ких и славянских *ir, il, im, in* к эпохе индоевропейского языка, на чем настаивали, в частности, А.Мейе, В.Вондрак (Endzelins, 1974:174-175). "Ответ на трудный вопрос о времени возникновения *ur* (эр) из $\acute{r}$, $\hat{r}$ зависит главным образом от того, имеются ли рефлексы $\acute{r}$, $\hat{r}$ также в прочих индоевропейских языках или нет" (Endzelins, 1974:188). Возникновение *ir* в качестве диалектного славяно-балтийского явления Я.Эндзелин считал возможным отнести ко времени распада единства индоевропейских языков или же после распада этого единства (Endzelins, 1974:190). (Ср. мнение А.Н.Савченко о второй эпохе сближения балто-славянских языков (Савченко, 1974:209)).

Мы опускаем рассуждения о причинах двойкой рефлексации краткого слогаобразующего в балтийских языках, так как для нашей работы это не является органической необходимостью. Поэтому мы отсылаем к исследованиям В.К.Журавлева (Журавлев, 1966), Ю.В.Откупщикова (Откупщиков, 1989), А.Г.Авксентьевой (Авксентьева, 1975), Тошиказу Иноуэ (Toshikazu Inoue, 1988), в которых освещена эта сторона проблемы.

С проблемой рефлексов кратких слогаобразующих в балтийских языках связана также теория балтийских акцентов, у истоков которой стояли Ф.де Соссюр и Ф.Ф.Фортунатов. Поскольку этот вопрос требует самого серьезного к себе отношения, мы не рискуем пускаться в рассуждения, в которых не являемся специалистами. Но в качестве гипотезы мы хотели бы отметить, что анализ материала указывает на возможную связь интонации циркумфлекса с рефлексом краткого слогаобразующего, который, на наш взгляд, в балтийских языках всегда имеет последовательность *ir/ur* и, таким образом, в трактовке этого вопроса мы отходим от традиционной схемы Фортунатова-Соссюра, согласно которой часть слу-

чаев iR/uR они относили к рефлексам долгого слогообразующего и на этом основании снабжали эти формы интонацией акута.

Итак, мы опять подошли к вопросу о соотношении рефлексов кратких и долгих слогообразующих. Мы твердо стоим на том, что краткие и долгие слогообразующие различались по своей долготе, т.е. обе фонемы составляли коррелятивную пару и на этом основании включались в оппозицию.

Исходя из теоретических постулатов фонологии, согласно которым фонемы служат для различения слов и форм, следует вывод о том, что всякое фонологическое смешение неминуемо приведет к недоразумениям, мешающим нормальному функционированию языка (Мартине, 1960:77). Поэтому каждая фонема для сохранения своей идентичности имеет присущую только ей артикуляционную и акустическую природу, выражающуюся в некой совокупности различительных признаков. Как носитель этих различительных признаков фонема включается в фонологическую систему и занимает место в оппозиции, являющейся минимальной структурной единицей ("ядром") фонологической системы, основным способом взаимосвязи отдельных фонем в целостной системе в результате действия интегральных сил сходства и различия (Журавлев, 1986:70). "Фонологической оппозицией может быть не всякое противопоставление звуков любого языка, а лишь противопоставление фонем в тех же самых фонологических условиях данного языка на данном этапе его развития" (Журавлев, 1986:71).

Устойчивость фонологической оппозиции обеспечивается определенными силами, а это в свою очередь служит основой для сохранения фонологически полезного противопоставления. Важнейшей из таких сил является тенденция к максимальной дифференциации

фонем функционально связанная с тенденцией к сохранению полезного противопоставления: чем четче выражено различие, тем успешнее сохраняется все необходимое для взаимопонимания" (Журавлев, 1986:155). А.Мартине называет это критерием различительной релевантности (Мартине, 1960:52).

Следы прежнего полезного противопоставления сохраняются даже при полном слиянии двух фонем (Журавлев, 1986:152). Конечно, в некоторых случаях возможна нейтрализация оппозиции, которая может постепенно привести к исчезновению этой оппозиции, и прежние фонемы, члены нейтральной оппозиции, сольются, конвергируют (Журавлев, 1986:147). Чтобы такая нейтрализация могла произойти, должна исчерпать себя функциональная значимость фонологического противопоставления, т.е. сойти на нет. По мнению А.Мартине, оценить функциональную нагрузку противопоставления можно только в том случае, если исследуются языковые состояния, для которых существуют более или менее полные списки слов или по крайней мере большое количество текстов. Это обстоятельство делает практически невозможной проверку функционального постулата в случае доисторических изменений, - считает А.Мартине. Поэтому на данном этапе следует рассматривать функциональную нагрузку как один из внутренних факторов фонологической эволюции и стремиться выявить ее роль во всех случаях, когда это возможно (Мартине, 1960:82,83).

Анализируя коррелирующие по долготе-краткости слогаобразующие $\tilde{R}$ и $\bar{R}$, возникает вопрос: могли ли совпасть сами слогаобразующие, т.е. утратить оппозицию по долготе-краткости и стать одной фонемой? Всякая система тяготеет к симметрии, и там, где эта симметрия в силу каких-то причин бывает нарушена,

эта система будет стремиться к равновесию путем (вос)создания своего отсутствующего члена. Б.А.Серебренников называет это принципом заполнения пустых клеток (Серебренников, 1974:45). Этот принцип может "выражаться в придании симметричности несимметричной системе фонем или в компенсации исчезнувших фонем..." (Серебренников, 1974:45).

В этой связи возникает закономерный вопрос: в силу каких причин должна была установиться ассиметричность в системе индоевропейских слогообразующих? Опираясь на выводы В.Хорна, которые он сделал относительно зависимости форм слов от их функций, мы можем предположить, что сходные выводы могут быть сделаны и относительно зависимости фонем от их функций:

- 1) Если части слова или словосочетание лишаются функции, то они могут ослабнуть или исчезнуть.
- 2) Если функция части слова или словосочетания уменьшается, то носители функций также ослабляются.
- 3) Звуки, важные в функциональном отношении, могут сохраняться, хотя в других случаях при равных условиях они должны были бы исчезнуть.
- 4) Если языковое образование (Sprachkörper) оказывается слишком слабым для того, чтобы выполнять закрепленную за ним функцию, то оно может быть усилено или путем присоединения других основ, или путем удлинения гласного или согласного.
- 5) Если языковое образование слишком перегружено функциями (полифункционально), то оно может исчезнуть (Horn, 1923:36).

Следовательно, чтобы предположить слияние двух фонем ($\check{R}$ и $\bar{R}$), надо предположить, что какая-то из них лишилась своей функции и вследствие этого ослабла или исчезла. Но это противоречит принципу сохранения полезного противопоставления, на котором дер-

жится эта коррелятивная пара. Кроме того, как показывают наблюдения, рефлекс $\check{R}$ и $\bar{R}$ значительно расходятся, т.е. не совпадают. А это косвенно подтверждается и тем фактом, что многие исследователи уже отметили двойственность рефлексов слогообразующих, которая отражается в разной последовательности звуков, считающихся рефлексам слогообразующих. Эта последовательность бывает чаще в виде VR, где V - гласный, а R - бывший слогообразующий, или RV (Ср. Фортунатов, 1956; Савченко, 1974; Семеренья, 1980 и многие др.).

Конвергенция $\check{R}$ и $\bar{R}$ на индоевропейской почве совершенно исключается, потому что факт существования кратких и долгих слогообразующих в разных временных срезах уже признан (ср. Kuryłowicz, 1956 и др.). Ср. также проблему двух ступеней - нулевой и редукции - в германских языках (Гухман, 1962). "Лишь тщательный учет всех трансформаций той или иной оппозиции может быть залогом реальной реконструкции ее истории" (Журавлев, 1986:150). Поэтому рефлекс кратких и долгих слогообразующих не могут совпасть, ведь эти рефлекс сами продолжают артикуляционную и акустическую природу слогообразующих, покоящуюся на их различительных признаках.

Принимая во внимание опыт разработки теории индоевропейских слогообразующих и базирясь на его достижениях, а также на основе анализа лексем, входящих в микрогнездо $\check{UR}$ "гнуть, крутить, вертеть", мы пришли к заключению, что в германских языках адекватным рефлексом кратких слогообразующих является последовательность UR и iR без очевидной связи с интонацией. Распределение гласных по лексемам и по диалектам не входит в нашу задачу, так как для этого требуется специальное исследо-

ванне, хотя какие-то наблюдения нами сделаны.

А в балтийских языках рефлекс краткого слогаобразующего может выступать в последовательности iR (на материале других корней фиксируется и последовательность UR). Традиционно рефлекс краткого слогаобразующего связывается с интонацией циркумфлекса, с чем мы согласны, однако мы склонны приписывать сюда все случаи с последовательностью iR (или UR), даже, если традиционно они считаются носителями акута.

С рефлексами слогаобразующих связаны чередования по аблауту. Хотя В.А.Дыбо считает, что проблема индоевропейского аблаута остается нерешенной и сегодня (Дыбо, 1987:14), а вопрос о соотношении нулевой степени и степени редукции и вовсе зачислен в неразрешимые (по крайней мере для двусложных корней), (ср.: Güntert, 1916; Hirt, 1921; Kuryłowicz, 1956; Венцките, 1971; Флусова, 1972) мы настаиваем на прямой связи рефлексов кратких слогаобразующих со степенью редукции); впрочем, эпентетический характер гласного, развившегося перед бывшим слогаобразующим, строго говоря, не разрешает связывать эти рефлексы с аблаутом, на что по отношению к балтийским языкам указывал Я.Эндзелин). Но такова традиция, и во всех индоевропейских языках i и u отождествляют всегда с нулевой степенью или степенью редукции, считая, что обе эти степени являются идентичными. С этим мы не можем согласиться. Наши рассуждения относительно нулевой степени связаны с рефлексами долгих слогаобразующих, и потому этот вопрос рассматривается в III главе.

§ 2. Формирование этимологического микрогнезда

wUR-T- "гнуть, крутить, вертеть" в германских и балтийских языках на основе моделирования фономорфологических вариантов корня

После предварительного анализа и классификации лексем, возводимых к и. -е. wUR-T- , оказалось возможным формирование в германских языках двух этимологических подгнест - по двойной вокализации корня: wURT/wIR-T- . В балтийских же языках оказалось возможным выделить лишь одного этимологического подгнезда wIR-T- , так как на материале этого корня известен только один вариант огласовки $\text{ir} < \overset{\circ}{\text{R}}$.

Одним из важнейших вопросов, стоящих перед нами, является выяснение отражения индоевропейской структуры корня в германских и балтийских языках на основе моделирования фономорфологических вариантов этимологического подгнезда wUR-T- . А это возможно только в результате тщательного этимологического анализа. Поэтому чрезвычайно важно доказать, что в германских и в балтийских языках есть нераспространенная производящая основа.

В германских языках такой производящей основой, на наш взгляд, является wigr- (не являющаяся нулевой ступенью и. -е. weigr- , так как такой корень в словаре Ю.Покорного не зафиксирован), выступающая в нем. wigg 1. "запутанный, спутанный, растрепанный", 2. (перен.) "запутанный, смутный, неясный". Вопреки данным словарей, указывающим на позднее происхождение этой лексемы (Ср.: Kluge.-M., 863; Wahrig, 4162; Paul, 747; Drosdowsky, 2890; Pfeifer, 1981, 1982; Weigand, 12733; Kluge-Seeb., 795)

путем конверсии нем. *wirren* "спутывать, смешивать", мы считаем возможным утверждать, что лексема *wirrt* наряду с сильным глаголом *wirren* является достаточно архаичной, чтобы занять центральное место в ядре этимологического подгнезда ^{III}WIR-T-. Интересен и такой факт: в словаре И. Кампе нем. *wirrt* помечено как локальное (*landschaftlich*) (Campe, 1801). Очевидно, в силу своего диалектного распространения лексема *wirrt* отсутствует и в словаре И. Хр. Аделунга (Adelung, 1793-1801).

На наш взгляд, сюда же относятся нем. *Wirte* (ж.р.) "сумятица, неразбериха", *wirrig* 1) "рассеянный, смущенный"; 2) "бестолковый, спутанный", являющиеся, очевидно, производными от герм. ^{III}WIR-; см. гл. *wirren* "спутывать, смешивать" вышел из употребления, но в немецком языке сохранилось прилагательное *verwirren* "беспорядочный; путанный, сбивчивый, сумбурный", являющееся причастием прошедшего времени, и см. гл. *(ver)wirren* "спутывать, запутывать (пряжу, волосы)"; (перен.) "путать, запутывать". Еще одним доказательством достаточной древности корня может послужить нем. *wirt* "закрученный, витой", зафиксированное в древневерхненемецком языке. Согласно В. Вильмансу, германские прилагательные с суффиксом -t- типа дивн. *wirt* могли образовываться при помощи суффикса непосредственно от корня, причем вокализм мог быть представлен различными степенями аблаута (Wilmanns, 1911:450). Для таких производных характерно суффиксальное ударение. Поскольку прилагательное *wirt* зафиксировано в древневерхненемецком языке, у нас нет никаких сомнений в древности лексемы *wirrt*. Итак, мы исходим из того, что лексема *wirrt* 1) "запутанный, спутанный; растрепан-

ный"; 2) (перен.) "запутанный, смутный, неясный" образует ядро этимологического гнезда WIR- в германских языках. В это этимологическое гнездо входят также норв. *wirwar* "сумбур, хаос, беспорядок, неразбериха", шв. *virvarr* "путаница, сумбур", нид. *wirwar* "путаница", норв. *virr* "путаница, мешанина", шв. *virra* "обвязывать (платком шею)" - *virra duk om halsen*; норв. *virra in* "заворачивать", *virra upp* "разворачивать", норв. *virre* 1) "вертеть, вращать, крутить"; 2) "мотать, наматывать, накручивать"; 3) "метаться, бросаться из стороны в сторону", *virre* 1) "качаться, раскачиваться"; 2) "дрожать, колебаться, вибрировать (о воздухе, свете)". Очевидно, сюда же относится шв. *virra* 1) "бесцельно бродить, плутать"; 2) "путаться" и *virrig* "бестолковый", "сбитый с толку" (Новакович, 1011; Миланова, 664; Миرونв, 934; Pokorny, 1122; Holthausen, 1954:344; Holthausen, 1934:223; Falk-Torp, 1386; Kluge-M., 863; Аракин, 1010).

Этимологический анализ показал, что серия лексем: позд.-исл. *virra-virki* "изделие из металлической проволоки", да. *wir* "металлическая проволока, витое украшение", снн. *wirre* "металлическая проволока", днн. *wera, wiara* "чистое золото", исл. *virr* "спираль", *virravirki* "филигранная работа" - не относятся к нашему случаю. Это очень убедительно доказал С.Д. Кацнельсон, считающий, что германский дифтонг *ei* расщепился на *e* и *i* в результате усиления одного из компонентов дифтонга и ослабления другого, "в силу чего начально-вершинный вариант склонен был превратиться в удлинённый гласный, а конечно-вершинный - в удлинённый слоговой сонант. Эти заложенные в древнем чередовании тенденции прокладывали себе путь в дальней-

шем по мере отмирания подвижной акцентуации и фонемизации вариантов дифтонгов" (Кацнельсон, 1966:296).

Из других индоевропейских языков представлены лат. *virgae* "кольца для рук, браслеты", *viēre* "плести, сплести, вить", др.-ирл. *fīar*, кимр. *gwŷr* "кривой", брет. *goar*, *gwag* "извилистый, извивающийся". Латинские слова со времен Плиния считаются кельтскими заимствованиями (Pokorny, II22; Walde-Hofmann, 799), однако это кажется маловероятным из-за значительных расхождений в фонетическом облике кельтских и латинских слов. Не являются ли латинские слова германскими заимствованиями, на что указывает, в частности, не только фонетический облик лексем, но и их значения? Ведь и в германских, и в латинском языке эти лексемы обозначают украшения, тогда как в кельтских языках такое значение не зафиксировано.

Особняком стоит в этом ряду гр. *ῥίς* "радуга", содержащее сему "изогнутое, кривое" и восходящее к и.-е. $\sqrt{\text{UER}}$ - "гнуть, крутить, вить".

Син. *wīre* "металлическая проволока" имеет также и значение "тонкая железная или медная жердь, палка, шест", а глагол *wīren* означает "снабжать петлями (окно)" (Lübben, 587). Примечательно, что с этими лексемами соотносятся лтш. *vīra* "окопная или дверная петля", лит. *vūris* "то же самое" (М.-Endz.IV: 602; Fraenkel, I260).

Этот ряд примеров можно продолжить, однако следует подчеркнуть, что балтийские лексемы с трудом могут быть возведены к одному корню, в данном случае, к и.-е. $\sqrt{\text{UR-T}}$ "гнуть, крутить, вертеть". Это также лексемы: лтш. *virīņš* "небольшой ветер" (*pār ūdeni pārgāja viegls virīņš* - "поверхность воды пок-

рылась мелкой рябью"); *vir̃t* "кипеть", *virags* "водоворот, вихрь", "маленькие волны на море", *vireklis* 1) "(дверная) ручка, защелка, щеколда, задвижка"; 2) "водоворот", "путаница" (например, путаница, сумятица жизни - *dzives vireklis*, сумятица битвы - *kaujas vireklis*) (M.-Endz. IV : 602,604), лит. *vir̃ti* "кипеть", *atvurs* "встречное течение у берега", *vyr̃ius* "водоворот, кипение", объединяемые семантически "кругообразное движение" → "кипеть" → "кипение".

В латышском языке представлено также суффиксальное существительное *vir̃ma* "вибрирование, кругообразное движение", ср.: *ūdens vir̃ma* "польканье воды", *saules vir̃ma* "вибрирование солнца", *vir̃mojums* "дрожание", *vir̃mūciņot* "кружиться, вертеться, бить ключом, пениться", ср.: *dūmi vir̃mūciņo gaisā* "дым клубится в воздухе", *jūrā ūdens vir̃mo* "в море вода рябит", *acīs vir̃mo smiekli* "в глазах искрится смех" (M.-Endz. 608).

В литовском и древнепрусском языках однокоренных лексем нет. В данном случае трудно сказать, почему сложилась такая ситуация и можно ли считать латышские лексемы исконными и достаточно древними, или же они являются неологизмами. С другой стороны, можно привести целый ряд лексем, обозначающих "нитьку, веревку", "напизывание": лтш. *vir̃ve* "веревка", лит. *vir̃ve* "веревка", которые Я.Эндзелли считал суффиксальными производными от глагола *ṽert* "напизывать" (от н.-е. ^uUER- "гнуть, крутить, вить", а В.Н.Топоров видит здесь расширенный вариант от нулевой ступени н.-е. ^uUER- "гнуть, крутить" с расширителем -u-, по его мнению, лучше всего отраженным в лит. *ṽerti* "напизывать", лтш. *ṽert* "вдевать (нить)", "продергивать" (Топоров, 1973:123).

Отмечая, что наиболее близкие соответствия балтийские обозначения веревки имеют в славянских языках (праслав. ^{VRV}, русск. вервь, веревка, укр. верьовка, болг. врьв, макед. врв, серб.-хорв. врвца, словен. ^{Vrv} ст.-чеш. ^{Vrv}), В.Н.Топоров считает, что "другие сопоставления или слишком далеки и потому малоинтересны, или вовсе несостоятельны" (Топоров, 1973:119).

Объяснение Я.Эндзелина относительно словообразовательной структуры лтш. ^{virve} и лит. ^{virve} нам кажется предпочтительнее. Однако, не обнаружив производящей основы, нам кажется правомочным считать лтш. ^{virve} и лит. ^{virve} производными непосредственно от редуцированной основы и.-е. ^{UR-} (с рефлексом краткого слогаобразующего плавного и.-е. ^{UR-T-}) "гнуть, крутить, вертеть" при помощи суффикса ^{-v-} (подобно как лтш. ^{vir-v-is} "топор" от ^{virst} "рубить" и т.д.) (Endzelins, 1951:286). Вопреки мнению В.Н.Топорова, мы сопоставляем лтш. ^{virve} и германские названия металлической или медной проволоки, являющиеся безсуффиксальными производными от редуцированной степени и.-е. ^{UR-} "гнуть, крутить, вертеть". Оба ряда лексем (балтийские и германские) объединяются одной общей семьей, обозначающей "нечто гнущееся", которая в балтийских языках закрепилась в значении "веревка", а в германских - в значении "проволока из металлического сырья". Особняком стоит др.-пр. ^{wirbe} с тем же значением "веревка", как и соответствующие литовское и латышское слова. В.Н.Топоров предполагает, что "в связи с индоевропейскими фактами, может быть, придется осторожнее отнестись к прусск. ^{wirbe}, в котором всегда склонны были видеть опisku (вместо ^{wirwe})" (Топоров, 1973:130), однако более четких разъяснений по этому поводу он не дает. Следует отметить, что в

словаре Х.Бартоломе мы не нашли предполагаемые индоиранские формы ḫbarb- , ḫbr̥b- (Bartholomae, 1904).

Анализ показал, что балтийские лексемы могут быть возведены по крайней мере к трем индоевропейским корням, являющимися либо омонимами, либо результатом распада полисемии и.-е.

ḫUER- "гнуть, крутить, вертеть": 1) лтш. *virulis* "водоворот" (Я.Эндзелли предполагая связь с глаголом лтш. *virt* "кипеть"); 2) лтш. *vira* II "дверная петля"; "некто, кто часто и беспричинно открывает и закрывает дверь" (Я.Эндзелли предполагая связь с глаголом лтш. *vērt* "открывать, закрывать"); др.-пр. *wirius*, *etwēre* "ты открываешь, отпираешь", *et-wert* "открывать"; 3) лтш. *virve* "веревка" (от глагола *vērt* "нализывать" (М.-Эндз., 619). Впрочем, Д.Покорный не отмечает возможность принадлежности всех этих лексем к и.-е. ḫUER- "гнуть, крутить, вить" (Покорный, II54). Семантические переходы можно представить себе следующим образом: и.-е. ḫUER- "гнуть, крутить, вить": $\text{ḫUIR-}/<^*UR̥-/$ "гнуть, крутить, вертеть" $\rightarrow$ "совершать круговые/кругообразные движения": 1) "водоворот", "кипеть", "клокотать"; 2) "нализывать на нитку", "веревку"; 3) "совершать движения туда-сюда", "запирать, отпирать".

На сложную семантическую картину в германских языках указывал, в частности, Я.де Фрис, который, ссылаясь на Й.Трира, Впрочем, считал возможным объединить под и.-е. ḫUER- "гнуть, крутить, вить" 12 основных значений, присущих вариантам этого индоевропейского корня. Среди этих значений можно назвать такие, которые связаны с понятиями "плетение", "то, из чего плетут", "ткать", "гибкий прут", "ограждение (из прутьев)", "загон" и т.д. (Vries, 674). Правда, среди этих значений не встречаются значе-

ния "кипеть" и "нализывать". Тем не менее Д.Покорный не исключал возможности принадлежности балтийских лексем со значениями "кипеть" и "нализывать" к и.-е. UER- "гнуть, крутить, вертеть" (Pokorny, 1154; Vries, 674). Ср. также мнение И.П.Петлевой о существовании на древнейшей стадии не двух, а одного синкретичного и.-е. UER- со значениями 1. "поворачивать, гнуть" и 2. "разрывать, поцарапать" (Петлева, 1989:68). Разобраться в этом многообразии форм и значений далеко не просто, о чем красноречиво свидетельствуют словари.

Поскольку в структуре рассматриваемых лексем центральную роль играют плавные слогаобразующие, то мы связали эту ситуацию с теорией В.М.Иллич-Свитыча относительно типа корней в балтийском глаголе с исходом на сонант. "При восстановлении типов корней на основании анализа балтийской глагольной системы необходимо учитывать, что эта система подверглась глубокой перестройке в определенный период истории балтийских языков. Одним из самых существенных элементов этой перестройки была смена корреляций между различными степенями огласовки глагольного корня. Старое противопоставление корневого или тематического презенса с корнем на ступени $-e-$ презенсу с суффиксальным элементом на ступени $-o-$, несущему каузативно-итеративное значение, противопоставление, хорошо сохраняемое большинством индоевропейских языков, в том числе ближайшими к балтийским - славянскими и германскими, засвидетельствовано в балтийских языках лишь как изолированное архаическое явление" (Иллич-Свитыч, 1961:108). Исходя из этого, В.М.Иллич-Свитыч считает глагольную пару лит. vėrti "вдевать нить", лит. vėrt "вдевать нить", "ставить в ряд" - лит. varyti "вбивать" отвечающей этому наблюдению. Вслед за

В.М.Иллич-Свитычем мы тоже объединяем описанные выше глаголы в одно этимологическое микрогнездо и.-е. *UER- "гнуть, крутить, вертеть".

"Как правило же, глаголы с корневой огласовкой -o- и суффиксом -e(i)- были заменены более сложными суффиксальными образованиями. Так, с суффиксом -st- представлены образования, итеративные по значению, образующие категорию так называемых интенсификов или фреквентативов: лит. *barstýti* (*beĩti*), лтш. *vaĩstít* (*veĩt*), лит. *ṽarstyti* (*ṽeĩti*) и т.д." (Иллич-Свитыч, 1961:109).

Далее В.М.Иллич-Свитыч устанавливает определенную связь между двумя инфинитивами и причинами перестройки глагольной системы в балтийских языках: "Основной ее причиной, по-видимому, следует считать усиление взаимодействия двух презенсов в упомянутом выше противопоставлении. Действительно, все три суффикса глаголов с -o- огласовкой представляют форманты, характерные для образования простого презенса в балтийских и других индоевропейских языках, причем два (-st-, -n-) из них сохранили свою продуктивность до настоящего времени, третий же (-d-) засвидетельствован в ряде архаических образований (ср. лит. *ṽerdu*, лтш. диал. *d̃edous*, *iedu* и слав. *jadaǰ, *idǰ, *kladǰ, *kradǰ" (Иллич-Свитыч, 1961:110).

Для нашего анализа особо интересным является наблюдение В.М.Иллич-Свитыча над глаголами с противопоставлением -e- ступени и нулевой ступени, представляющие акут в обеих формах инфинитива: ср. лит. *k̃el̃ti* "поднимать", "устраивать, праздновать" - *k̃il̃ti* "подниматься, вставать". (В латышском языке этого противопоставления нет, ср. лтш. *ceĩt* "поднимать" - *ceĩtieĩs* "подниматься", но *ciĩl̃at* "поднимать", "поднимать и опускать", *ciĩl̃atieĩs* "подниматься"; "вздвигаться"; "подниматься и опус-

каться" (Latv.-krievu, 206, 207, 215).

По характеру интонаций в инфинитиве В.М.Иллич-Свитиц установил четкое противопоставление типов I и II лишь на ступени -е-. "В тех случаях, когда из старой пары сохранился лишь глагол с этой огласовкой, мы можем с уверенностью отнести его к одному из рассмотренных типов. Так, I тип представляют лит. *vėrti* "вдевать нить; нализывать"; колоть; щемить; открывать или закрывать (двери)", лтш. (с интонацией нулевого ряда) *vērt* "ставить в ряд, нализывать, вдевать нить, шить, открывать или закрывать (двери)" (Иллич-Свитиц, 1961:120). Тем самым подтверждается и наше предположение о принадлежности лит. *vėrti* и лтш. *vērt* к одному этимологическому гнезду и.-е. ṷUER- "гнуть, крутить, вертеть". Это предположение высказывалось также А.Вальде (Walde, 263), Э.Френкелем (Fraenkel, 1229) и некоторыми другими.

Очевидно, в данном случае значительное расхождение в семантике рассматриваемых лексем можно объяснить все-таки распадом полисемии и.-е. ṷUER- "гнуть, крутить, вертеть".

Новейшие исследования В.Мажиулиса в области прусской этимологии также подтверждают, что архаический индоевропейский корень ṷUER- в балтийских (и славянских) языках развил широкую полисемию, в частности, и в таких значениях как "запирать $\leftrightarrow$ отпирать" (энантисемия), "всовывать, вдевать (в ушко, в отверстие)", "шить, нализывать", "вонзать, втыкать" и т.д. (Mažiulis, 303-305).

С подобными результатами нам пришлось столкнуться, анализируя этимологическое микрогнездо и.-е. ṷUOR- в балтийских языках, семантическое развитие которого, возможно, пошло в сле-

дующем направлении: "веточка", "палочка" (из "кривая", "изогнутая") → "прутик" → "жердь" → "забор" (букв. "плетень") → "место для скота", "загон" → "окружать" → "охранять" → "защищать" → "защитник" → "враг".

В.Мажилис также отмечает для и.-е. *uor- подобные семантические переходы (Mažiulis, 305).

Возвращаясь к германским примерам, в частности, к сн.гл. дс. *weggan* "спутывать, запутывать, навлечь беду", можно отметить, что этот глагол относится ко II классу III ряда чередования по аблауту, вмещающему вид *e/i:a:u:o*, т.е. *wiggu- wagg- wuggan - giwoggan* (ср.: Holthausen, 1921:155). Точно такой же вид имеют основные формы сн.гл. *weggan* "бросать", о котором речь пойдет ниже: *wigru - wagr - wugren - giwogran*. Ф.Хольтхаузен отмечает, что исконное германское *i* в этих сильных глаголах переходит в *e* (Holthausen, 1921:154). В средне-нижненемецком языке фигурируют уже только формы с *e*: *wegre - wagr - wogren - (ge)wogren* (Lasch, 1914:243). Я.Лаш также подчеркивает, что в данных лексемах произошло изменение *i* в *e* перед *r* (Lasch, 1914:51).

Относительно сн.гл. *weggen* "спутывать, смешивать" интересна мысль Я.Вакернагеля о принадлежности к словообразовательному гнезду *weggen* прилагательного *wigs* "хуже" в форме сравнительной степени (Wackernagel, 379, 380).

От этого сильного глагола образован слабый глагол I класса с суффиксом *-ja-*, ср.: дс. *woggian* "спутывать", "запутывать", где отчетливо проявляется связь производной основы со степенью редукции, представленной гласным из четвертой основной формы (прич.прош.врем.). Нулевая степень корня считается

архаической (Иванов, 1981:14) и хотя она, являясь своего рода отступлением в отличие от регулярной в таких девербативных глаголах второй основной формы, тем не менее она встречается во всех германских языках, хотя и в незначительной группе глаголов, ср.: др. *gi-bur-ia-n*, днв. *gi-bur-ie-n* "случаться" - беран "приносить" (СГТЯ, 1966:168).

Об этом же говорит В.Вильманс, отмечая, что слабые глаголы I класса со слабой ступенью чередования, имеющие огласовку причастия прошедшего времени и образованные при помощи суффикса *-ja-*, встречаются весьма редко (значительно реже, чем глаголы с огласовкой второй основной формы); некоторые из этих глаголов имеют каузативное значение, другие (с исходом на *hd, tz, pf, sk*) - интенсивное, ср.: днв. *hullan* "закутывать, обволакивать, укрывать" - к *hëllan* "скрывать, держать в тайне", *gi-bur-ien* "случаться, происходить" - к *bëran* "приносить", *mullen* "раздроблять, крошить" - к *malan* "молоть", гот. *huljan* "покрывать, покрываться" - к днв. *hëlan* "прятать", *wurgen* "душить" - к свн. *er-wërgen* "задушить, удушить", днв. *wirken - wurken*, оба - "действовать, делать, совершать, исполнять" (Wilmanns, 1922:44,54).

В современном немецком языке, как уже отмечалось, нет больше сн.гл. днв. *wergan* "запутать", свн. *wergen* "запутывать", но осталось прич.прош.врем. *verworren*, функционирующее как прилагательное (Paul, 747).

Интересен и такой факт, приводимый Ф.Клуге: существительное, родственное этому сильному глаголу, днв., др.-фр. *wëgga* "ссора" (современное нем. *Wirge* ж.р. "сумятица, путаница,

неразбериха") (было заимствовано некоторыми романскими языками со значением "война", ср.: ит. guerra, фр. guerre "война" (Kluge-M., 863).

Сл.гл. нем. wirren "спутывать, смешивать" является новообразованием от этого существительного, как и прилагательное wirrig 1) "рассеянный, смущенный"; 2) "бестолковый, путанный" (Москальская, II:599).

Вторым этимологическим подгнездом с рефлексом краткого слогаобразующего для германских языков является $\text{QMB}^{\text{WUR-}}$. Анализ германских лексем показал, что в германских языках нет чистой, непрямой основы. Выявлены лишь суффиксальные образования, обозначающие "червя" и "колбасу", т.е. "нечто скрученное или скручивающееся". Так, германский архетип $^{\text{WUR-M-IZ}}$ представлен следующими лексемами: днн., свн., дс. wurm "червь, змея, дракон, насекомое", др. - англ. wurm, worm "червь, змея, дракон", Орм имя собственное, Ormesby, Ormskirk, Ormston - географические названия, др.-сев. ормг "дракон" (Schützeichel, 241; Pokorny, II52; Kluge, 870; Onions, 1012; Vries, 420; Falk-Torp, 801; Holthausen, 1948:216; Lübber, 594; Зализняк, 1965:191; Lehmann, W 42; Köbler, 626; Kluge-Seeb. 800).

Исходное значение германского этимона $^{\text{WURMAZ}}/^{\text{WURMIZ}}$ "извивающийся" ("der sich Windende") (Kluge-M., 870).

Ю.В.Откупщиков считает возможным возводить название червя к и.-е. ^{KRMIS} (Откупщиков, 1989:61).

В других индоевропейских языках представлены: лат. vermis "червь", др.-гр. rhómos, rhómos "древесный червь", др.-русск. вермие "насекомое", укр. вермяний "красный", др.-инд. vṛṇakti "мотает, крутит". В узком значении нем. wurm зна-

чит "жук" в Мекленбурге, Померании, "мотылек" — от Эмсланда до нижней Эльбы (Kluge-M., 870).

Многие исследователи в данном случае единодушны: лексемы, обозначающие в германских языках "червя", восходят к и.-е. $\text{ṷ}UER-$ "гнуть, крутить, вертеть". Э.А.Макаев уточняет, что и.-е. $\text{ṷ}UER-$ "гнуть, крутить, вертеть" в германских языках встречается только в опрощенном именном образовании с детерминативом $-m-$, который входит в состав германского корня $\text{ṷ}WURM$ (Макаев, 1970:206).

Интересна, хотя и маловероятна версия Я.Отренбского, согласно которой слова, обозначающие червя не восходят к и.-е. $\text{ṷ}UER-$ "гнуть, крутить, вертеть", а являются на самом деле редуплицирующими образованиями, содержащими два близких по значению, но разных по происхождению корня $\text{ṷ}ver-mer-$, которые могут встречаться и в обратном порядке $\text{ṷ}mer-ver-$ (Otrębski, 1960:283).

Еще на одном факте следует остановиться особо, а именно на др.-фриз. $wiŕm$ "червь", нид. $wjŕm$ (при нид. $worm$) "червь" (Buwalda, 592; Pokorny, II52; Holthausen, 1925:130). По сравнению с другими германскими языками, в которых представлен сегмент $\text{ṷ}WUR-$, содержащий рефлекс краткого слогаобразующего $ur < \check{R}$, древнефризская лексема отличается иной огласовкой: i вместо ожидаемого u по аналогичным формам других германских языков. По нашему мнению, изложенному в разделе "Рефлексы кратких слогаобразующих в германских и балтийских языках" настоящей диссертации, $iŕ < \check{R}$ наряду с $ur < \check{R}$ является также рефлексом краткого слогаобразующего плавного. Поэтому мы и рассматриваем вокализм данной фризской лексемы как отражение рефлекса кратко-

го слогообразующего плавного в одном из германских диалектов. Следует однако отметить, что проблема членения самого древнефризского языка до сих пор остается спорной, как и установление преемственности современных фризских диалектов по отношению к древнефризским диалектам. Трудности вызывает и то, что восточнофризский диалект был вытеснен еще в XVII веке нижне-немецким языком, за исключением области Затерланд, а распространенный в ФРГ северофризский, по мнению исследователей, ни в коем случае нельзя считать продолжателем древнефризского (Dieter, 1900:XXII; Lasch, 1914:1). К.Рихтхофен предполагает, что восточнофризские диалекты более близки к англосаксонским и исландскому, а западнофризские диалекты - к древнесаксонскому диалекту (Richthofen, 1970:XXY).

К германскому архетипу ^WWURMAZ примыкает еще одно производное: др.-фр. *worma* м.р. "пурпур", да. *wurma* "пурпуровая улитка", днн. *gi-wurmot* "окрашенный в красный цвет", сл.гл. *wormōn* "окрашивать в красный цвет" (Pokorny, II52; Holthausen, 1925:133; Richthofen, II59; Schützeichel, 241; Feist, 555-556).

Семантический переход "червь" → "красный", "пурпурный" в балтийских языках подобно германским имеется лишь в древне-прусском языке, ср.: др.-пр. *wormuan* "красный", *warmun* "красный", *wurman* "насекомое" (Endz., 1943:341; Nesselmann, 200; Trautmann, 342-343). Этот факт наводит на мысль о возможном заимствовании из германских языков, хотя такое предположение до сих пор, кажется, никем еще не высказывалось.

Р.Траутман и Ю.Покорный дают балтийский архетип ^WWARMA м.р. "червь, насекомое" (ср. германские лексемы со значением "насекомое"), а также ^WURMIS, ^WURMOS "червь", но представленные примеры, на наш взгляд, не отражают нулевой ступени че-

редования, как и лит. *vaĩtas* "насекомое". Р. Траутман обращает внимание на своеобразие чередования в балтийских (и славянских) языках в этом ряду: $\text{UR-} : \text{UR-} : \text{UR-}$ (Trautmann, 342-343). С этим фактом вполне можно согласиться, только необходимо, на наш взгляд, уточнить последнюю форму, которая была бы корректнее в виде UR- .

Заканчивая анализ германского ФМВ WUR- , от которого образовано название червя, приведем наблюдения Ф. Клуге, обратившего внимание на возможную связь нем. *Wurst* "колбаса" с глаголом *weggen*, который мы уже рассматривали. Сегмент WUR- , по мнению Ф. Клуге, вполне мог быть редуцированной основой сн. гл. *weggen*, послужившего производящей основой для суффиксального *wurm*. Впрочем, герм. WUR-ST "колбаса" тоже может вполне сюда относиться (Kluge 872), ср.: сн. *worst* ж.р. "колбаса" с переходом $u > o$ (Lübben, 594; Falk-Topp, 1399-1400).

Ф. Клуге ошибочно полагая, что лексема *Wurst* только немецкое явление. Примеры из других германских языков показывают, что эта лексема имеет большее распространение, хотя в значении наблюдаются некоторые различия, объясняемые, в частности, тем, что в немецком языке эта лексема получила абстрактное значение по сравнению с лексемами в других германских языках, которые сохранили значения более близких к значению архетипа, а именно "нечто гнущееся" или "то, что гнется, скручивается", ср.: др. *wurst*, нид. *woarst* "закрученное", "согнутое" (Holthausen, 1921:95; Cordes, 1973:296; Buwalda, 592).

Как уже отмечалось выше, в балтийских языках нами не обнаружено ни одной лексем, которую можно было бы возвести к

UR- . Распределение гласных i и u в германских языках будет видно при анализе лексем.

Большинство исследователей считают, что базовый корень UR - "гнуть, крутить, вертеть" является исходным для очень многих корней, имеющих детерминативы (Pokorny, II52-II62; Morris, 769 и др.). Все же мы настоятельно подчеркиваем, что в нашем случае речь идет об этимологическом микрогнезде, содержащем в качестве гласного корня рефлекс краткого плавного слогаобразующего в германских и балтийских языках. Как мы уже указывали ранее, в германских языках нами принимается существование исходных структур WURT и WIR-T , где T обозначает детерминатив (-T-): -BH-, -B-, -P-; -DH-, -D-, -T-; -GH-, -G-, -K-, либо эти же символы обозначают исход корня, получившийся в результате опрощения, когда вычленение детерминативов не представляется возможным.

Анализ материала следует в порядке, указанном выше, так как мы придерживаемся классической схемы индоевропейских смычных (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:6).

и.-е. UR -BH-//герм. WIR-B , WURB- // балт. VIR-B-

Материалы германских словарей дают весьма пеструю и противоречивую картину, по нашему мнению, не вполне адекватно отражающую фономорфологическую структуру данного этимологического микрогнезда. Дело в том, что совершенно беспорядочно даются формы с -b-, -f-, -p-, а, во-вторых, нет четкого распределения ФМВ в зависимости от огласовки корня, так как во всех без исключения этимологических словарях в рамках одной словарной статьи приводятся все возможные лексемы из самых разных языков без учета фономорфологической структуры этих лексем. Анализ германского материала показал, что в данном случае речь может идти о двух архетипах: герм. WIR-B- и WURB- .

К ФМВ WURB- , соответствующему и.-е. UR-BH- , по нашему мнению, можно отнести следующие германские лексемы: ди. *orī*, днн. *worī*, свн. (*sensen*)*wogr*, нем. диал. *Worb* "косовище" (*Рокотпу*, II56). В Большом немецко-русском словаре эта лексема дается в двух вариантах, но без пометы диал.: *Worb* м.р., *Worbe* ж.р., глагол *worben* "воршить (сено)" дается с пометой швейц. (*Москальская*, II:605). Х.Фальк и А.Торп сюда же причисляют норв. *ogv* "косовище" (*Falk-Torp*, I398), однако остальные приведенные в данной статье лексемы вряд ли могут быть возведены к ФМВ WURB- . Э.Сибольд предполагает связь с сн.гл. герм. hwerg-a- (*Kluge-Seeb.*, 799).

В балтийских языках отмечается большое количество лексем, возводимых к и.-е. UR-BH- , но не во всех случаях мы можем принять рассуждения и сопоставления, отраженные в словарях. На наш взгляд, в балтийских языках следует четко различать два ФМВ, отражающие и.-е. UR-BH- и UR-B- , представленные двумя большими массивами лексем и имеющие в германских языках хорошие соответствия.

К и.-е. UR-BH- мы возводим лексемы, обозначающие "веточку, прутик", "что-то гнущееся" и т.д., ср.: лит. *viŗbas* "прут, лоза, хворостина", лтш. *viŗbs* "палочка; полоска, жердь; вертел, на который насаживается рыба или мясо" (*М.-Endz.* IV:603). Лтш. *viŗbs* "спица для вязания" (*М.-Endz.* IV:603), лит. *viŗbalas* "стержень, спица, прутик" особенно близки по значению, но не по форме / вопреки мнению В.Н.Топорова (*Топоров*, 1975:II0-III) / русск. диал. воробы "накладки у телеги". Сюда же можно отнести вороб "мотовило", "вороба "вид циркуля", воробы "приспособление для размотки пряжи" (*Фасмер*, I:351-352; *Рокотпу*, II53, СРНГ У:101-104). Однако русские примеры не

отражают рефлекс краткого слогообразующего, поэтому мы бы воздержались от такого прямого сопоставления с балтийскими лексемами.

От названия гибкой веточки, прутика произошло, наверное, и название дерева $\text{H}v\grave{e}rba$ "верба" в славянских языках, ср.: с.-хорв. $v\acute{r}ba$, польск. $wierzba$ (ст.-польск. $wierzba$), укр. верба. Однако ни в балтийских, ни в германских языках дерева с таким названием нет. Хотя примечательно, что да. $weagr$ ср.р. "ветка ивы, вербы" соответствует лит. $virbas$, лтш. $virbs$, но вокализм этой лексемы не содержит рефлекса краткого слогообразующего плавного, как соответствующие балтийские лексемы. В любом случае этот факт заслуживает самого пристального внимания, так как является не первым, свидетельствующим о возможных контактах ингвеонских диалектов с балтийскими языками.

Внешняя форма балт. $\text{H}virb$ полностью соответствует слав. $\text{H}v\grave{e}rb-$, но в значениях есть уже расхождения.

Особняком стоит др.-пр. $arwarbs$ "дрога, оселина у повозки", так как вокализм данной балтийской лексемы не восходит к рефлексу краткого слогообразующего $ir < \overset{\circ}{R}$. Однако М.Фасмер считает др.-пр. $arwarbs$ исконно родственным приведенным выше русским диалектным лексемам. С этим можно в общем согласиться, но возводить данные лексемы к и.-е. HUR-BH- нет никаких оснований, так как их вокализм указывает на полную ступень чередования.

Из лексем, возводимых к и.-е. HUR-BH- "веточка, прутик, хворостинка" можно привести также лтш. $virba$ "рукоятка", $virbain\grave{a}$ (значение неизвестно) в словосочетании $ai\grave{z} virbain\grave{a} \acute{z}uoga$, где прилагательное, возможно, значит "из прутиков,

из палочек", тогда все словосочетание можно перевести "за плет-
нем", *virbals* "поперечная палка в повозке", "сердцевина
катушки", "пробка, затычка", *virba* "жердь, палка, шест из де-
рева или железа", "вертел", "поперечная палка в яслях", "часть
ветки, часть хвостины", *virbens* "палочка", *virbulis* "ру-
коятка, указка, палочка для закрепления льна в прялке, затыч-
ка", *virbuot* "бить вербными сержками (спящего в пасхальное
воскресенье)", *virbināt* "деревянной палочкой делать дыру
больше" (М.-Ендз. IY,602-603), лит. *virbūnas* "(вязальная)
спица, прутик", "стержень", "зуб (бороны", *virbalinės akėsios*
"зубовая борона", *virbalinis* "прутковый", *virbas* "лоза;
розга; прут; хвостина", *virbiškas* "прутьевидный" (Lyberis,
859; DLKŽ,942; Mažiulis,308).

и.-е. $\overset{\circ}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -B-/ герм. $\overset{\circ}{\text{WIR}}-\text{P}-$; $\overset{\circ}{\text{WURP}}-$ / балт. $\overset{\circ}{\text{VIR}}-\text{B}-$

К и.-е. $\overset{\circ}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -B- мы возводим балтийские и германские
лексемы, обозначающие движение вперед или бросание и примыкаю-
щие к ним термины прядения и ткачества.

В германских языках представлены следующие лексемы: днн.
и свн. *wurfi*, да. *wurp* "Wurf", нид. *wurp*, снн. *worp* "выброс
(в игре в кости)", "основа ткани", "место выброса сети", "по-
мет, выводок", "определенное число товаров или монет при счете
(обычно по 3 или 4)", нид. *worp* "бросание", "метание",
"бросок", "помет, приплод", да. *wearp* "основа (ткани)", др.-
фриз. *werp* (< *wirp*), снн. *worpel* м.р. I) "Würfel;
fig. Glück, Schicksal"; 2) "ventilabrum", снн. *worpele* "играть в кос-
ти", *worpele* "игрок в кости" (Lübben, 594), днн. *wurfil*,
свн. *würfel* (Kluge, 869), нем. *worfeln* "веять", свн. *worfen*
"веять", днн. *wintworfa* ж.р. "лопата для бросания" (Weigand,
I286; Bradley,680; Kluge-M.,853; Schützeichel,2343; Buwalda,

596; TDW VIII:285; Миронов, 938; Москальская II:607; Lexer, 327).

Семантическое развитие "бросать" → "плуг, пахать" наблюдается в да. *werve*, *weorſ*, *weoruf* "плуг, пахать" (Bradly, 680).

Особо следует рассмотреть сн.гл. нем. *werfen*, днв. *wer(p)-fan*, свн. *werfen*, др.-нижн.-франк. *wegrān*, снн., нид. *wegren*, др.-фриз. *wegra*, да. *weogran* (i = e--eo), др.-сев. *wegra*, дат. *vægrø*, шв. *värpa*, гот. *waigran* "бросать". По мнению В. Лемана, этимология этого германского глагола затемнена (Lehmann, 390). Ф. Клуге отмечает, что первоначальное значение этого глагола было "(с силой) бросать, швырять, кидать, вращая раскачивающейся рукой" (*mit drehend geschwungenem Arm schleudern*) (Kluge-M., 853; Kluge-Seeb., 787).

Х. Бредли дает для днв. *wer(p)fan* значения "бросать", "крутить" (*throw, twist*), а для древнеанглийского приводит несколько форм: *weogran*, *wogran*, *wigran* с тем же значением "бросать, крутить" (Bradly, 678).

З. Файст также отмечает, что этимология этого сильного глагола в германских языках затемнена. Некоторые исследователи полагают, что этот глагол испытал воздействие герм. ^W*WERG-W-*, являющегося производным от герм. ^W*WERVN-* (с расширением *-VN-* от и.-е. ^W*UER-*) (Morris, 772).

Особняком стоит др. *wigrø* м.р. "фокусник, обманщик, шарлатан" (Holthausen, 1954:95), хотя семантический переход от значения "бросать, крутить" → "вертеть" → "хитрить" → "обманывать" → "обманщик, фокусник, шарлатан" не кажется невероятным.

А. Ж. Варбот предполагает для нем. *werfen* "бросать" семантическое развитие "крутить, вить, сгибать" → "бросать" (Варбот, 1978:33).

Балтийские лексемы, возможно, помогут уточнить этимологию германских лексем. Для балтийских языков восстанавливается этимон VIR-B- , закономерно соответствующий германскому $\text{WIR-P-}/\text{WURP-}$: лит. *virbėti* "кипеть, двигаться, шевелиться", лтн. *virbėti* "рябить", пестрить, мелькать" (*māte ada, ka adatas vien virb*) "мать вяжет, так что спицы мелькают"; *puikas skrien, ka kajas vien virb* "мальчишки бегут, так что пятки сверкают" (М.-Endz. IV:603); *virbināt* (факт. к *virbėti*) "заставлять сверкать, светиться, мерцать", *virbinš* "небольшое движение воды, вызванное маленькой рыбкой", *virbulis* "вихрь", "вихревой ветер", *virbe* "небольшие волны, переливающиеся в солнечный день", *virbastis* "лошадь, машущая хвостом" /*aste* "хвост"; первую часть этого сложного слова сравнивают с др.-сев. *vegra* "бросать" (Walde, Pok., 1930:275). В основе всех балтийских лексем исследователи предполагают и.-е. UERB- "гнуть, крутить, вертеть" (Walde, Pok., 1930:275; М.-Endz. IV:603; Fraenkel, I259; Pok. II55).

В.Махалис также полагает, что в балтийских языках представлены варианты и.-е. $\text{UERBH-}/\text{UERB-}$, расширенные при помощи детерминативов *-BH-* или *-B-* (Mažiulis, 95-96).

Что касается внутренней формы этих лексем, нам кажется, что значение этимона связано с обозначением специфического движения, которое может быть закончено броском, на основе которого в германских языках могло развиваться значение "бросать, кидать, метать, швырять, бросок, бросание, метание, выброс", (охот.) "рыло кабана", (диал.) "древко косы, косовище" (Москальская П: 589, 607, 608).

Анализ материала показал, что, видимо, существовали па-

параллельно и.-е. $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{URB}}}$ - и $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{URBH}}}$ -, давшие различные рефлексы в германских языках, так как по первому передвижению согласных и.-е. -b- соответствует герм. -p-, а и.-е. -bh- соответствует герм. -b-/-b̄-. Поэтому нет оснований рассматривать в рамках одного фonomорфологического варианта три различных фonomорфологических варианта корня $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -B-/ $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -BH- и $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -P-, как это делается, например, в общеизвестных этимологических словарях. Вследствие этого мы и не рассматриваем сейчас лексемы типа лтш. *virpa*, *virpēt* и под., возводимые, на наш взгляд, к балт. $\overset{\text{R}}{\text{VIR}}\text{-P-}$, и.-е. $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -P-.

И еще одно замечание относительно рассматриваемых балтийских примеров: как показал анализ, и в балтийских языках корректнее было бы различать фonomорфологические варианты с детерминативом -b- и -bh-, тем более, что это реально, ведь семантика этих разных фonomорфологических вариантов тоже различается. Так, к и.-е. $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -B-/ $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -BH- балт. $\overset{\text{R}}{\text{VIR}}\text{-B-}$ могут быть возведены лексемы, обозначающие "движение", "бросок", а к и.-е. $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -BH-/ $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -P- балт. $\overset{\text{R}}{\text{VIR}}\text{-B-}$ могут быть возведены лексемы, которые обозначают "прут", "веточку", "хворостинку" с базовой семой "гибкое, изогнутое".

и.-е. $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -P-// герм. $\overset{\text{R}}{\text{WIR}}\text{-F-}$; $\overset{\text{R}}{\text{WURF}}\text{-//}$ балт. $\overset{\text{R}}{\text{VIR}}\text{-P-}$

Анализ германских словарей показал, что фактически нет слов, которые можно было бы возвести к и.-е. $\overset{\text{R}}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -P-, герм. $\overset{\text{R}}{\text{WIR}}\text{-F-}$ или $\overset{\text{R}}{\text{WURF}}\text{-}$, хотя некоторые авторы пытаются доказать, что к таковым можно причислить, например др.-сев. *orfi*, днн. *worfi*, снн. (*sensen*)*worþ*, нем.диал. *worb* "косовище", дат. диал. *vgravle* "крутить, теревить", ср.-англ. *wgarpen* "наматывать, заворачивать" и под. (Walde-Pok. 1930:276,277). Одна-

ко на наш взгляд, нельзя возводить все перечисленные лексемы к одному ФМВ UR-P- , поскольку в приведенных лексемах представлены разные фonomорфологические структуры, в частности, разные по долготе слогаобразующие, что ни в коем случае не может позволить возвести эти лексемы к одному ФМВ. Кроме того, возражение вызывает некорректное сопоставление и.-е. -р- и герм. -р-, поскольку и.-е. -р-, как правило, соответствует герм. -f-. Однако германские лексемы скорее всего содержат рефлекс и.-е. -b- или -bh-. Поэтому мы и рассматривали эти лексемы как производные от ФМВ и.-е. UR-B- / UR-BH- .

Э.Френкель также не приводит в своем словаре параллелей из германских словарей (Fraenkel, I226, I227).

В литовском языке Э.Френкель констатирует наряду с огласовкой полной ступени гласный *i* в следующих литовских лексемах: *virpti*, *vir̃pti*, *virpėti*, *suvir̃pti/suvirpėti* "вздрагнуть, вздрагивать; задрожать", *ravir̃pti* "verkümmern, schwächlich werden", *suvirpinti* "заставить дрожать; сотрясти, сотрясать; заставить вибрировать", *vir̃pis*, *virpulỹs*, *vir̃pesa*, *virplỹs* "(Wald)taube", *vir̃ptis* "(lange und dünne) Stange", *virptis* "Stiel, Stengel, Schaft", *virpsoti* "(auf-, hervor-, emporragen" (Fraenkel, I261; Lyberis, 750).

В латышском языке представлены следующие континуанты и.-е. UR-P- , балт. VIR-P- : лтш. *virpt*^м (лит. *virpti* "am Körper verkommen"), восстанавливаемое на основе *savirpt*, *nuovirpis*, а также *virpties*^а "wirbeln", *virpu virpām* "wirbelnd, im Wirbel": *vējā virpu virpām smiltis dzen* (Rainis) "ветер гонит песок, крутя", *virpēt* I. "mit Hilfe einer Spindel spinnen", "прясть при помощи веретена"; *žāvėdama, virpėdama ābuoliņu* "суша, переворачивая клевер"; 2. "zittern" (лит. *virpėti* "zittern"): *nuo aukstuma, bailēm virpēt*; лтш. *virpināt*

I. "kreisen lassen", 2. "zittern machen"; virpa "der Wirbel", virpas "die Drechselbank", virpastis "ein Ferkel, das einen Ringelschwanz hat", virpata I. "ein Teil des Spinnrades", 2. "verworrenes, verwühltes Getreide oder Gras; ein Wasserwirbel", "Haarlocken am Genick", "ein Haufen von tollenden Kindern oder Hunden"; virpatām "wirbelnd", virpatas "край ткани, который обрезают", virpats I. "der Wasserwirbel in Fluß-tiefen", 2. "vom Winde zusammengedrehtes Korn auf dem Felde", virpeles "das Herumdrehen eines Schlittens auf dem Eise mit Hilfe eines an einen Stock in der Mitte befestigten Rades Spieß", virpulis II "der Würfel" (M.-Endz. IY:609,608).

Как видно, в балтийских лексемах ФМВ *VIR-P- представлен достаточно значительным числом лексем, объединенных в словообразовательном гнезде и имеющих в основе значения сему "дрожать".

Материалы древнепрусского языка также подтверждают, что данные лексемы являются общепалтийскими по происхождению, ср.: etwiērptan "свободный", etwierpt "отпускать (крутя, бросая)", sraujawirps "тот, кто отворяет кровь", "кровопускатель", auwirps "желоб для воды, водосброс, водосток". В.Н. Топоров отмечает восточнобалтийский глагольный корень с основными значениями "дрожать, колебаться" (Топоров, 1984:159). Однако В.Н.Топоров также не приводит этимологических параллелей из германских языков (Топоров, 1975:177).

и.-е. *UR-GH-/ герм. *WIR-G-: *WURG-/балт. *VIR-Z-

В силу того, что германские и балтийские языки по-разному отражают индоевропейские заднеязычные, складывается следую-

щая картина. Оказалось, что для германских языков вследствие совпадения палатализованных и чистых велярных противопоставление и.-е. $\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-GH-}/\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-GH-}$ становится нерелевантным, в отличие от балтийских языков, в которых и.-е. $\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-G(H)-}$ соответствует балтийскому $\overset{\text{H}}{\text{VIR}}\text{-Z-}/\overset{\text{H}}{\text{VIR}}\text{-Ž-}$. В свою очередь, нерелевантное для балтийских языков противопоставление фонеморфологических вариантов и.-е. $\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-G-}/\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-GH-}$, дающее в обоих случаях в балтийских языках $\overset{\text{H}}{\text{VIR}}\text{-G}$, для германских языков оказывается релевантным, т.к. и.-е. $\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-G-}$ соответствует германскому $\overset{\text{H}}{\text{WIR}}\text{-K-}/\overset{\text{H}}{\text{WURK-}}$, а и.-е. $\overset{\text{H}}{\text{UR}}\text{-GH-}$ соответствует германскому $\overset{\text{H}}{\text{WIR}}\text{-G-}/\overset{\text{H}}{\text{WURG-}}$. Все это еще больше усложняет этимологический анализ, так как не всегда бывает возможным совершенно четко возвести лексему к соответствующему фонеморфологическому варианту корня. Поэтому надо иметь в виду те случаи, когда нерелевантное отражение заднеязычных и палатализованных можно не принимать во внимание без особой опасности запутаться в многообразии лексем. При этом, конечно, особенности отражения этих звуков как в германских, так и в балтийских языках могут помочь при окончательном возведении лексемы к соответствующему фонеморфологическому варианту корня.

В германских языках к архетипу $\overset{\text{H}}{\text{WIR}}\text{-G-}$ могут быть возведены др.-фриз. *wirgia* "задушить" и др.-сев. *virgill* "веревка" (Richtofen, II52; Vries, 667).

Более широко представлен в германских языках фонеморфологический вариант $\overset{\text{H}}{\text{WURG-}}$: др.-сев. *urga*, дс. *wurgil* "веревка", свн. *würgel* "душитель", снн. *worgel* "душитель", (зоол.) "сибирский жулан", *worgel* "душитель, убийца", двн. *wurgen*, свн. *würgen*, дс. *wurgian*^H, ср.-нид. *wurghen*, *worgen* "удушить",

да. wurgian, wurgen, др.-фриз.wergia "убить", зап.-герм. ^WWURZIAN, нем. würgen I. "давить, душить", библич. "убивать"; 2. "с трудом (с отвращением давясь) проглатывать"; 3. (швейц.) I "крепко обнимать", "сжимать в объятиях", II I. "давиться"; (швейц.) "делать подарок к именинам"; нем. würgen I I. "затягивать петлей, душить"; 2. "неловко хватать", II (швейц.) "быть неловким, неуклюжим", снн. worgine "удушь", worgelinge "удушение", worgelik, worgelhaftich "стягивающий, вяжущий" (Onions, 1013; Kluge-M., 872; Lübben, 593; Morris, 1549; Москва-кальская II:608; Vries, 636; Kluge-Seeb., 800).

Таким образом, для западногерманских языков можно установить наличие пары "веревка" - "душить": ^Wwirgil/^Wwurgil - ^Wwurgian. В скандинавских языках отмечается лишь существительное др.-сев. virgill/urga "веревка".

В данном случае можно предположить, что в германских языках семантическое развитие пошло от обозначения веревки к обозначению самого процесса удушения при помощи или без помощи веревки.

В балтийских языках к и.-е. ^WUR-G(H)- можно возвести четыре группы лексем, которые объединяются следующим образом: I. "вереск", "вьющаяся, извивающаяся трава", 2. "веревка", "давить, душить", 3. "совершать определенные (кругообразные или колебательные) движения", 4. "коробиться, морщиться".

Первая группа представлена такими лексемами: лит. vir̃za (бот.) "звездочка средняя, мокрица, Stellaria media, сорняк, вообще" (ср.: араугт ат vir̃zu un мауги "зарости сорняками и травой"; vir̃zajs "место, заросшее звездочаткой, мокрицей", vir̃ziškāposti "савойская капуста", vir̃zenes=vir̃za "Alsine media, вереск"; vir̃zēt "покрываться сорняком" (M.-Endz.IY:619);

лит. *viržis* "вереск", "*Erica vulgaris*", *viržienójas* "вересковый стебель", *viržynas*, *viržynė* "вересковые заросли (Fraenkel, I264; DLKŽ 945; Pok., II55; Trautmann, 362; Lyberis, 861).

Р. Траутман восстанавливает балто-славянский архетип **URŽIA-* м.р. "вереск", а Ю. Покорный - и.е. **URĜHIO-* "вереск", в которых четко, по нашему мнению, фиксируется рефлекс краткого слогаобразующего *ir < R*. Очевидно, вереск получил свое название благодаря тому, что это растение делается очень ветвистым и образует сплошную массу тесно переплетающихся и трудно делимых ростков (М.-Endz. IY: 619).

Не исключено, что к названию вереска примыкает и лтш. *virsele* (бот.) "льнянка", "*linaria vulgaris*, *linaria cymbalaria*" (Balkevicius, 713; М.-Endz. IY:646), хотя К. Миленбах думает, что здесь сложное слово, состоящее из *virgs* и *celt* "муж" и "поднимать", так как из листьев льнянки варили снадобе, используемое как любовный напиток (М.-Endz. IY:641).

Лтш. *virška* "старая розга" (*vesa zapēta rīkste*), видимо, также относится к и.-е. **URĜHIO-* (М.-Endz. IY:604).

Не исключено, что к и.-е. **URĜHIO-* можно возвести также лтш. *virši* "малоценный лес; кустарник" (М.-Endz. IY: 604). Вторая группа лексем, объединяющаяся вокруг значений "веревка" → "давить, душить", совершенно точно соотносится с родственными германскими словами, обозначающими то же самое. Балтийские параллели позволили возвести эти германские лексемы к и.-е. **UR-ĜH-*, так как по данным только одних германских языков это было бы невозможно сделать. Балтийские примеры: лит. *viržys*, *veržys* "веревка", "*Wagenseil*,

Askerstrick" с огласовкой полной ступени лит. *veržiù, veržti* "завязывать, стягивать, давить" (Persson I:468; Fraenkel, I264), *paviržis* "добровольная надбавка", "подарок", *viržėti* "связывать, суживать веревками", *viržyti* "связывать веревками", *viržterėti* "немного сдавить, нажимать (веревкой), сжать" (Fraenkel, I264).

К третьей группе лексем относятся лтш. *virzt* "переворачивать, двигать, толкать вверх", *viržu varžu* "вперемежку", *virddenēt, virdzināt* "медленно двигать, продвигать вперед" (к лит. *pavirgti* "?"), *virzināt* (фрэкв. к *virzīt*) "очень медленно и осторожно двигать что-то вперед при помощи рычага (большой камень, бревно)", *virze* в *virzes kustība* (физ.) "поступательное движение", *virzība* "движение вперед", *virziens* "направление", *virzišanās* "движение, продвижение", *virzīt* "направлять, двигать, продвигать", *virzities* "продвигаться", *virzulis* "поршень", *virzošs* "движущийся" (M.-Endz. IY: 604, 620; Latv.-kriev., 684).

Предполагается, что латышские лексемы наряду с лит. *viržyti* "связывать веревкой", *viržeti* "связывать" относятся к тому же корню, что и лтш. *varža* "путанница, рыбная запруда, плетеная корзина, запутанное и неприятное дело", но сам корень в словаре Миленбаха-Эндзелина не дан (M.-Endz. IY:481; Leskien I: 357; Fraenkel, I230-I231; Walde-Pok., 272-273).

Как показывает семантическая структура балтийских и германских лексем, все они восходят к и.-е. $\sqrt{\text{UERGH-}}/\sqrt{\text{URGH-}}$ "крутить, скручивать, давить, душить", т.е. отражают, на наш взгляд, ФМВ с рефлексом $\check{r}$ и детерминативом $-\check{G}H-$.

В балтийских примерах уже содержится указание на ЛСВ "вя-

зать", проявляющийся в ФМВ, производном от и.-е. URGH- "плести" (Trier, 1951:93-104). Следует, однако, отметить, что лишь немногие исследователи склонны выделять ЛСВ "плести, вязать" в семантической структуре и.-е. URGH- и в интересующем нас ФМВ URGH- "плести, вязать". Ф.Клуге, например, считал, что значение "плести, вязать" в немецком языке появилось достаточно поздно в результате сужения объема значения *wirken* ("nähend, stickend, webend verfertigen") (Kluge-M., 862).

Тем не менее, для общегерманского многими принимается существование двух архетипов WIRK- и WURKIAN , хотя некоторые исследователи видят в *wirken* более позднее деноминативное образование (Weigand II:1274). Существует и такое мнение, что герм. *wirken* распространено преимущественно во франкском и средненемецком диалектах, а *wurken* - верхненемецком диалектах (Pfeifer, 1980). Герм. wurkian зафиксировано достаточно рано, ср.: днн. *uuirchon* "делать, изготавливать, ткать, плести, создавать, осуществлять" (Sehrt, 308), снн. *worpen* "действовать, ткать" (Lübben, 593), дс. *wurhtio* м.р. "рабочий" ("Arbeiter") (Heliand, 285), др.-фриз. *wurk* "работа, труд" (Жлуктенко, Двухжилов, 1984:196), гот. *waurkjan* "wirken, tun" (Lehmann W 4I; Köbler, 625; Pok., II68).

Что касается герм. WIRK- "работать", то есть и такое мнение, что *wirken* все же имело в германских языках (по крайней мере, в западногерманском и отчасти в скандинавском ареале) значение "плести, ткать" и что, возможно, было два глагола, один из которых обозначал "работать", а другой - "плести, ткать". Идет ли речь в данном случае об омонимах или о распаде полисемии - трудно сказать, потому что возможны оба ответа. Вслед за

Я.Фрисом, отметившим, что в значении "плести, ткать" *wirken* встречается лишь в западногерманском ареале, мы принимаем точку зрения, согласно которой герм. WIR-K- : WURK- имело сему "плести, вязать" (Vries, 656; Trier, 1951:93-104). Более того, Й.Трир выводит значение "работать" из значения "плести, ткать", т.е. в данном случае речь могла идти о расширении значения. Подобные семантические переходы хорошо известны и зафиксированы во многих языках, например: нем. *maschen* - рус. мазать (Фасмер II:557). Очевидно, к этому же случаю относится ю.-нем. *wirken* "месить тесто". По мнению Й.Трира, в ди. *virki* "забор" (из "плетень") еще достаточно явно выступает связь с герм. WIRKIAN "плести, ткать" (Trier, 1951:93-104). Интересно, что М.Фасмер тоже подкрепляет своими рассуждениями мысль о том, что и.-е. WERGH- имело значение "вязать, плести", ср.: рус. верзать, верзить "вязать", верзни "лапти" (Фасмер I:299; Преображенский I:75-76).

В балтийских языках есть еще одна группа лексем, возможно, восходящих к и.-е. UR-GH- : лит. *virzėti* "сушить" (*lai pu virzas* "пусть сушится"), *virzans* "сухой, высохший" (*siens jau ir labi ražuvis, ir jau virzans* "сено уже хорошо подсохло, уже сухое", *zeme ir jau virzana* "земля уже сухая"). Наряду с *virzens* "рыхлый" (например, земля), эти лексемы, возможно, восходят к и.-е. WER-GH- "крутить, скручивать, давить, душить", если имеются в виду увядающие, становящиеся сухими и потому скручивающиеся растения. В таком случае они родственны нид. *werken* "коробиться, перекошиться" (о дереве) (M.-Eindz. IV: 619). Интересен и такой факт, приводимый Р.Траутманом: лит. *arvirgti* "стягиваться, сжиматься, уменьшаться в объеме" (Trautmann, 355, DLKŽ 39). Э.Френкель соотносит эти лексемы

с лит. *viržti* "verkrümmern, verfallen, nachlassen, lockern, in die Breite wachsen" (Fraenkel, 1264). Очевидно, родственными являются и лит. (разг.) *viržulys* - *viržis*, *pantis plekti* (DLKŽ, 946), *arvirželis* "Abgezehrter, Magerer", нем. *arviržti* I. "покрыться коркой" (*apsitraukti pluta*), "отвердеть на поверхности" (*sukietėti paviršiu: duona, mėsa*); 2. (перен.) "опуститься, стать небрежным, нерадивым" (*apsileisti, arkiausti*), (разг.) "опустившийся, одичалый человек" (DLKŽ, 39).

и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-K-}$ // герм. $\overset{\circ}{\text{WIR}}\text{-H-}; \overset{\circ}{\text{WURH-}}$ // балт. $\overset{\circ}{\text{VIR}}\text{-K-}$

В списке М.Жюкуа -к- в исходе корня имеет индекс 1,5 и занимает II место, однако ни в словаре Д.Покорного, ни в других словарях мы не обнаружили лексемы, которые можно было бы возвести к герм. $\overset{\circ}{\text{WIR}}\text{-H-}; \overset{\circ}{\text{WURH-}}$ или к балт. $\overset{\circ}{\text{VIR}}\text{-K-}$ (Рок., II55 и сл.).

и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-DH-}$ // герм. $\overset{\circ}{\text{WIR}}\text{-D-}; \overset{\circ}{\text{WURD-}}$ // балт. $\overset{\circ}{\text{VIR}}\text{-D-}$

Хотя в списке М.Жюкуа -d-, имея индекс 1,4, а -dh- 0,7, занимают более высокие места (I2 и I5 место соответственно), чем -b- (индекс 0,3; 2I место) и -bh- (индекс 0,6; I6 место), в балтийских языках фактически не представлены лексемы, которые можно было бы возвести к и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-DH-}; \overset{\circ}{\text{UR}}\text{-D-}$. В словаре Д.Покорного таких лексем нет (Рок., II53, II54), а Э. Френкель приводит только изолированное лит. *virdis* "штанга в сарае, поперечная балка, жердь для развешивания" (Fraenkel, 1259; Lyberis, 859), которое по традиции, вслед за А.Лескиным, считается производным от лит. *vėrti*, лтш. *vėrt* (DLKŽ 930; М.-Endz. IY:604; Leskien, 1975:588).

Правда, Э.Френкель приводит также лит. *vir̃dyti* "нести", этимология которого неизвестна. Однако Э.Френкель не связывает эти два слова (*vir̃dis - vir̃dyti*), считая, что они вряд ли родственны (Fraenkel, I259).

Не удалось нам также обнаружить и в германских языках лексемы, которые были бы возведены к и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-DH-}$, т.е. с детерминативом -DH- (Pok., II53, II54).

и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-D-}$ // герм. $\overset{\circ}{\text{WURT}}\text{-}:\overset{\circ}{\text{WIR}}\text{-T-}$ /балт. $\overset{\circ}{\text{VIR}}\text{-D-}$

Как показывают данные словарей, в балтийских языках не представлены лексемы, которые можно возвести к и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-D-}$.

Анализ словарей германских языков показал, что примеров с рефлексам кратких слогообразующих и детерминативом -d- совсем немного: днн. *wurza*, дс. *wurt* "Kraut, Blume", да. *wurt*, англ. *wort*, др.-сев. *urt*, др.-шв. *urt*, гот. *waurts* - все обозначают "корень" - позволяют восстановить архетип $\overset{\circ}{\text{WURTIZ}}$ ж.р., являющийся континуантом и.-е. $\overset{\circ}{\text{UERAD}}\text{-}$ "Zweig, Rute, Wurzel" (Kluge-M., 870; Bradley, 701; Lehmann, 397; Köbler, 627; Trübners VIII:297; Kluge-Seeb., 800).

и.-е. $\overset{\circ}{\text{UR}}\text{-T-}$ // герм. $\overset{\circ}{\text{WIR}}\text{-}^{\dagger}\text{-}:\overset{\circ}{\text{WUR}}\text{-}^{\dagger}\text{-}$ // балт. $\overset{\circ}{\text{VIR}}\text{-T-}$

В списке Ж.Люка -t- имеет индекс 2,6 и занимает 9 место. В исходе корня -t- встречается как в германских, так и в балтийских языках, причем лексемы, возводимые к соответствующему ФМВ, отличаются значительной архаичностью и имеют одинаковое семантическое развитие, выражающееся в том, что на базе названия простого вращательного движения развилось абстрактное значение "становиться, делаться". Примечательно, что в этом абст-

рактном значении представлены лексемы во всех германских и балтийских языках. В других индоевропейских языках (даже в славянских, считающихся очень близкостоящими к балтийским) эта лексема в значении "становиться, делаться" не зафиксирована.

Д.Покорный восстанавливает такие индоевропейские архетипы с кратким слогаобразующим: $\text{UR}^{\text{U}}\text{T-TO-}$ "gedreht", $\text{UR}^{\text{U}}\text{T-TI-}$ "Drehung" (Рок., II53). Скр. vrt- "sich drehen, rollen" (Mullius, 456) подтверждает, что в данном случае речь идет о кратком слогаобразующем. Однако данные германских языков показывают, что в германских лексемах уже нет больше исконного гласного, отражающего рефлекс краткого слогаобразующего, а присутствует гласный е, который в готском языке, например, получился в результате так называемого готского преломления. Ср. мнение Е.Куриловича о значительных изменениях, произошедших в огласовке нулевой ступени в германских языках (Kurjowicz, 1962: II2-II4), а также мнение других исследователей, отмечавших, в частности, что в германских языках произошло изменение (u) в (o), а (i) в (e) как правило перед r (Яковинин, 1969:29-30). Поэтому сейчас в германских языках фиксируется архетип WER- , хотя материалы близкородственных балтийских языков четко показывают наличие в этом этимоне и.-е. R .

Материалы словаря Ф.Клуге дают традиционную точку зрения по этому поводу: днн. $\text{w\ddot{e}rđan}$, дс., др.-нид. $\text{w\ddot{e}rthan}$, др.-фриз. $\text{w\ddot{e}rtha}$, да. weorden , др.-сев. $\text{v\ddot{e}rđa}$, гот. $\text{waif\ddot{a}n}$, позволяют реконструировать герм. $\text{WER}^{\text{U}}\text{R-}$. Исходное значение представлено в лат. vertere "поворачивать", ст.-слав. vruteti , vratiti "крутить", др.-инд. vrt "катить, катиться", а в германских языках развилось абстрактное значение "становиться" (Kluge-M., 853; Рок., II56; Feist, 546; Lehmann W 2I; K\ddot{o}bler, 6I5; Kluge-Seeb., 787).

Интересно, что в фризском языке представлена лексема с огласовкой *u* в инфинитиве: *wurde* "становиться" (Жлуктенко, Двухжилов, 1984:196).

Как уже говорилось, только германские и балтийские языки сохранили свидетельство присутствия краткого слогообразующего в данных лексемах; в других индоевропейских языках (за исключением санскрита) представлены полные ступени аблаута.

В балтийских языках при вокализации $\overset{\curvearrowright}{R}$ развился $\overset{\curvearrowright}{i}$ звук *i*, а в германских языках (*i*) и (*u*), которые пережили значительные изменения в более поздние времена.

Так, в германских языках, наряду с архетипом $\overset{\curvearrowright}{*}WERP-$ из $\overset{\curvearrowright}{*}WIRP-$ присутствуют другие его континуанты (и континуанты и.-е. $\overset{\curvearrowright}{*}URT-TO-$, ср.: свн. *wirtel* "Scheibe oder Kugel als Schwungrad einer Handspindel" (Wahrig, 4163; Kluge-M., 863). Эта лексема есть только в немецком языке. Во всех германских языках есть лексема, обозначающая "пряность, приправа". Семантика этого названия складывалась, очевидно, на основе факта, что приправы получают из различных трав и корней, которые также могли представлять собой растения с тесно переплетающимися и вьющимися листьями и корнями; норв. *vyrter*, да. *wurt*, англ. *wort*, снн. *wert*, *würt*, ср.-нид. *worte*, свн. *würze*, днн. *wirz* дат. *urt* (Holthausen, 1948:344; Vries, 668).

В германских языках представлен также архетип $\overset{\curvearrowright}{*}WUR-D-IZ-$ "судьба, рок": др.-исл. *urdr* "рок", *Urdr* "одна из трех Норн", да. *wurd*, дс. *wurd*, *wurth* "судьба, рок"; "случай" (Зализняк, 1963:151).

В некоторых германских языках представлено и значение "смерть", ср.: др. wurth "судьба, смерть" (поэт.) (Holthausen, 1948:327), а В.Вакернагель приводит днн. wurt "час, время" (Wackernagel, 396).

А.Вальде считает, что континуантами и.-е. UR- "запирать, покрывать" в германских языках являются лексемы, имеющие значение "защищать, охранять" (через значения "запирать, спасать, отражать"); да. weerd, word, ср.р., м.р. "Gehege am Haus, Hofplatz, Straße" (и.-е. UR-TO- , UR-TO-), др. wurth "Boden, gestampfter oder gepflasterter Platz" (= др.-инд. vr̥ti-), снн. wurt, wort, wurde, worde "erhöhter oder eingezäunter Platz, Hofstätte, Hausplatz; Garten, Feldstück, Waldmark", др.-сев. urd "Haufe oder Reihe von hinabgestürzten Felsblöcken am Fuß eines Berges" (Walde-Pok., 1930:282).

В балтийских (и славянских) языках восстанавливается архетип UR-TO- "опрокидываться, падать, превращаться" (Рок., II57): лит. vir̃sti "валиться, опрокидываться; перевернуться, перевертываться; валить (о дыме, людях и т.д.); превратиться, превращаться, претворяться", например vežimas vir̃sta "повозка опрокидывается", $\text{vir̃sti iš puovargio}$ "валиться с ног от усталости", $\text{iš kaminu vir̃sto dūmai}$ "из трубы валил дым", $\text{žmonės vir̃sta iš kino}$ "народ валит из кинотеатров", $\text{skūstis vir̃sta garu}$ "жидкость превращается в пар", $\text{svajōne vir̃sta tikrove}$ "мечта претворяется в жизнь", $\text{pašnekesys vir̃to barniū}$ "разговор обратился (превратился) в ссору", juoka iš vir̃sti "помирать со смеху" (Lyberis, 859-860).

В древнепрусском языке есть лексема wīrst 3 л.ед.ч. наст.вр. "становится". В латышском языке уже в словаре Я.Лангя

зафиксирован целый ряд лексем, которые образованы от и.-е. ^{UR}URT-: *wirst* (*währst*) "wenden", *wirstees* "sich kehren, wenden", *wirstees aukscham* "rücke hinauff", *ats-wirstees* "sich wiederkehren", *ats-wirschana no Grähkeems uhs Deewa puss* "die Bekehrung von Sünden zu Gott", *ats-wirtees* "herrühren", *no Abrahm ats-wirtuschees Judi* "von Abraham sind die Juden herkommen", *nowirst* (*nowährst*) "abwenden", *peewährst* "zu machen", *pawirstees* "sich verkehren", *Welns by Salkti paswirstijis* "der Teufel hat sich in eine Schlange verkehrt, verwandelt" (Langijs, 175).

В словаре К.Миленбаха и Я.Эндзелина приведены примеры употребления *virst* в ХХ веке: *zem manu acu viņa augusi, virtusi* "на моих глазах она росла, превращалась", *virtušā, indivīdā attīstās ... īpašības* "в превращающемся (в развивающемся индивидуиде развиваются ... свойства" *kas nuo šādām ... precībām virtis galā!* "что от такого замужества в конце будет (станет) хорошего!, *es iešu tev līdzā ...,- kas virst, virst!* "я пойду с тобой, будь что будет", *duosimies uz priekšu, lai virst kas virzdam!* "отправимся вперед, будь что будет!", *nuo ilgi zīdītiem piūšējiem virst vis lielākie sieviešu draugi* "парни, которых в детстве долго кормили грудью, превращаются потом в самых больших друзей женщин", *kur paskaties, tik pudz un virst* "куда ни глянь, везде кипит и валит", *virst ... aunaļām asinis* "кровь льется рекой", *biezas asinis virta nuo āķēluma* "густая кровь валила из разреза", *gaviles ... iz krūts man virst* "ликование вырывается у меня из груди", *tur pāri uguns strūklas virst* "там валят струи огня", *virst gar zemi* "упасть на землю", *augums pēc auguma pamazām virtin virst, kamēr izvirst pavisam* "фигура за фигурой постепенно исчезает, пока не исчезли совсем" (М.-Эндз., IY:6I4).

В современном латышском языке употребительны также два глагола, образованные при помощи приставки *iz-*: *izvirst* ²

1. "выродиться, вырождаться"; 2. "развратиться, развращаться" и *izvirst* ⁶ 1. "извергнуться - извергаться"; 2. "извергнуть - извергать" (LLYY, III:738; Latv.-kriev. I:481).

В современном литовском языке представлен глагол *išvir̃sti* 1. "вываливаться, вывалиться, повалиться, свалиться"; 2. "опрокинуться, опрокидываться; перевернуться, перевертываться"; 3. "выпучиться, выкатиться" (Lyberis, 294).

Из приведенных примеров видно, что в латышском языке глагол развил переносное значение, которое базируется на прямом значении и называет конкретное действие, связанное с изменением каких-то моральных качеств. На базе этого нового переносного значения образовалось целое словообразовательное гнездо: *izviršana* (с.-хоз.) "вырождение", *izvirtiba* "разврат, распутство", *izvirtis* "развратный, распутный", *izvirtule* "развратница, распутница", *izvirtulis* "развратник, распутник" (Latv.-kriev., I:481).

В В О Д Ы

1. Несмотря на то, что рефлексы кратких слогообразующих в германских и балтийских языках (вместе со славянскими) считаются ареальной изоглоссой, в этом вопросе есть еще много неточностей и даже неясностей, касающихся, в частности, вокализма, полученного в результате вокализации бывших слогообразующих.

2. Исследование микрогнезда и.-е. $\overset{\text{X}}{\text{UR}}\text{-T-}$ в германских языках (германские архетипы $\overset{\text{X}}{\text{WURT-}}/\overset{\text{X}}{\text{WIR-T-}}$) показало, что для германских языков можно постулировать два варианта гласных (u) и (i), причем механизм их распределения по диалектам во многом пока еще остается неясным. Можно лишь отметить, что формы с (i) имеют преимущественное распространение в ингвеонском и скандинавском ареалах.

3. В балтийских языках традиционно принимается существование двух гласных (i) и (u) в качестве рефлексов краткого слогообразующего. Однако на материале и.-е. $\overset{\text{X}}{\text{uer-}}$ "гнуть, крутить, вертеть" нам не удалось обнаружить рефлексов с гласным (u), так как имеющиеся лексемы как в латышском, так и в литовском языках, в корне которых фиксируется (u), являются поздними образованиями, по большей части звукоподражательными или заимствованиями.

4. В германских языках нами смоделированы следующие фonomорфологические варианты корня с огласовкой (i) и детерминативами, существование которых подтверждается лексемами, которые возводятся к этим фonomорфологическим вариантам: $\overset{\text{X}}{\text{wir-b-}}$, $\overset{\text{X}}{\text{wir-p-}}$, $\overset{\text{X}}{\text{wir-g-}}$, $\overset{\text{X}}{\text{wir-k-}}$, $\overset{\text{X}}{\text{wir-t-}}$, $\overset{\text{X}}{\text{wir-p-}}$.

5. В германских языках нами смоделированы также фонеморфологические варианты с огласовкой (u), в составе которых не может быть вычленен детерминатив, так как не представлены простые нераспространенные производящие основы. В германских языках в этих случаях детерминатив вошел в состав корня: *wurb-, *wurp-, *wurf-, *wurg-, *wurt-, *wurp̄.

6. В балтийских языках нами смоделированы и выявлены следующие фонеморфологические варианты корня: *vir-b-, *vir-p-, *vir-z-, *vir-t-.

7. Ареальными германо-балтийскими соответствиями являются, на наш взгляд, следующие фонеморфологические варианты:

герм.	балт.	(и.-е.)
*wir-b-	*vir-b-	*ur̄ _o -bh-
*wir-g-	*vir-z-/ž-	*ur̄ _o -gh-
*wir-p-	*vir-t-	*ur̄ _o -t-

Среди этих примеров встречаются и цельнолексемные соответствия, что является особенно ценным доказательством при исследовании ареальных отношений. Это - название веревки и процесса удушения: лит. viržys - virgti др.-сев. virgill, др. wurgil - *wurgilan. Другие соответствия: лит. arvir̄žti "стягиваться, сжиматься" - нид. werken "коробиться"; лит. vir̄sti "валиться, превращаться"; др.-пр. wīrst "становится"; лтш. wīrst "wenden", герм. *werfan (e < i) "становиться".

8. Отмеченные соответствия не встречаются в других индоевропейских языках.

Особо следует говорить о славянских соответствиях, но в славянских языках рефлексы слогообразующих и дальнейшее развитие фонеморфологической системы значительно изменило картину и сде-

ладо невозможным, по крайней мере пока, говорить об этом определенно.

9. Все смоделированные и обнаруженные в германских и балтийских языках ФМВ $\overset{\#}{\underset{\circ}{\text{UR}}}$ -Т- имеют четырехбуквенную структуру типа $\overset{\circ}{\text{UVRT}}$.

ГЛАВА III. ДВУХУРОВНЕВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОГНЕЗДА $\text{UR}-\text{T}$ "ГНУТЬ, КРУТИТЬ, ВЕРТЕТЬ" В ГЕРМАНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ КОРНЯ

§ I. Рефлексы долгого слогаобразующего плавного в германских и балтийских языках и их возможная связь с другими явлениями и процессами

"Учитывая сложность процессов, происходящих в языке, и многообразие причин, вызывающих языковые изменения, некоторые лингвисты склонны отрицать вообще наличие в этой области каких-либо закономерностей" (Серебренников, 1974:4). Однако, как известно, все же возможно выявить закономерности фонетических изменений, хотя это бывает и довольно сложно сделать. Системный подход предполагает, что "каждое изменение звуков, производящее сдвиги в фонологической системе, влечет за собой другое изменение звуков, в результате чего соответственно перестраивается и упорядочивается вся система" (Trubetzkoy, 1929:65).

Итак, опираясь на принцип полезного противопоставления (Журавлев, 1986:126), обеспечивающий существование различных фонем, входящих в коррелятивную пару и находящихся в оппозиции (в нашем случае, r и $\bar{\text{r}}$), а также имея в виду значительные расхождения в определении рефлексов кратких и долгих слогаобразующих в разных языках и наличие вследствие этого большой вариативности рефлексов, мы пришли к выводу, что рефлексы

кратких и долгих слогообразующих не могли совпасть в одной фонеме. Существующий подход к определению этих рефлексов, наметенный еще в прошлом столетии, согласно которому рефлекс кратких слогообразующих в балтийских языках отличался от рефлексов долгих только интонацией, при общем гласном (i) или (u), нами не может быть поддержан в силу того, что интонация как дифференциальный признак не может считаться достаточно надежным критерием такого противопоставления. Об этом же свидетельствуют и многочисленные факты метатонии, аттракции ударения, о которых писали, например, К.Буга, Я.Эндзелин, Э.Зинкявичюс, Д.С.Степанов, В.А.Дыбо, В.Иллич-Свитыч и др. В.А.Дыбо указывает на гипотетичность реконструкции балто-славянских акцентов (Дыбо, 1981:263). Нельзя также забывать и о том, что первые тексты на балтийских языках были записаны иностранцами в XVI веке, а первые грамматики и словари не содержали никаких указаний на интонации (ср.: Ozols, 1965; Zinkevičius, 1988).

Германские памятники письменности также не дают сведений об интонациях. Единственным исключением является деятельность Ноткера, который употреблял знаки для обозначения двух интонаций. Однако многие исследователи полагают, что Ноткер слепо следовал латинским образцам и что за знаками "циркумфлекс" и "акут" не кроются никакие реальные интонации. Впрочем, В.М.Жирмунский считает, что "точная акцентуация Ноткера является важным подспорьем при установлении долготы и краткости древневерхненемецких гласных" (Жирмунский, 1965: 113).

Отмечая всю сложность вопроса, необходимо все же подчеркнуть, что существование германских интонаций не отрицается.

Так, например, есть указания на то, что в германском различались двухморовые гласные с интонацией акута (*mit gestoßenem Ton*) и трехморовые - с интонацией циркумфлекса (*mit geschleiftem Ton*) (Dieter, 1900:1), а различие между этими интонациями сохранялось и в прагерманском (Dieter, 1900:5). Этому же мнению придерживался и К.Бругман (Brugmann, 1904:64). Вопросы германской акцентуации были предметом исследования С.Д.Кацнельсона (Кацнельсон, 1966) и В.К.Кузьменко (Кузьменко, 1991).

Если посмотреть на те рефлексy, которые постулируются для кратких и долгих слогообразующих (так как они совпали, по мнению многих ученых), то обращает на себя внимание такой факт: очень часто в качестве рефлекса дается последовательность "бывший слогообразующий + гласный" или "гласный + бывший слогообразующий". Причем в качестве гласного, появляющегося после бывшего слогообразующего, чаще всего отмечается почему-то (а), иногда (о) (Ср.: Brugmann, 1904:98, 99). Эти постулируемые рефлексy выглядят так у отдельных авторов:

	др.-инд.	др.-гр.	лат.	кельт.	герм.	балт.	слав.
Соссюр	перед согл.	<i>ap</i> <i>pa</i>	<i>ar</i> <i>ra</i>		<i>ur</i> <i>ar</i>	<i>ir</i> <i>ar</i>	<i>ri</i> <i>ri</i>
	перед гласн.	<i>ar/ur</i>	<i>ar</i> <i>or</i>		гот. <i>aür</i>	<i>ir</i>	<i>or</i>
Хирт	<i>r</i>	<i>a</i> <i>a</i>	<i>or</i> <i>ur</i>	<i>ri</i>	<i>ur</i> <i>or</i>	<i>ir</i>	<i>ri</i> <i>ri</i>
Семереньи	<i>ir</i> <i>ür</i>	<i>a</i>	<i>ra</i>	<i>ra</i>	<i>ur</i>	<i>ir</i>	<i>ir</i>
Барроу	<i>r</i> <i>o</i>	<i>a</i>	<i>or</i>		<i>ur</i>	<i>ir</i>	
СГТЯ	<i>r</i>	<i>a</i> <i>a</i>	<i>or</i>		<i>ur</i>	<i>ir</i> <i>ür</i>	<i>рь</i>
Фортуатов	<i>ir</i> <i>ur</i>	<i>a</i>	<i>a</i>		<i>ur</i>	<i>ir</i> (<i>ur</i>)	<i>рь</i>
Савченко	<i>ir</i> <i>ür</i>	<i>or,</i> <i>a a</i>	<i>ar</i> <i>ra</i>		<i>ar</i>	<i>ir</i> <i>ür</i>	<i>рь</i>
Мейе	<i>r</i> <i>o</i>	<i>ar</i> <i>pa/ar</i>	<i>ar</i> <i>or</i>	<i>ar</i>	<i>aür</i>	<i>ir, ur</i> <i>ir, ur</i>	<i>ьр, ь</i>

Из этой таблицы видно, что четкие рефлексы долгих слогообразующих даже, если они и выделяются, определить невозможно. В лучшем случае отмечается, что "возникновение долгих слоговых сонантов, как и возникновение долгих гласных, выступавших в позиции перед неслоговым "ларингальным", нужно отнести к сравнительно позднему периоду в истории развития отдельных индоевропейских диалектов. Это же проявляется и в факте неединообразного отражения вокализации долгих слоговых сонантов в отдельных диалектных группах" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:204). Эту же вариативность вокализации отмечают авторы "Сравнительной грамматики германских языков": "наряду с огласовкой *u*, обычной и распространенной в продуктивных образованиях с нулевой ступенью перед *r*, *l*, *m*, *n* + согласный, а также перед чистыми сонорными, имеется ряд форм, в которых перед сонорным гласный полностью исчез" (Гухман, 1962:259). Согласно точке зрения, представленной в этом коллективном труде, "закономерности германских чередований этого типа связаны в большинстве случаев с аналогичными явлениями варьирования корневой морфемы в других индоевропейских языках" (Гухман, 1962:259).

Эта двойкая рефлексация принимается то за метатезу плавного, то за инфикс. Так поступает, например, Е.Курилович, выделяя тип *TRET-*, в котором наличие *R* он объясняет именно таким образом (Kuruluşowicz, 1956:181).

Я.Эндзелин совершенно правильно говорил, что "общих причин всех фонетических изменений не имеется, но что в каждом конкретном случае приходится искать причины изменений" (Endzeliņs, 1974:82). Исходя из того зафиксированного многообразия рефлексов слогообразующих, о котором мы уже говорили, мы ни в

коем случае не можем допустить мысли, что рефлексы кратких и долгих слогаобразующих совпали, что эти рефлексы могут иметь двойную последовательность и при этом считаться рефлексами краткого слогаобразующего. Эта двойная рефлексация, т.е. последовательности RV и VR/R – бывший слогаобразующий, v – гласный, развившийся перед или после бывшего слогаобразующего /как раз и отражают рефлексы двух слогаобразующих, находившихся в оппозиции по признаку долготы – краткости и составлявших на этом основании коррелятивную пару. Таким образом, у нас нет основания говорить о нейтрализации рефлексов кратких и долгих слогаобразующих, ибо эта оппозиция сохраняется и косвенно продолжается в их рефлексах. Именно эта оппозиция обеспечивает позицию релевантности, т.е. позицию максимального различения (Журавлев, 1986:97).

Тщательный анализ материала позволил предположить в данном случае другой процесс, а именно: трансфонологизацию, которую мы понимаем вслед за В.К.Журавлевым, как сохранение эволюции оппозиции, но с существенным изменением оснований, на которых она была построена (Журавлев, 1986:149). И все же даже при всех изменениях физического содержания фонемы и оппозиции, в которую она входит, следует искать сохранение прежнего полезного противопоставления (Журавлев, 1986:151).

Трансфонологизироваться может не только отдельная оппозиция, но и вся корреляция, так как изменяется дифференциальный признак или заменяется фонема (Журавлев, 1986:151). Может трансфонологизироваться признак долготы в признак подъема (о:а) или признак долготы в признак интонации (Журавлев, 1986:150,151).

"Хорошим примером на трансфонологизацию дифференциальных при-

наков может послужить "переход" прежнего признака долготы прежних сонантов и первой части дифтонгов в признак интонации: акут - циркумфлекс" (Журавлев, 1986:113). Это наблюдение может иметь непосредственное отношение и к нашей паре $\check{R}/\bar{R}$, отражающей полезное противопоставление между ними по признаку долготы - краткости. Интересно в этом смысле и замечание С.Д.Кацнельсона, сделанное по поводу говора Виандена, т.е. речь идет о "живом" факте современного германского диалекта: "Вианденские примеры отличаются любопытной особенностью; в одних говорах сонант сохранился и коррепция падает на дифтонг, в других - сонант исчез и коррепция приходится на удлинённый предсонантический гласный. Можно думать, что в основе расхождения лежит былое различие узких и широких предсонантических гласных. Создается впечатление, что в словах второго типа вершина длительности перешла с сонанта на предшествующий ему гласный, вследствие чего сонант был ослаблен и исчез" (Кацнельсон, 1966:241). С.Д.Кацнельсон говорит также о "слоговом распудении" долготы плавного сонанта, имея в виду фонетический процесс, вследствие которого появлялся "вставной гласный" и вызывал тем самым полногласие, например: лимб. [hal'əf] "halbe", "половина" (Кацнельсон, 1966:293). Соглашаясь с таким механизмом "поведения" сонанта, мы полагаем, однако, что этот процесс, имевший место в конкретных немецких говорах, не связан с доисторическими трансформациями слогаобразующих, хотя несомненно может быть их отголоском.

В смысле типологии и прецедента значительным для понимания механизма изменений в системе долгих слогаобразующих может быть и такой хорошо известный и описанный процесс как выпадение в группе π + спирант и удлинение предшествующего гласного (т.е.

так называемое компенсаторное удлинение) (Гухман, 1962: 134). Этот же процесс засвидетельствован и в балтийских языках и славянских языках, ср. название гуся: германский архетип *gans-, да. gōs, англ. goose, снн. gōs, gās, др.-сев. gās, шв. gås - лит. žąsis, лтш. zuoss, слав. архетип *goser ъ (ЭССЯ, вып. 7, 1980:83; Kluge-M., 231; Pfeiffer, 501).

В данном случае, опираясь на наблюдения С.Д.Кацнельсона над живыми немецкими говорами и на факты выпадения носового в известных условиях в германских и балтийских языках, вызвавшие последующие изменения в системе гласных, можно предположить, что носовой (сонант), выпадая, "отдавал" свою энергию предыдущему слогу или гласному, удлиняя последний. Не лежит ли нечто подобное и в основе действия механизма вокализации долгого слогаобразующего, ведь об этом может сигнализировать именно двойная рефлексация (мы имеем в виду двойную последовательность в рефлексах RV и VR). Основываясь на подобном механизме действия, можно объяснить и противопоставление интонаций акут - циркумфлекс в балтийских языках, потому что по своим акустическим параметрам сонанты идут следом за гласными, причем они обладают тем же набором признаков, что и гласные. Самое существенное различие между ними возникает благодаря иной последовательности в иерархии признаков (Якобсон, Халле, 1962; Барроу, 1976). Если исходить из того, что долгота долгого гласного равна двум морам, то долгота долгого сонанта также должна быть равна двум морам. В результате вокализации долгого слогаобразующего возникает последовательность RV (этот рефлекс отмечается почти всеми исследователями, но он не связывается с рефлексом долгого слогаобразующего, хотя В.Н.Чекман считает метатезу

плавных - а в данном случае последовательность RV можно трактовать как метатезу плавного! - следствием утраты слоговыми их слогового характера (Чекман, 1979: 31). В.Н.Чекман не считает, что вопрос о причинах и механизме метатезы решен правильно и обоснованно, однако тесную связь между метатезой плавных и разрушением слогового плавного сонанта подчеркивает настоятельно (Чекман, 1979: 31, 34, 151).

Не имея возможности углубляться в сложные и спорные моменты акцентологии, мы не можем, однако, обойти их молчанием. Поэтому мы считаем нужным хотя бы сформулировать гипотезу, к которой мы пришли в результате анализа лексем, возводимых к и.-е.

* $\bar{UR}$ -г- "гнуть, крутить, вертеть". Итак, мы исходим из факта, признанного многими или почти всеми исследователями, что среди рефлексов слогаобразующего (имеется в виду краткий слогаобразующий, поскольку считается, что краткие и долгие рано совпали) выделяется и рефлекс, имеющий последовательность RV . Мы считаем, что именно этот рефлекс и отражает долгий слогаобразующий, т.е. $\bar{R} > RV$, где R - бывший слогаобразующий, а V - любой гласный, в том числе эпентетический, который в германских и балтийских языках традиционно связывают с нулевой ступенью (или ступенью редукции).

Можно предположить, что при вокализации долгого слогаобразующего могла произойти трансфонологизация признака долготы долгого слогаобразующего в признак интонации следующего слога в балтийских языках, а бывшая интонация циркумфлекса могла быть усилена двумя морями бывшего долгого слогаобразующего и могла стать интонацией акута. Ведь именно о переходе интонации циркумфлекса в интонацию акута в балтийских языках гласит закон Фортун-

натова-Соссюра. Гласный следующего за бывшим слогаобразующим слога мог быть усилен, таким образом, до трех мор, что и могло стать материальной основой для возникновения интонации акута. О существовании таких сверхдолгих гласных, длительность которых равнялась трем морам, свидетельствуют, в частности, данные древнеиндийских грамматик, согласно которым наряду с противопоставлением между краткими и долгими гласными различается также "плывущее" или "протянутое" количество гласных, которое имеет три моры и в три раза длиннее краткого гласного (Иванов, 1989:110; Елизаренкова, 1971:93,97). Трехморной была также древнейшая германская акцентуационная система (Кацнельсон, 1966:309; Кузьменко, 1991).

О переносе долготы, полученной в плавной, на гласную говорил Ф.Ф.Фортунатов, рассматривая комбинацию "а + долгая плавная" перед согласными >ор, ол и с перестановкой рω, λω [а̄рс > ор, ра]. Такую же перестановку звуков Ф.Ф.Фортунатов предполагал и для случая "а + краткая слоговая гласная" без последующей гласной > ѓр, рѓ, ѓл, л ѓ (Фортунатов, 1956:244,245). Все это наводит на мысль, что прав был А.Мартине, утверждая, что "строение органов речи таково, что чаще всего оказывается экономичным проводить фонологическое различие между наличием и отсутствием гласной" (Мартине, 1960:142), поскольку, на наш взгляд, рефлекс краткого слогаобразующего развил перед бывшим слогаобразующим энцететический гласный, а рефлекс долгого слогаобразующего "остался" без гласного перед бывшим слогаобразующим.

Возможно, Л.Г.Герценберг имеет в виду то же самое, когда говорит: "Несомненно, важнейшим итогом развития индоевропейской

акцентологии является установление связи единиц супraseгментного уровня с единицами других уровней, которую можно толковать как мутации признаков, как превращение признаков фонем в признаки просодические и наоборот" (Герценберг, 1989:31).

Принимая во внимание все вышеизложенное, мы пришли к выводу, что на материале и.-е. $\text{UR}^{\circ}\text{-T-}$ в германских языках могут быть смоделированы следующие фonomорфологические варианты корня (общая схема = WR + гласный + детерминатив): WRE-T-, где E - любой гласный, T - детерминатив. Тогда можно предположить такие модели $\text{UR}^{\circ}\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть" в германских языках: WRab- , WReb- , WRib- , WRub- и т.д.

Мы не исключаем, что в результате вокализации долгого слогаобразующего в германских языках могло произойти перемещение ударения на корневой слог. Подобные рассуждения встречаются еще у Ф.Дитера, который писал, что существует зависимость появления гласного после бывшего слогаобразующего от места ударения в слове, которое перетягивалось на этот слог (Dieter, 1900:8).

Для балтийских языков, принимая во внимание действие закона Лидена, согласно которому начальное *v* отпадает перед *r* и *l* в балтийских языках, можно смоделировать такие фonomорфологические варианты $\text{UR}^{\circ}\text{-T-}$ (общая схема та же, что и для германских языков: UR + любой гласный + детерминатив), но с учетом отпадения начального *v* и получаются следующие модели: rab- , reb- , rib- и т.д.

Э.Лиден сформулировал свой закон в 1899 г. на материале балтийских и отдельно - славянских языков (Liden, 1899), однако никакого объяснения этим превращениям Э.Лиден не дал. С позиций современного языкознания закономерно возникает вопрос: отражает

этот закон регулярные, объяснимые изменения или же исключение из каких-то других процессов? Кажется, всерьез этим законом пока еще никто не занимался, хотя о нем знают и на него ссылаются (Brugmann, 1904; Petsson, 1912; Endzelins, 1974:261; Иллич-Свитыч, 1963:25; Семереньи, 1980 и др.). Но в последних исследованиях балтистов нет даже упоминания Э.Лидена и его закона (ср.: Zinkevičius, 1988).

Относительно хронологии этого явления нет единого мнения. Одни, как Г.Шевелов удревняют, на наш взгляд, датируя отпадение начального ц в балтийских и славянских языках 2000–1500 г. до н.э. (Shevelov, 1964:197). Другие же вовсе называют закон Лидена "простым предубеждением" (Иллич-Свитыч, 1963:24) или не могут сказать ничего определенного по этому поводу, как Я.Эндзелин (Endzelins, 1974:261).

Итак, на основе современного подхода можно констатировать упрощение сочетаний цг и цл в анлаутной позиции и его упрощение в результате потери начального ц. "Упрощение групп согласных представляет вполне естественное явление, поскольку они создают участок напряжения" (Серебренников, 1974:119). Наблюдения показали, что в истории самых различных языков довольно ярко проявляются тенденции к упрощению групп согласных (Серебренников, 1974:119), а w в начальной позиции вообще является весьма неустойчивой фонемой. "Слабоартикулируемые звуки, по-видимому, во всех языках мира обнаруживают тенденцию к исчезновению. Из области согласных звуков наиболее слабо артикулируемыми являются ц, ɨ, h" (Серебренников, 1974:92). Для германских языков эти звуки тоже являются слабо артикулируемыми, ср. отпадение начального h в сочетаниях hg-, hw-, hl-, например: герм.

hring- , двн. (h)ring, дс. hring, да. hring, англ. ring.

"В отдельных германских языках наблюдаются разного рода случаи вокализации w и j , а также их потери. В начале слова j и w сохраняются в общегерманском, затем в отдельных диалектах подвергаются изменениям, ср.: ... начальное w , хорошо сохранившееся в готском, в скандинавском (перед сонантами r, l и лабиализованными гласными заднего ряда) и в западногерманском (перед сонантами r, l) постепенно исчезало. Ср.: гот. *wulfs*, и.-е. $\text{ulq}^{\text{u}}\text{os}$, двн. *wolf*, да. *wulf*, но др.-сев. *ulfr* "волк"; в рунической надписи на камне в Истабу, датируемой приблизительно первой половиной VI века, *waritu*; ср. гот. *wlaitōn* "высматривать", да. *wlätian* "пристально смотреть", ди. *lita*. Неустойчивым был сонант w в западногерманском и скандинавском после некоторых согласных, а также в ряде случаев и после долгого слога; ср.: да. *hwōsta*, двн. *huosto*, ди. *hōsti* "кашель" (СГТЯ, 1962:61).

Б.А.Серебрянников, не говоря о законе Лидена, подчеркивает, что неслоговое u , а также билабиальное w исторически довольно неустойчиво (Серебрянников, 1974:96).

В.Я.Плоткин считает устранение (w), (j) из определенных позиций в начале слова перед гласным свидетельством происшедшей перестройки в тембровой оппозиции (Плоткин, 1982:80). При этом (w) выпал перед лабиализованными (u), (o), а (j) выпал во всех четырех известных скандинавских словах, где он занимал начальную позицию (ср. гот. *jer*, *juk*, *juggs*, фин. заимствованное *juusto*, ди. *ár*, *ok*, *ungr*, *ostr*). "Подобное поведение (w), (j) очень характерно для языков с единственной тембровой оппозицией лабиализации, потому что звучание (w) близко антропофонической реа-

лизации ее положительной кинаемы, а (j) по звучанию сближается с перепалатализацией, которая, будучи антропофонически контрарна лабиализации, выступает в таких языках как типичное антропофоническое свойство нелабиализованных гласных" (Плоткин, 1982:81). Под кинаемами В.Я.Плоткин понимает мельчайшие фонологические единицы, обеспечивающие иннервационный механизм антропофонической артикуляционно-перцептивной деятельности, а совокупность кинаем, функционирующих в каждом отдельном языке, представляет собой парадигматическую систему. Кинаемы являются первой по рангу фонемой и делятся в зависимости от функционального, субстантного и структурного планов на категории (Плоткин, 1982:12-13).

Итак, показания германских языков свидетельствуют, что в большинстве германских языков начальные сочетания wr , wl сохранились. Особенно это характерно для нижненемецких диалектов, для некоторых скандинавских языков, т.е. прежде всего для ингвеонского ареала. Как тут не вспомнить, что именно ингвеонский ареал сохранил самые надежные свидетельства архаичности германской фонологической системы (Markey, 1986: 405).

Что касается второго компонента в сочетании wr или wl , то плавные и носовые во всех языках отличаются относительно большой устойчивостью по сравнению со всеми другими типами согласных (Серебренников, 1974:156). В.К.Журавлев отмечает не только весьма высокую устойчивость (r), но и его значительные физиолого-акустические отличия от других согласных, что предохраняет его от ассимилирующего воздействия других согласных (Журавлев, 1986:115).

Итак, можно сделать общий вывод: в анлауте часто возможны

изменения в группах согласных, если в этих сочетаниях выступают u, i, или h. O. Семереньи рассматривает некоторые случаи исчезновения согласного в анлауте как фонеморфологическую альтернативу, причисляя эти случаи к чередованиям согласных, например, корни с *S-mobile* и без *S-mobile*, чередование *w*: нуль в начале слова; в некоторых случаях наблюдается чередование начального смычного с нулем (Семереньи, 1980:108-110).

Интересной и продуктивной нам показалась мысль O. Семереньи о возможности причислить случаи типа лат. *plēnia* к двусложным корням, имеющим структуру $C\bar{R}_2$; в первом слове такого образования всегда будет представлена нулевая ступень, тогда как во втором слове может быть любой гласный (Семереньи, 1980:105-106). O. Семереньи, считая корень типа $C\bar{R}_2$ наряду с типом ${}^{\#}CeR_2$ формами двусложного корня ${}^{\#}CeR_2$ приравнивает их к индийским корням *vet*, в которых *i* является шва (Семереньи, 1980:104-105). На наш взгляд, структура $C\bar{R}_2$ отражает именно рефлекс долгого слогаобразующего, так как является последовательностью *VR*. Если представить себе, что этот корень имеет детерминатив, то в таком случае этот двусложный корень примет вид *CRET-* или в более распространенной транскрипции Е. Куриловича *TRET-* (Kurjłowicz, 1956).

Исходя из нашего вывода о том, что рефлекс кратких и долгих слогаобразующих были разными, попытаемся изобразить предполагаемые структуры при помощи символов: *T* - любой согласный, *R* - плавный согласный (или вообще сонант), *E* - любой гласный, кроме *i*, *u*, гласные *I*, *U*. Для германских языков мы получим структуру, содержащую рефлекс краткого слогаобразующего в виде *TURT-/TIRT-*, а с рефлексом долгого слогаобразующего - структура *TRET* (где *E* - любой гласный, в том числе и *i*, *u*).

Для балтийских языков с учетом рефлексом краткого слогаобразующего мы получаем структуру TIRT-/TURT-, а с рефлексом долгого - TRET-, где E - любой гласный, в том числе i и u.

Как видно, структура корня, отражающего рефлекс долгого слогаобразующего в германских и балтийских языках, абсолютно идентична. Сравнивая эту структуру с известным состоянием I и состояние II индоевропейского корня по Э.Бенвенисту, напрашивается вывод и об их идентичности со структурой, содержащей рефлекс долгого слогаобразующего в германских и балтийских языках. Это же совпадение отмечает и М.М.Гухман, рассматривая особенности оформления нулевой ступени чередования в германских языках в корнях типа TRET/TERT, т.е. в "тяжелых корнях": "Несомненно, в большинстве случаев данный тип чередований в германских языках отражает закономерности, обусловленные поведением индоевропейского корня в разных сочетаниях корневой и аффиксальной морфем: структура аффиксальной морфемы, ее звуковой состав определяли огласовку корня. Фактически с этим связаны и разновидности первой и второй основ в теории индоевропейского корня, изложенной Э.Бенвенистом,..." (СГЯ, 1962: 260-261).

На необходимость четкого различения состояния I и состояния II указывают и этимологи, считая, что для этимологических исследований в этом кроются известные и немалые резервы (Варбот, 1963:210).

Поскольку факт существования состояния I и состояния II в общеиндоевропейском признан, хотя не всегда оба эти состояния представлены одновременно, реальным становится предположение о том, что рефлекс долгого слогаобразующего был общим для

всех индоевропейских языков и вокализировался, скорее всего, еще в общеиндоевропейский период. Более конкретно указать на время протекания этого явления вряд ли возможно, но, принимая во внимание то, что результаты вокализации долгого слогаобразующего не были абсолютно одинаковыми для всех индоевропейских языков (ср. возможную связь между становлением новой акцентной парадигмы в балтийских языках, выраженной законом Фортунатова-Соссюра, и возможная связь со становлением нового наосновного германского ударения), можно с известной долей уверенности предположить, что вокализация долгого слогаобразующего могла иметь место накануне распада индоевропейской языковой общности. Этот процесс был несомненно очень древним.

Анализируя структуру типа TRET-, аналогичную структуре URET-, бросается в глаза необычайное сходство с корнями, в которых представлен вторичный аблаут (Schwebeablaut), метатеза, а также, возможно, R - инфикс.

Необычайное сходство и даже полное совпадение этих структур заставляет задуматься о том, не идет ли речь об единой структуре, которая в силу каких-то причин была переосмыслена как ряд омонимичных форм. Ничто не стоит на пути такого предположения.

Корни типа TRET- причисляются германистами к "тяжелым корням" (Kurylowicz, 1956; СГТЯ, 1962). О.Семереньи рассматривает их как двусложные базы, имеющие две ступени аблаута (Семереньи, 1980:105). Таким образом, корень типа TRET- имеет структуру H_1H_2 или в случае, например, $^{\#}gn̄$ - H_1H_2 (Семереньи, 1980:105). (H - нулевая, H - полная ступень).

Для микрогнезда $^{\#}UR̄-T-$ "гнуть, крутить, вертеть" в гер-

манских языках нами восстанавливается архетип wREt , где E - любой гласный, а структуру корня можно представить в таком случае как N_1N_2 или N_1N_2 , если во второй части представлен гласный i или u. (Хотя мы бы скорее назвали эту ступень ступенью редукции, а не нулевой ступенью).

Как известно, во многих германских языках начальное w отпало, но его присутствие в ингвеонских диалектах зафиксировано в памятниках.

Для балтийских языков можно восстановить архетип vRE-t- , который вследствие потери начального v предстает в виде RE-t- . В данном случае мы имеем дело с опрощением, деэтимологизацией, поскольку в таком виде связь лексемы с корнем UER- "гнуть, крутить, вертеть" уже не ощущается, а возведение лексем, начинающихся с r к соответствующему корню крайне затруднено. В таком случае неоценимую помощь могут оказать именно германские языки, в которых это начальное w хорошо сохранилось в ингвеонских диалектах.

Таким образом, в балтийских языках представлена не полная, а усеченная структура N_1N_2 или N_1N_2 имея в виду, что N_1 представлена только своей второй частью R.

Однако для всех других анлаутов, на наш взгляд, эта структура имеет силу, ср.:

и.-е.	bher-	bhor-	bhr-	bh_r-
гот.	baigan	barn	gabaurps	briggan
	"носить"	"дитя"	"рождение"	"приносить"
лтш.	bert	barstit	birt	briest
	"сыпать"	"рассыпать"	"сыпаться"	"набухать"
			burt	brenderkermpen
			"колдовать"	"беременная"
				(др.-пр.)

Анализируя схематическое изображение корней, содержащих рефлексы кратких и долгих слогообразующих в германских и балтийских языках, возникает неотложная потребность рассмотреть эти структуры в связи со слабой ступенью аблаута, к которой относятся нулевая и редуцированная ступени аблаута. В научный обиход эти понятия были введены Г.Гюнтертом и Г.Хиртом, которые развили дальше идею Ф.Ф.Фортунатова об иррациональных гласных (Савченко, 1974:146). Г.Хирт считал, что следует различать две разновидности слабой ступени аблаута — нулевую и ступень редукции (Hirt, 1921:3). Особо важной Г.Хирт считал дифференциацию между нулевой ступенью долгого гласного и ступенью редукции краткого гласного, т.е. между шва примум и шва секундум (Hirt, 1921:19). Многие ученые считают сомнительными или явно устаревшими, неправильными положения теории Г.Хирта, на основе которых он выделял ступень редукции в качестве самостоятельной, придавая ей особое значение (Венцкоте, 1971: 27).

Однако этот вопрос совсем не так прост, и сложность его осознается многими, так как слабая ступень у разных корней в разных языках оформлена по-разному, причем неясными остаются как условия, так и колебания в ее оформлении; кроме того, первоначальные отношения в немалой степени затемнены позднейшими наслоениями, а также дискуссионностью теории индоевропейских редуцированных. Наконец, нечетким является и само выделение нулевой ступени и ступени редукции в пределах слабой ступени. Все это и обусловило, по мнению М.М.Гухман, существование разных точек зрения по данному вопросу (Гухман, 1962:231).

Соглашаясь с тем, что в отношении общеиндоевропейского

едва ли возможно провести резкую границу между нулевой ступенью и ступенью редукции, Е.Прокош все же считает, что "среди отдельных индоевропейских языков аналогия и изменения в манере речи способствовали как будто бы унификации их употребления" (Прокош, 1954:123).

Нулевую ступень аблаута связывают с полным исчезновением гласного, а ступень редукции - с его редукцией (Гухман, 1962:236; Гамкрелидзе, Иванов, 1984:162). За германскими языками признается такая специфическая особенность как параллельное существование "нормальной" нулевой ступени типа гот. *kun-i* и нулевой ступени без *u* типа гот. *kn-ōfs^z*, что обусловлено особенностями оформления этой ступени чередования в германских языках (Гухман, 1962:260-261).

Мы не можем согласиться с такой трактовкой специфики оформления слабой ступени в германских языках. Во-первых, гот. *kun-i* мы расцениваем как ступень редукции, так как гласный не исчез полностью, но только редуцировался. Случай же гот. *knōfs^z* мы расцениваем как нулевую ступень, так как гласный исчез полностью. Несколько раньше мы высказали мысль, что рефлекс долгого слогаобразующего, дающий во всех индоевропейских языках структурный тип *TRET-*, вокализовался еще в период индоевропейской общности, потому что совпадает во всех индоевропейских языках. Поэтому случай гот. *knōfs^z* никак не может быть германской особенностью. Другое дело тип гот. *kun-i*. Здесь, действительно, представлена германская особенность в виде энететического *u*, развившегося в результате вокализации *R*. Как мы помним, для германских языков принимается двойкий рефлекс

$\tilde{R}:uR/iR$, как и для балтийских языков, только в другой после-

довательности: $\check{r} > iR/uR$. Поэтому мы полностью согласны с Г.Хиртом, и Е.Куриловичем, считавшими, что нулевая ступень и ступень редукции принадлежат к разным хронологическим срезам (Hirt, 1921:78), а Е.Курилович полагал, что нулевая ступень является более древней (Kuryłowicz, 1956:9).

Не можем мы также согласиться с утверждением Г.Гюнтерта о невозможности разграничения между нулевой ступенью и ступенью редукции в двусложных базах (Güntert, 1916:100-101).

Как показывают наблюдения О.Семереньи, тип TRET- соответствует двусложным базам (Семереньи, 1980:105), а первая часть, на наш взгляд, отражает нулевую ступень TR- являющуюся результатом вокализации $\check{r}$ и его последующей трансфонологизации.

Относительно гласного, развивающегося в корнях с сонорными у, w, r, l, m, n в ступени редукции можно сказать, что это был редуцированный звук, являвшийся своего рода опорой сонорных в соседстве с шумными (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:162), анаптическим звуком (Соссюр, 1977:309).

Однако шире распространено сегодня другое мнение, согласно которому незачем различать нулевую ступень и ступень редукции; эта неупорядоченность употребления терминов закрепилась, и во многих работах исследователи употребляют оба термина как синонимы (Савченко, 1974:146; Мельничук, 1968:203).

Некоторыми исследователями подчеркивается большая важность изучения вопроса об относительной хронологии живых и продуктивных отношений основы I и основы II (Варбот, 1963:210). Как мы выяснили ранее, структурный тип, представленный состоянием II по Э.Бенвенисту, полностью идентичен типу TRET-, кото-

рый содержит, на наш взгляд, рефлекс долгого слогаобразующего. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Т.Гамкрелидзе и Вяч. Вс.Иванова, согласно которому форма с нулевой степенью огласовки выступает как нейтрализация состояний I и II, так как в ней якобы фактически нейтрализуется противопоставление состояний I и II в формах полной степени, ибо форма с нулевой огласовкой может быть по существу нулевым морфологическим вариантом как состояния I основы, так и состояния II (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:240).

Рассматривая в качестве примера сопряженные основы

<u>Тип А</u> $\text{ʒ}_p \text{ }^h \text{ erk }^h$		<u>и Тип В</u> $\text{ʒ}_p \text{ }^h \text{ rek }^h$
лит. <i>peršù</i>	"сватаюсь"	др.-инд. <i>praśná-</i>
двн. <i>fergōn</i>	"просить"	авест. <i>fraǰna</i> "вопрос"
умбр. <i>persnimu</i>		лат. <i>precor</i> "прошу"
арм. <i>pešay</i>	"искатель"	гот. <i>frainnan</i> "спрашивать"
	"истец"	лит. <i>prašau</i> "требую"
		ст.-сл. <i>prosi</i>
		тох. А <i>prak-</i> , тох. В <i>prek-</i>
		"спрашивать"

Вяч.Вс.Иванов и Т.Гамкрелидзе считают возможным с достаточной уверенностью оба аблаутных типа этого корня постулировать для общеиндоевропейского, объединяя их в единую парадигму. "Нулевые формы в др.-инд. *praśnati* "спрашивает", лат. *proscō* < $\text{ʒ}_p \text{ }^h \text{ proscō}$, двн. *forścōn*, лит. *piršti* могут быть выведены теоретически как из типа А, так и из типа В данного корня" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:237). ~~Видно, что~~ Можно согласиться с существованием обоих типов А и В в общеиндоевропейском, но признать, что нулевая степень может быть выведена как из типа А, так и из типа В, мы не можем ни в коем случае. Во-первых,

в приведенных формах, судя по др.-инд. *pr̥schāti* а также по германским и балтийским примерам, представлены рефлексy $\bar{r}$, которые, вокализуясь, дают ступень редукции, ибо гласный в ней не исчезает полностью. А нулевая ступень с полностью исчезнувшим гласным представлена типом В. Так что никаких противоречий мы здесь не видим. К приведенным примерам мы хотели бы присоединить также некоторые факты латышского языка: *pirkt* "покупать" (с рефлексом краткого слогаобразующего), ср.герм. архетип $\text{*}foracōn$ с рефлексом $\bar{r} > UR$ от, гресе "товар", *pr̥cēt(ies)* "жениться" (с рефлексом $\bar{r} > rE$), ср.герм. архетип $\text{*}frahnan$ "спрашивать" (M.-Erdz., III:224, 384; Kluge-M., 213, 214).

Считается, что в отдельных индоевропейских языках в большинстве случаев, как правило, сохраняется только одна из двух возможных ступеней огласовки — нормальная или нулевая — в результате разрушения первичных парадигматических чередований и распространения на всю парадигму в историческую эпоху одной из чередующих форм (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:223). Возможно, так это и было, однако даже беглое знакомство со словарным запасом германских и балтийских языков заставляет засомневаться в таком утверждении, ибо состояние II, по крайней мере, представлено весьма широко наряду с состоянием I.

В распознавании ступени редукции действительно существуют немалые трудности, так как она может восходить либо к полной ступени с дифтонгом, либо к ступени с долгими *i* и *u*, либо быть результатом вокализации краткого слогаобразующего (Мельничук, 1968:215; Прокош, 1954:100). Очевидно, в таком случае следует как можно шире привлекать данные из других родственных индоевропейских языков.

Анализируемый материал позволил сделать еще одно наблюдение

ние, связанное со структурой TRET-, касающееся поразительной его идентичности состоянию II по Э.Бенвенисту. На это сходство указывают, в частности, О.Семереньи, Т.Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Речь идет о так называемом вторичном аблауте (Schwebeablaut). "Чередования типа *ters-/tres- (например, лат. terreo "я устрашаю": гр. ἔ-τροβ-βελυ "они испугались"), называемые перестановочным аблаутом (Schwebeablaut), восходят в принципе к двусложным основам типа *ter-es-, которые в зависимости от места ударения давали *té-r-s- соотв. *tr-és-. В некоторых случаях (например, при среднем R) могла, по-видимому, происходить метатеза, то есть *terp- могло переходить в *trerp-" (Семереньи, 1980:150).

Т.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов выявили, что "при сопоставлении корневых структур с Schwebeablaut'ом и проанализированных выше структур основ в первом и втором состояниях, чередующихся по схеме Бенвениста, явственно обнаруживается морфологическая идентичность схемы аблаутных чередований. Основное различие между двумя этими группами форм выражается в разложимости или неразложимости отрезка, в котором осуществляется аблаутное чередование гласных. Однако такое различие сводится целиком к морфологии и не значимо с точки зрения механизма морфонологических чередований. С точки зрения морфонологического поведения основы разложимость или неразложимость отрезка на морфемы не имеет функционального значения. Аблаутное поведение этого отрезка остается одним и тем же как в первом, так и во втором случае. При рассмотрении корневой и суффиксальной морфем как единого целого в пределах основы в первой группе форм или при толковании синхронно нечленяемой основы во вто-

рой группе форм как последовательностей корней и суффикса обе синхронно различающиеся группы можно свести друг к другу" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:237).

На наш взгляд, исключение форм, в которых присутствуют Состояние I и Состояние II по Э.Бенвенисту, из сферы действия морфонологии, лишает нас возможности понять до конца и осмыслить сам механизм "получения" этих состояний основ. В первую очередь это касается Состояния II, в котором, по нашему мнению, присутствует рефлекс долгого слогаобразующего, отражающийся в виде нулевой ступени чередования. А аблаут, как известно, является фonomорфологической альтернативой. Таким образом, мы не поддерживаем точку зрения Т.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, согласно которой теоретически обе эти структуры (Состояние I и Состояние II) могут быть сведены друг к другу, а все неразложимые основы второй структурной группы можно представить как результат преобразования морфемных последовательностей корня и суффикса в двух аблаутных состояниях (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:238).

Рассматривая структуру морфем с вторичным, или перестановочным аблаутом, Т.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов пришли к выводу, что "конечные элементы корней с Schwebelablautом - это фактически те же древние суффиксальные морфемы, слившиеся в дальнейшем с корнем и образовавшие тем самым новый структурный тип корневой морфемы "трехконсонантного" состава. Иными словами, структура $\acute{c}vsc\acute{-}/\acute{c}sv\acute{c}\acute{-}$ представляет собой результат преобразования структур $\acute{c}us\acute{-}c$ (Состояние I) и $\acute{c}s\acute{-}vc\acute{-}$ (Состояние II) путем слияния суффиксального элемента с корнем" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:238).

Несколько раньше мы уже ссылались на О.Семереньи, считаю-

щего, что в формах с вторичным аблаутом может выступать и метатеза плавного. Такое же мнение представлено и в "Сравнительной грамматике германских языков", причем отмечается, что метатеза была распространена преимущественно в ингвеонских диалектах и что она была связана с другими особенностями поведения корней данного типа (Гухман, 1962:263; Жлуктенко, 1984:16, 17).

В.М.Жирмунский считал, что метатеза плавного в германских языках - явление древнее, но пока недостаточно изученное, так как не получило до сих пор удовлетворительного объяснения. Сам В.М.Жирмунский объяснял это явление тем, что между сонорным и шумным возникал переходный гласный, перетянувший затем на себя ударение (Жирмунский, 1976:350). Исследователи отмечают также, что в огромном большинстве случаев метатеза звуков *l, r, m, n, i, u* возникает в результате двусложного чередования, но в германских языках они не получили грамматической функции (Прокош, 1954:129).

Есть и такое мнение, представленное в монографии Г.Карстина, что *R* является инфиксом. Так, Г.Карстин рассматривает лексемы нем. *würgen* "душить" и *wringen* "выкручивать" как производные от одного и того же корня и.-е. **uer-* "гнуть, крутить, вертеть", считая, что *wringen* присутствует инфикс *R* (Karstien, 1971:34).

Подводя некоторые предварительные итоги, можно сказать: "Внутренняя реконструкция древнейших типов индоевропейских основ с чередующимися двумя аблаутными состояниями в результате диахронического истолкования неразложимых индоевропейских основ с *Schwebeablaut*'ом и установления структурных типов, им

предшествующих, дает довольно единообразную картину структурного построения последовательностей морфем в общеиндоевропейском языке раннего периода с аблаутными состояниями, распределяемыми по схеме Бенвениста" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:239). Квалифицируя схему Э.Бенвениста как вневременную модель описания индоевропейской структуры морфем и механизма их синтагматических сочетаний, Т.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов считают, что она не может быть опровергнута ссылками на хронологическую несоотнесенность ее с каким-нибудь из периодов в развитии общеиндоевропейского языка. "Тем не менее можно утверждать, что в развитии общеиндоевропейского языка существовал период с преобладанием механизма чередований, частично описываемого схемой Бенвениста. Такой период предполагается нами как период истории общеиндоевропейского языка, предшествовавший образованию нечленных основ с *Schwebelablaut*'ом" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:240).

Из проблем, касающихся, по нашему мнению, рефлексов долгих слогаобразующих, осталось коснуться еще индоевропейских иррациональных гласных звуков, открытых Ф.Ф.Фортунатовым, известных в компаративистике как *шва примум* и *шва секундум*. (Güntert, 1916).

Ф.де Соссюр по праву считал вопрос о редуцированных, характерных для нулевой ступени аблаута, одним из стержневых в теории вокалических чередований (СГТЯ, 1962:232). Не имея возможности вдаваться в подробности, мы остановимся на некоторых ключевых моментах этой проблемы, имеющих непосредственное отношение к нашим исследованиям.

Существует такое мнение, что *шва примум* в виде его реф-

лексов налицо во всех индоевропейских диалектах, и, следовательно, реконструируется для общеиндоевропейской эпохи. Шва секундум, или шва Гюнтерта, более позднего происхождения, характерно для отдельных поздних индоевропейских диалектов. Оно как явление типологически аналогично древнему редуцированному гласному (шва примум) и возникает для преодоления определенных комплексом, нехарактерных для отдельных диалектов индоевропейского языка" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984:153-154).

Шва примум представляет собой редуцированную, или нулевую ступень долгих гласных, а шва секундум - редуцированную ступень кратких. "Фактов для такого суждения, однако, недостаточно" (Семереньи, 1980:50-51,127).

В.Р.Шмальштиг отрицает наличие шва индогерманикум (или ларингального) в так называемых долгих сонантах в балтославянском и индо-иранском, считая, что в примерах, приведенных, в частности, А.Мейе и А.Тумба, Р.Хаушильдом, никогда не было шва или ларингала, и что в данном случае речь идет о самом раннем реконструированном индоевропейском состоянии, отражающемся в акцентных характеристиках так называемого долгого сонанта (Schmalstieg, 1973:7).

Совершенным противником шва был Т.Барроу: "В сравнительных словарях это $\varnothing$, так опрометчиво постулированное, выступает в индоевропейских реконструкциях в необычайном изобилии, главным образом в так называемых двуслоговых корнях. Санскритское i , когда оно стоит после таких корней, также относится к суффиксу, и H , составлявшее конечный элемент корня, опускается ($taritum$ $\rightarrow$ $tarH-itum$). ...Кроме того, некоторые ученые ввели еще второе шва, которое, как предполагалось, представляло

редуцированную форму кратких гласных. В результате теория алофонии, которая, как мы увидим ниже, в действительности до крайности проста, стала чрезвычайно сложной. С открытием хеттского $\underset{h}{\text{h}}$, повлекшим за собой популярность "ларингальной теории", основные принципы старой теории были перенесены на новую. Индоевропейское Н было отождествлено со старым шва (ə) и стало считаться, что все разновидности Н могут функционировать, подобно плавным и носовым, и как гласные, и как согласные... Нечего и говорить, что возражения против "шва" в старой версии этой теории остаются в силе и по отношению к новой версии: нет убедительных доказательств того, что Н в любой из его разновидностей могло функционировать как гласный, и оно, конечно, никогда не могло передаваться в санскрите звуком і" (Барроу, 1976:101).

В последнее время стало утверждаться мнение, что следует говорить не о ларингальных, а о ларингальности. "Саму ларингальность достаточно рассматривать как дифференциальный признак, меризм. Такая трактовка ларингальности вытекает, в частности, из просодической теории Ф.Ф.Фортунатова в интерпретации С.Д.Кацнельсона: к краткой ступени $\tilde{L}$ (L – любой сонант и, возможно, любой согласный), в качестве полной ступени ими принимается $\overset{\sim}{EL}$, а не $\overset{\sim}{EL}\text{ə}$. Эта реконструкция опирается не на индоиранские и древнегреческие данные, а на материалы балтославянских языков. Она отменяет формулу $\tilde{L} < \tilde{L}\text{ə}$, schwa indogermanicum оказывается ареально ограниченным явлением эпентетического характера" (Герценберг, 1989:31).

Л.Г.Герценберг считает, что большинство эффектов, объясняемых с помощью ларингальной теории, в том числе и слоговые

акценты, могут быть приписаны воздействию просодического признака ларингальности или фарингализации, близкого к толчку (Герценберг, 1989:31).

Этот вывод позволяет нам приблизиться к последнему вопросу, который, как нам кажется, связан с рефлексамии долгого слогаобразующего в балтийских языках, хотя мы ни в коей мере не претендуем на полноту и глубину изложения всей большой проблемы, являющейся объектом самого пристального внимания ученых, специально занимающихся проблемами акцентологии. Мы подчеркиваем еще раз, что необходимость затронуть вопросы акцентологии вытекает из анализа лексического материала, что это делается в силу действия комплексного подхода к исследованию фонеморфологических явлений и альтернатив, так как обойти этот факт молчанием не представляется возможным.

Как отмечается многими исследователями, сложная проблема интонационных противопоставлений в балтийских (и славянских) языках имеет две стороны: общетеоретическую (функции интонации, ее фонологическая значимость) и генетическую (происхождение и исторические судьбы) (Журавлев, Авксентьева, 1972:233-242). Представляется, что вторая сторона этого вопроса может быть связана с вокализацией долгого слогаобразующего, так как, во-первых, уже сложилось понимание балто-(славянских) интонаций как результата фонетико-морфологических процессов, а во-вторых, обязательной материальной базой для интонации являются долгие слогиносители (Журавлев, Авксентьева, 1972:234-235). Опираясь на эти современные положения, можно по-новому взглянуть и на учение Ф.Ф.Фортунатова, согласно которому "в праязыке различались слоги-морфемы, закрытые долгим сонантом или согласным, и слоги-морфемы, не имевшие подобной долгой финали. Долгота мог-

ла переходить и на слогаобразующий гласный; она сохранялась во всех чередовательных ступенях; иначе говоря, эта долгота характеризовала слог в целом, была супрасегментной. В балто-славянских языках данное просодическое свойство отражается как акут, в древнеиндийском и в древнегреческом его проявлением при сонантах являлось *Schwa indogermanicum*" (Герценберг, 1981:39).

Итак, Ф.Ф.Фортунатов показал, что долгота слогаобразующего сонанта могла отражаться в балто-славянских языках как акутовая интонация. Не будем вдаваться в историю вопроса, однако отметим, что заслуга в реконструкции древнейших балтийских акцентных парадигм принадлежит Ф.де Соссюру, восстановившему две одновременные системы. "Вторая система характеризовалась зависимостью между ударением и слоговой интонацией (Соссюр, 1977: 620). Закон, открытый впоследствии не зависимо друг от друга двумя выдающимися лингвистами получил название "закон Фортунатова-Соссюра", и отражает новое качество литовской (вероятно, прабалтийской) интонации. Как отмечает Л.Г.Герценберг, этот закон ознаменовал собой рождение двух направлений современной индоевропейской акцентологии и просодики: ларингалистическое и просодическое (Герценберг, 1981:39). На наш взгляд, это признание подтверждает несомненную связь рассмотренных нами ниже явлений с судьбой долгих слогаобразующих, поскольку и другие исследователи не разрывают рассмотрение ларингальных или ларингальности, шва и слогаобразующих в одном контексте.

Резюмируя, можно сказать, опираясь на опыт и достижения предшественников, что мы пришли к выводу: в известный период, скорее всего накануне распада общеиндоевропейской языковой общности, произошла вокализация долгих слогаобразующих, которая

отразилась в индоевропейских языках в виде рефлекса, принявшего вид последовательности из бывшего слогообразующего и любого гласного, так как перед бывшим слогообразующим никакого звука не образовалось. В балтийских языках долгий слогообразующий, трансфонологизируясь, мог отдавать свою долготу следующему слогу, усиливая его материально и создавая тем самым условия для появления интонации акута, являющейся маркированным членом бинарной оппозиции. Такой вывод находится в некотором противоречии с выводом, сделанным Ф.Ф.Фортунатовым, согласно которому рефлексом краткого слогообразующего в балтийских языках являются отрезки $i\tilde{r}$ и $u\tilde{r}$ (с интонацией циркумфлекса), а рефлексом долгого слогообразующего — отрезки $i\acute{r}$, $u\acute{r}$ (с интонацией акута). Однако сам Ф.Ф.Фортунатов указывал на то, что очень часто рефлексы слогообразующих принимали вид отрезков, отражающих последовательность, например, в др.-гр. ar , pa и т.д. (Фортунатов, 1956:238–254).

Могла ли сказаться вокализация долгих слогообразующих на интонационной системе германских языков? Ответить на этот вопрос весьма непросто. С.Д.Кацнельсон, изучавший германские акцентуационные системы, не рассматривал возможную роль долгих слогообразующих в становлении германских акцентуационных систем. Нам показался примечательным факт совпадения рефлексов кратких и долгих слогообразующих в германских языках в пределах одного — корневого — слога. Может, именно с этим феноменом и связано возникновение основного ударения в германских языках? Во всяком случае, эта проблема требует самого пристального изучения.

Очень важным кажется нам общий вывод С.Д.Кацнельсона от-

носителем германской акцентуационной системы: "Этимологическая дистрибуция акцентов, обусловленная структурой индоевропейского корня, в германском была замещена другой, основанной на различии вершинных акцентов в трехморном исчислении. Исконные динамические различия были здесь так или иначе подчинены вершинным. В балто-славянском также имел место процесс переплетения динамических акцентов с вершинными. Так, в литовском, например, акут выступает как начально-вершинный акцент, а "циркумфлекс" (т.е. этимологически плавный акцент) - как конечно-вершинный. Но по контрасту с германскими языками балтийские и славянские языки подчинили вершинные различия динамическим и тем самым сохранили древние этимологические связи акцентов с фонематической и квантитивной структурой индоевропейского корня" (Кацнельсон, 1966:309). Этот вывод касается всех долгосложных слов с группой "долгий корневой гласный + дифтонг или дифтонгическое сочетание + шумный", для которых восстанавливается трехморная акцентуация, основанная на противопоставлении центрального и периферийного акцента (Кацнельсон, 1966: 308). "Слова с группой "краткий корневой гласный + шумный" также, по всей вероятности, имели в древнейшую пору комбинированную акцентуацию. Одновершинному плавному акценту с вершиной на кратком гласном в них противостоял двухвершинный резкий акцент, одна вершина которого приходилась на краткий гласный, а другая - на последующий сильный согласный" (Кацнельсон, 1966:309).

Рассматривая переход германской акцентуационной системы от трехморной к двухморной, С.Д.Кацнельсон показал, что этот переход был связан с заменой подвижной парадигмы парадигмами с обобщенным местоположением акцентной вершины. "Такое развитие

вызывалось функциональной перестройкой древних акцентов, которые из средства выражения внутрипарадигматических (формообразовательных) отношений превратились в средство выражения межпарадигматических (словообразовательных) отношений... Вместе с тем перестроилась вся система древней акцентуации и связанная с ней система фонем" (Кацнельсон, 1966:310-311).

С.Д.Кацнельсон связывал перестройку германской акцентуационной системы с утратой шумными их бывшей функции в составе фонетического базиса и превращением их в забазисные согласные. "Забазисные согласные не были уже больше морфообразующими шумными предшествующей эпохи, - не только потому, что резко изменилась их роль в акцентуационной системе, но еще и потому, что в связи с изменившейся ролью произошли сдвиги в соотношении шумных фонем. Эти сдвиги, которые могут быть обозначены как "вторые передвижения согласных", по-разному протекали в разных германских языках, но повсюду отражались в частичной фонемизации вариантов фонем, а также в процессах конверсии, в результате которых границы фонем нарушались, и варианты одной фонемы сливались с вариантами другой в новую единицу. Ни в одном германском языке инвентарь забазисных фонем на новом этапе уже не совпадал с древним инвентарем шумных фонем, допускавших варьирование по закону Вернера" (Кацнельсон, 1966:311).

Таким образом, С.Д.Кацнельсон связывает изменения в германской акцентуационной системе с активностью (или потерей активности) шумных, которые влияли на распределение акцентов при старой системе и потеряли это влияние при новой. Однако, нам кажется, что одни только шумные вряд ли могли выполнять такую сложную функцию по распределению акцентов. Поэтому мы считаем

возможным поставить вопрос об участии в этих процессах сонантов или долгих слогаобразующих. Эта тема должна, конечно, стать объектом самостоятельного исследования.

Впрочем, Ю.К.Кузьменко полагает, что существование морных акцентов во всех древних моросчитающих германских языках совсем не очевидно (Кузьменко, 1991:144).

По мнению Ю.К.Кузьменко, "... основное направление изменения просодического облика корневой морфемы задается, вероятно, изменениями в грамматической структуре, что наиболее отчетливо видно при переходе от корреляции контакта к силлабемности. Однако окончательный ответ на вопрос о том, каким образом изменения грамматической структуры влияли на изменения просодического облика экспонента корневой морфемы смогут дать новые исследования" (Кузьменко, 1991:255).

§ 2. Формирование этимологического микрогнезда

$\text{UR}^{\text{H}}\text{-T}$ - "гнуть, крутить, вертеть" в германских и балтийских языках на основе моделирования фономорфологических вариантов корня

Начиная этимологический анализ лексем, возводимых к фономорфологическим вариантам и.-е. $\text{UR}^{\text{H}}\text{-T}$ - "гнуть, крутить, вертеть", с рефлексамии долгого слогаобразующего $\bar{R}$ и детерминативами, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Первое замечание касается структуры этих лексем и заключается в следующем: все лексем, являющиеся континуантами и.-е. $\text{UR}^{\text{H}}\text{-T}$ - "гнуть, крутить, вертеть" и рассматриваемые в данной главе, объединены действием закона Лидена в балтийских языках, а в германских - более поздним отпадением начального u перед r (видимо, независимо от балтийских языков). Этот факт затрудняет и без того сложный процесс поиска и идентификации лексем, входящих в этимологическое микрогнездо $\text{UR}^{\text{H}}\text{-T}$ -. Анализ показал, что фономорфологическая структура лексем, объединенных действием закона Лидена в балтийских и генетически родственных им германских языках, отражает весьма древнее состояние корня, известное как Состояние II основы по Э.Бенвенисту. Кроме того, мы рассматриваем эти лексем как сложные образования, имеющие в своей структуре две степени аблаута, первая из которых является нулевой степенью, а вторая может содержать любую степень аблаута. О.Семереньи тоже квалифицирует подобные образования как двусложные (ср.: и.-е. $\text{GN}^{\text{H}}\text{-}$, $\text{CR}^{\text{H}}\text{-}$ (Семереньи, 1980:105, 106)).

Все эти факторы чрезвычайно усложняют картину в соответствующем этимологическом (под)гнезде, в чем легко убедиться, раскрыв любой этимологический словарь: все возможные и невозможные лексемы с различными детерминативами и степенями аблаута без учета фономорфологической структуры даются в рамках одной словарной статьи и считаются при этом полными соответствиями.

В данном случае наибольшие трудности подстерегают при установлении рефлексов кратких и долгих слогообразующих. Как уже отмечалось, многие исследователи не различают этих рефлексов, считая их совпавшими.

Следовательно, неправильные выводы могут быть сделаны вследствие неполноты знания закона (Шустер-Шевц, 1969:74), в данном случае, фонетических законов. К такому же неполному знанию мы относим и попытки некоторых ученых непонятные явления объяснить еще менее понятным явлением, например, появление R в структурах типа TRET- связать с метатезой плавного или с инфиксацией, не давая при этом никаких объяснений механизмам этих превращений. Об уточнениях в понимании и определении фонетических законов как об одной из важнейших предпосылок правильного анализа говорят сегодня многие исследователи. Так, например, А.С.Мельничук полагает, что анализ и сравнение фонетических разновидностей значительного количества этимологически родственных слов (как в нашем случае - этимологическое подгнездо с рефлексами долгого слогообразующего и детерминативами) "обеспечивает возможность внесения уточнений в понимание и определение таких фонетических законов, которые остаются пока еще недостаточно четкими, а в отдельных случаях

и установления новых фонетических законов. Эта возможность увеличивается в случае параллельного исследования нескольких этимологических гнезд, обнаруживающих аналогичные звуковые особенности" (Мельничук, 1969:65).

Последнее замечание А.С.Мельничука как нельзя лучше характеризует ситуацию, сложившуюся сейчас в понимании рефлексов слогаобразующих в разных языках. С другой стороны, в этом же замечании указан и путь для преодоления кризиса (иначе мы не можем назвать ситуацию, сложившуюся в теории индоевропейских слогаобразующих): параллельное исследование нескольких этимологических гнезд – в нашем случае двух –, обнаруживающих аналогичные звуковые особенности – рефлексы кратких и долгих слогаобразующих. Ведь хватило бы лишь беглого знакомства с литературой, чтобы убедиться, что рефлексы слогаобразующих выпадают из установленных фонетических законов, что они свидетельствуют о каких-то нерегулярностях и аномальностях. Поэтому нельзя не согласиться с В.К.Журавлевым: "Когда пытаешься проверить установленные "фонетические законы", то с удивлением убеждаешься, что случаев регулярных соответствий, надежных этимологий на многие, самые очевидные, вошедшие в плоть и кровь нашей науки явления и процессы, – очень мало, буквально единицы. Нередко, наоборот, целая серия соответствий не вполне регулярных, но уже относительно многочисленных, казалось бы, должна свидетельствовать о том или ином процессе или явлении, но за нерегулярностью соответствий и ненадежностью этимологий такое явление не находит места в сравнительной грамматике. С другой стороны, не получив посвящение сравнительной грамматикой в титул "фонетического закона", соответствия, отражающие

такое явление, не могут считаться надежными этимологиями" (Журавлев, 1969:III).

Ранее мы уже останавливались на подробном изложении процедуры вычленения корня и детерминатива, разработанной Э.Макаевым на материале германских языков, а также применили ее при формировании этимологического подгнезда и.-е. $\overset{\text{R}}{\text{UR}}\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть" с рефлексам краткого слогаобразующего и детерминативами. Что касается формирования этимологического подгнезда и.-е. $\overset{\text{R}}{\text{UR}}\text{-T-}$ с рефлексам долгого слогаобразующего и детерминативами, то в данном случае выполнение основного условия этой процедуры - доказательство наличия простой нераспространенной производящей основы - кажется совершенно невыполнимым в силу специфики лексем, фономорфологическая структура которых, как мы уже говорили, отражает их сложный характер. В то же время совершенно очевидно, что имеется большое количество лексем с разными исходами корней, свидетельствующих о значительной вариативности этих корней.

Итак, ни в германских, ни в балтийских языках не засвидетельствовано ни одной лексемы, которую можно было бы признать континуантом и.-е. $\overset{\text{R}}{\text{UR}}$. Очевидно, этот тип словосложения, подвергшийся впоследствии опрощению и деэтимологизации, является очень древним, поэтому в свободном состоянии первая часть таких образований не зафиксирована. Относительно данных санскрита трудно сказать что-либо определенное, так как рефлекс краткого и долгого слогаобразующих окончательно не установлены, хотя какой-то из слогаобразующих (скорее, краткий) и сохранился. Этот вопрос требует тщательного изучения со стороны специалистов-санскритологов.

Анализ лексического материала показал, что в данном случае возможно моделирование предполагаемых фономорфологических вариантов и.-е. $\text{UR}^{\circ}\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть" с рефлексами долгого слогаобразующего и детерминативами подобно тому, как мы это делали в случае с фономорфологическими вариантами, содержащими рефлекс краткого слогаобразующего и детерминативы. Необходимо только иметь в виду, что первая часть этих сложных образований представляет собой нулевую ступень, а во второй части может выступать любая допустимая ступень аблаута, в том числе и нулевая (ср.: Семереньи, 1980:105).

Анализ материала проводится в той же последовательности, как и в гл. II, § 2: детерминативы следуют по классической схеме смычных (-bh-, -b-, -p-, -dh-, -d-, -t-, -gh-, -g-, -k-).

и.-е. $\text{UR}^{\circ}\text{-BH-}$ // герм. $\text{WR}^{\circ}\text{E-B-(-B-)}$ // балт. RE-B-
(E - любой гласный)

По наблюдениям Ж.Жюкуа, -bh- в конце корня встречается в индоевропейских языках довольно редко, занимая с индексом 0,6 лишь 16 место из 23. Германские и балтийские языки не являются в этом смысле исключением. Из всех спрогнозированных фономорфологических вариантов нам удалось лишь выявить в германских языках архетип $\text{WR}^{\circ}\text{AB}$: дат. vravle "крутить, теревить" (Рок. II56), $\text{WR}^{\circ}\text{IB-}$: нем.диал. wribbeln 1. "разминать пальцами что-то", 2. "многократно двигать туда-сюда" (Frischbier 481), 481), нем. wribbeln "крутить, тереть", сев.-нем. wribbeln "мять (лен)" (Weigand II:1287). В Большом немецко-русском словаре wribbeln переводится как 1. "давить, (мять) между пальцами; вертеть что-либо в руках", 2. "нервничать" (Москальская II:606). Следует отметить, что в значении "нервничать" лек-

сема *wribbeln* не обнаружена нами ни в одном из немецких толковых словарей, а в универсальном словаре Дудена она не зафиксирована вообще. В этом словаре дается лишь *ribbeln* "растирать, тереть что-либо между пальцами (большим и указательным)", считающееся интенсивным образованием от локального *ribben* "скрести, потирая" (Duden, 1255).

Архетип WRIB- представлен в германских языках наиболее полно: днн. *rīban*, свн. *riben*, ср.-нид. *wriven*, нид. *wrijven*, др.-фриз. *wriwne* "тереть" (Kluge-M., 591, TDW Y:351, Pfeifer, 13:7).

Авторы нового этимологического словаря немецкого языка отмечают, что установить связи этой лексемы с другими индоевропейскими языками чрезвычайно сложно, потому что имеющиеся соответствия ненадежны (Pfeifer, 1397). Большинство авторов этимологических словарей возводят герм. WRIBON к и.-е. $\text{URĒIP-}/\text{URĪP-}$ с лабиальным расширением и сближают германские лексемы с др.-гр. *rhíptein* "werfen, schleudern, stoßen, stürzen" (Pfeifer 1397, Kluge-M., 591, TDW, 351). Однако недоумение вызывает факт, почему для германского архетипа восстанавливается QMB с лабиальным расширителем -р-. Германские примеры свидетельствуют о звонком спиранте -v- в исходе корня, который может соответствовать и.-е. -bh-. Поэтому мы и восстанавливаем для германского архетипа WRIB- . Кстати, лти. *rivet* "тереть", заимствованное из средненижнемецкого языка, сохранило звонкое спирантное произношение, что также может дополнительно свидетельствовать в пользу спирантного произношения детерминатива в данной лексеме.

Для этих лексем Э.Сибольд восстанавливает архетип WREIBA "reiben" и считает, что у германских слов нет надежных примеров для сравнения в других языках (Seebold, 565). Э.Сибольд

соглашается с тем, что герм. WREIBA восходит к и.-е. UER- "drehen, biegen", хотя это и нельзя подкрепить исчерпывающими примерами (Seebold, 565).

На этом основании мы исключаем рассмотренные германские лексемы из круга континуантов и.-е. UR-T- , так как они возводятся к и.-е. UREIP- , на что указывает и их вокализм.

Я. де Фрис рассматривает еще как одну из возможных праформ герм. WRÖBON , представленную, по его мнению, др.-сев. гофа ж.р. "хвост, копчик" (Vries 450) и соответствующую лат. *vegra* "penis" и др.-гр. $\rho\alpha\tau\acute{\iota}\varsigma$ "прут, розга". Другие континуанты этой праформы не приводятся. Однако, как нам кажется, говорить о том, что латинская и древнегреческая формы соответствуют германским, вряд ли можно, если мы хотим быть точными, ведь и.-е. UR-P- , которое выступает в этих лексемах, не может соответствовать герм. $-b-$, которое обнаруживается в германских формах, а вокализм свидетельствует о разных ФМВ. Поэтому мы считаем такое сближение некорректным.

Никаких пересечений с балтийскими языками в словарях германских языков не зафиксировано.

Анализ балтийских словарей показал, что к и.-е. UR-BH- можно возвести только лит. *gabvas* "устройство для укорачивания паруса на маленьких рыбацких судах" и лит. *gabaitas* "веревка, при помощи которой укорачивается парус", однако эти лексемы даются без объяснений (M.-Endz. III:460).

А.Э.Френкель считает их заимствованиями из немецкого языка (Fraenkel П:682), с чем мы тоже согласны.

и.-е. UR-B-// герм. WREP-// балт. REB-

(E - любой гласный)

По мнению многих исследователей, к которому склоняемся и мы, и.-е. $\text{UR-}^{\text{w}}\text{-B-}$ представлен только в назализованной форме в германских языках и вовсе не представлен в балтийских языках. Герм. архетип WREMP- : снн. wrimp "mediastinus", wrimpen "das Gesicht verziehen", "rümpfen"; "in spotte, wremplich "distorius, verdreht, entstellt, verdrießlich, rümpfig", wrempen "vultum pervertere, also wenne me suren drank drinket", wrampachtich "gewunden, krumm", нид. wrimpen, wrempen "distorquere" (Рок, II53).

В словаре Ф.Фришбира приводится wrimmel, wrummel м.р. "скрученная бумага, сверток" (Frischbier, 481), а Ю.Покорный отмечает wrümmeln "(с)мять, (с)комкать" (Рок., II53).

Очевидно, в этой лексеме произошла ассимиляция mb > mm, а нидерландский язык, скорее всего, заимствовал эту лексему из нижненемецкого языка, так как ни в одном другом германском языке она не зафиксирована.

и.-е. $\text{UR-}^{\text{w}}\text{-P-}$ // герм. WREF- // балт. REP-
(E - любой гласный)

В списке Ж.Жуа -р- имеет довольно высокий индекс 2,3 (Jusquois, 1966:60). Ю.Покорный возводит к и.-е. $\text{UR-}^{\text{w}}\text{-EP-}$ "drehen, winden" германские лексемы типа ди. ofī, двн. wofī и т.д. Мы считаем эти лексемы континуантами ФМВ с рефлексам краткого слогаобразующего, поэтому мы и рассматривали их в главе II, § 2. Из других германских примеров Ю.Покорный называет дат.диал. vrawle "winden, faseln", ср.-англ. wrappen "wickeln" (Рок. II56). Но как, в таком случае, объяснить соотношение герм. (v) и (p) с и.-е. (p), ведь последнему должно соответствовать германское f. Если исходить из действия закона Вернера, для дат.диал. vrawle можно предположить переход w > f. Но все равно

этот пример остается единичным, что, на наш взгляд, существенно затрудняет поиски этимологического решения.

Балтийские языки представлены в словаре Д.Покорного только лексемами с полной степенью аблаута и с огласовкой $\overset{\check{}}{i}$, являющейся, по нашему мнению, рефлексом $\overset{\check{}}{r}$ и которые мы на этом основании рассматривали в главе II, § 2.

О наших собственных предположениях, к сожалению, мы не можем сказать ничего определенного, так как без германских соответствий они останутся всего лишь предположениями.

и.-е. $\overset{\check{}}{u}r\text{-}d\check{h}\text{-}$ // герм. $\overset{\check{}}{w}r\text{-}e\text{-}d\text{-}$ // балт. $\overset{\check{}}{r}\text{-}e\text{-}d\text{-}$
(E - любой гласный)

Германские и балтийские лексемы, возводимые к и.-е.

$\overset{\check{}}{u}r\text{-}d\check{h}\text{-}$, не представлены в списке Э.Лидена (Liden, 1899).

По некоторым другим словарям вырисовывается такая картина: герм. $\overset{\check{}}{w}r\text{-}id\text{-}$, наиболее полно отраженное, выступает в да. *wridan* "вертеть", дат. *wriden* I. "крутить, вертеть, вращать"; 2. "повертывать"; 3. "выжимать, выкручивать (белье)", др.-сев. *rīda*, шв. *vrida*, норв. диал. (v)*rīda* : "ringen, drehen, knüpfen", снн. *rīden* сн.гл. "winden, durchwinden; drehen, wenden; sich führen, fortbewegen", снн. *wrēden* "zusammendrehen", нем. диал. *reiden* "drehen, schnüfren", *reideln, reiteln* "zusammenfassen" (Vries 444, Bradley 697, Lübben 596, Pok. II59, Lexer I68, Falk-Torp II:1396, Grimm VII:619, Holthausen, 1963:409, Новакович 790).

Я.де Фрис возводил эти лексемы к и.-е. $\overset{\check{}}{u}er\text{-}$, однако расширитель он не указывал (Vries 444).

Поражает большое разнообразие вокализма в германских лексемах, в которых представлены как простые гласные, так и, видимо, дифтонг. Последний случай не может тогда рассматриваться в

рамках нашей работы, так как не относится к и.-е. $\text{UR}^{\text{H}}\text{-DH-}$.

Вот несколько примеров. Очевидно, отглагольным производным является существительное, обозначающее "поворот, изгиб, извив" → "круг, кольцо, обруч" → "венок, венец": да. *wreða* "Band, Ring", англ. *wreath* "венок", нем.диал. *Reide* ж.р. "Drehung, Wendung, Krümmung", свн. *reide* "Wendung, Drehung, Krümmung, Wiederkehr", др.-сев. *riðul* м.р. "пучок, охапка, вязанка, связка", ди. *riðill* "walziges Holzstück zum Netzbinden", исл. *riðull*, норв. *ridel* "снопы", "дверная задвижка", шв.диал. *vridel* "связка соломы; дверной запор", снн. *wrædel* "палка, при помощи которой зашнуровывают связку", двн. *ridil* "повязка для волос", нем.диал. *wridel* "Wollkranz, auf dem Frauen etwas auf dem Kopf tragen", да. *wrædel* "пояс", да. *wrida* м.р. "Zügel, Ring", да. *wræd* ж.р. "Band, Bündel", снн. *wredel* (*wrêdel*) м.р. "Knüppel, Knebel, womit ein Bündel zusammengedreht oder (vermitteltst der Spannkette) das aufgeladene Holz festgebunden wird" (Vries 444, Falk-Torp II: 1396, Holthausen, 1948:348, Bradley 694, Lübben, 596, Pok. II59, Lexer I66, Grimm VIII:618).

Снн. *reide* в значении "скрученное, то, что крутится, изгибается" может быть связано с двн. *reid* "lockig, kraus"

(Pok. II59-II60), и оба являются, скорее всего, континуантами и.-е. $\text{UR}^{\text{H}}\text{EI-DH-}$ и в таком случае не относятся к нашему кругу.

Мы возводим к ФМВ $\text{UR}^{\text{H}}\text{-DH-}$ германские лексемы с монофтонгами в корневой морфеме, хотя нельзя отметить единство в разных германских языках в этом вопросе. Особое значение приобретает в таком случае, на наш взгляд, семантика. Так, лексемы, отражающие дифтонг, имеют круг значений, связанный с идеей изгиба,

чего-то скрученного или покачивающегося движения (ср.: снн. reide, днн. reid, англ. wreath да. wridan, норв.диал. (v)rida и под.

Вторая группа лексем связана с состоянием раздражения, что выражается обычно в виде гримасы, т.е. перекошенного, "перекрученного" лица: шв. wred, норв.диал. (v)reid др.-сев. reidr, да. wrāf "zornig, feindlig, ranzig", англ. wroth дс. wrêth "kummervoll, zornig, feindlich", снн. wrêt "erbittert, grimmig, bitter, sauer", существительное vrede "Zorn", шв. vrede, др.-сев. reidi ж.р., да. wr o, англ. wrath, снн. wrêde (Falk-Torp II:1396, Pok. II60, Holthausen 1948:347, Lübben 596).

В балтийских языках не засвидетельствованы лексемы, возводимые к и.-е. $\text{UR}^{\text{e}}\text{-DH-}$ или $\text{UR}^{\text{e}}\text{-D-}$, хотя Ф.Хольтхаузен и Я.де Фрис, рассматривая др.-сев. vrida "drehen, knüpfen, binden", в качестве соответствий предполагают лит. riediù, rietù "winde", ritù "rolle" (Holthausen, 1948:348; Vries:444). Эти балтийские лексемы, на наш взгляд, во-первых, имеют другой детерминатив, а, во-вторых, их вокализм не указывает на принадлежность к и.-е. $\text{UR}^{\text{e}}\text{-DH-}$.

и.-е. $\text{UR}^{\text{e}}\text{-D-}$ // герм. WRE-T- // балт. RE-D-
(E - любой гласный)

Из прогнозируемых ФМВ в германских языках, возможно, WRAT- входит в формируемое микрогнездо. Как отмечает В.Леман, этимология сомнительна, хотя и считается, что в германских языках представлены производные от и.-е. UER- с расширителями: др.-сев. vrata "reisen, wandern, ziehen, treffen, finden", гот. wraton "travel", шв. rata "wander about", норв.

rata "drive away" (Lehmann 410, Holthausen, 1948:347).

Весьма сомнительным кажется сближение с лит. *gandù, gàs-ti* "находить" (Holthausen, 1948:347), которое Э.Френкель считает более вероятным связывать с лтш. *radīt* "gebähren, hervorbringen", др.-русск. родъ, родити и т.д. (Fraenkel, 701).

Проблематичным кажется само возведение герм. WRATON к и.-е. URE-D- , так как значение его никак не увязывается ни с понятием "гнуть, крутить, вертеть", ни с производными от него. Поэтому мы склоняемся к мысли, что и.-е. URE-D- скорее всего не представлен в германских языках.

и.-е. UR-T- // герм. WREIT- // балт. RET
(E - любой гласный)

В списке Ж.Дюкуа $-t-$ в исходе корня имеет индекс 2,6 (Jusçois, 1966:60). В словаре Д.Покорного мы не нашли лексемы, которые, на наш взгляд, являются континуантами и.-е. UR-T- .

В балтийских языках можно было бы предположить наличие континуантов и.-е. UR-T- , но без германских соответствий они останутся всего лишь предположениями.

Для германских языков многие исследователи отмечают частое смешение $-dh-$, $-d-$ и $-t-$, что в значительной мере затемняет картину и осложняет возведение лексем к соответствующему ФМВ корня.

и.-е. UR-GH- // герм. WREG- // балт. REG-
(E - любой гласный)

Как показал анализ, самая разветвленная система фонеморфологических вариантов с рефlekсами долгого слогаобразующего в германских и балтийских языках образована именно с велярными

расширителями. Это тем более удивительно, что по подсчетам И.Жюкуа, велярные исходы корня в индоевропейских языках представлены слабее, чем, например, сонанты и даже смычные. И.Жюкуа дает такие индексы: $k - 1,5$, $\hat{k} - 1,1$, $g - 1,0$, $\hat{g} - 0,5$, $\hat{gh} - 0,5$, $gh - 0,4$ (Jusquois, 1966:60). Этот факт особенно подчеркивал и Э.Лиден, считавший, что многие образования в германских и балтийских языках, возводимые к корням с велярными расширителями, являются специфически германо-балтийскими, так как не встречаются в других индоевропейских языках (Liden, 1899:4).

Если и.-е. gh и g в балтийских языках совпали и для системы стали нерелевантными, то о германских языках этого сказать нельзя: и.-е. g соответствует герм. k , а и.-е. gh - герм. g . Кроме того, g , соответствующее и.-е. gh , могло совпасть с g , полученным из h в результате действия закона Вернера. Это создает, конечно, дополнительные трудности при этимологизировании. Кроме того, для балтийских языков релевантным оказался рефлекс и.-е. $\hat{gh}$, который претерпел значительные изменения, в то время как для германских языков и.-е. $\hat{gh}$ совпало с gh и предстало в германских языках в виде g или g . Очевидно, и в данном случае нельзя сбрасывать со счетов действие закона Вернера в германских языках. Таким образом, система фономорфологических вариантов с велярными оказывается весьма распространенной и обширной.

К тому же ситуация осложняется за счет появления большого количества так называемых назализованных вариантов типа и.-е. $\text{UR}^{\text{ENG}}-$, $\text{UR}^{\text{ENK}}-$ и т.д.

Не имея возможности углубиться в эту тему, мы все же не можем и обойти ее молчанием, поскольку считаем, что проблема

инфиксов непосредственно связана со структурой индоевропейского корня.

Инфикс, в определении О.С.Ахмановой, это аффикс, вставляемый внутрь основы (Ахманова: 182). Таким образом, инфикс принадлежит к основе (корню).

Принципы морфологического анализа помогли выявить составные части индоевропейского слова и определить их функции и роль. Так, А.Мейе говорил, что индоевропейское слово содержит три части: корень, суффикс и окончание. Корень указывает общее значение слова, суффикс определяет его точнее, а окончание (совместно с чередованиями согласных и с местом повышения тона) определяет роль слова в предложении (Мейе, 1938:167). Особенно А.Мейе подчеркивал связь, существующую между этими составными частями, ибо ни одна из них не существует отдельно. Так, в частности, отмечалось, что нет чистых корней, а есть только основы, характеризуемые отсутствием суффикса, например, основа *v̄n̄p* (Мейе, 1938:167).

Порядок следования трех элементов - корня, суффикса и окончания - неизменен. Корень стоит в начале слова, окончание - в конце, а один или несколько суффиксов - в середине (Мейе, 1938:167).

Относительно инфиксации А.Мейе полагал, что она встречается только в глаголах с носовой вставкой, например, корень *leik^h-, *lik^h - "оставлять" имеет основу настоящего времени *li-ne-k^h-, *li-n-k^h-, засвидетельствованную в скр. rinákti "оставляют", лат. linquō "оставляю", др.-пр. (po)linka "остаётся" (Мейе, 1938:171-172).

Как отмечал еще К.Бругман, происхождение носового инфик-

са совершенно затемнено, впрочем, как и происхождение почти всех индоевропейских суффиксов (Brugmann, 1904:510).

Проблему инфиксации рассматривал также Э.Бенвенист. Так, он считал, следуя распространенному мнению, что инфикс имел вид $\text{ṛ-ne-}/\text{ṛ-n-}$, и в индоевропейскую эпоху с его помощью были образованы формы настоящего времени на $\text{ṛneu-}/\text{-ni-}$, $\text{-nā-}/\text{-n-}$. Однако Э.Бенвенист склонен считать, что в данных формах надо определить инфикс -n- как распространение, а не как аффикс, установив, что он не содержит в себе никакого гласного. "Инфиксация осуществляется исключительно при помощи одного -n- , в формах настоящего времени на ṛ-neu- , ṛ-nā- мы, в действительности, имеем -n- с последующими корневыми суффиксами -eu- , -a- (Бенвенист, 1955:191).

Основываясь на материале индо-иранских языков, устойчиво сохраняющих первоначальное чередование, Э.Бенвенист устанавливает, что в любой форме настоящего времени с инфиксом носовой звук вставляется исключительно в основу П (по теории корня Э.Бенвениста) между корнем и суффиксом, а схема чередования настоящего времени с инфиксом всегда следующая: корень с нулевой огласовкой + n + суффикс с полной огласовкой + окончание. Если исходить из теории индоевропейского корня Э.Бенвениста, то в его терминах получается, что само по себе определение: "корень в нулевой ступени + суффиксы в полной ступени" предполагает основу П. И наоборот, если исходить из формы настоящего времени с инфиксом, то достаточно выделить носовой звук и поставить согласный на место гласного сонанта, заканчивающего собой корень, то получится основа П, а затем основа I и корень, например: $\text{ṛ}_0\text{ng-n-éu}$ II $\text{ṛ}_0\text{ng-éu-}$ I $\text{ṛ}_1\text{ueg-u}$ $\text{ṛ}_1\text{ueg-}$ (Бенвенист, 1955:193). Материалы хеттского языка также удостоверяют способ инфиксации, характерный для индо-иранских языков (Бенвенист, 1955:193).

Г.Карстин подверг инфиксацию тщательному анализу, посвятив этому вопросу монографию. Так, согласно Г.Карстину, признание *-n-* единственным инфиксом противоречит известным фактам (Karstien, 1971:29).

Как отметил А.С.Мельничук, согласно теории Г.Карстина, в индоевропейском языке имелся ряд инфиксов, в роли которых выступали все сонорные и ларингальные, и которые, включаясь в один и тот же корень, придавали ему с точки зрения современных исследователей, видимость генетически различных корней (Мельничук, 1978:3).

Г.Карстин установил, что в качестве инфикированных звуков чаще и прежде всего выделяются носовые *n* и *m*, плавные *r* и *l*, смычные в роли инфиксов выступают реже, чем сонанты (Karstien, 1971:29).

Г.Карстин выделил также несколько положений инфиксов в слове. Так, инфикс располагается преимущественно за начальными согласными слова и, соответственно, перед его гласным (положение 1). Намного реже инфикс располагается за корневым гласным (положение 2). Г.Карстин пытается доказать, что на том месте, где мы привыкли видеть в корне слова инфикс *-n-*, встречаются, соответственно сонанты *i, u, r, l, m*, т.е. практически они стоят перед заканчивающими корень согласными: ср. *iu-n-go* : *iug-um*, *li-tri* : *lip-ti*. Однако имеются случаи, когда трудно решить, является ли согласный "завершающим корень" или "детерминирующим" его. Г.Карстин полагает, что именно благодаря этим спорным и трудным случаям считается, что инфикс *-n-* в действительности является не инфиксом, а суффиксом, присоединение которого произошло раньше, чем присоединение к корню детерминативов (Karstien, 1971: 34,35).

В качестве иллюстрации мы выбрали пример Г.Карстина, имеющий отношение к лексике, возводимой к и.-е. ṡueg- "гнуть, крутить, вить". Пример с инфиксом $-r-$ в положении I:

да. $wrixl$ "Wechsel": др.-сев. $vixl$ "Austausch",

$wrixl(i)an$ "wechseln": $vixla$ "wechseln" (Karstien, 1971:31).

Нам, однако, представляется неверным сопоставление да.

$wrixl$ "Wechsel", восходящего к и.-е. ṡureik- "drehen, umwickeln, binden" и др.-сев. $vixl$ "Austausch", восходящего к и.-е. ṡueik- "Wechsel, Abwechslung", так как эти лексемы образованы от совершенно разных корней, являющихся ядрами двух разных этимологических микрогнезд.

Анализ лексем, возводимых к ṡUR- с гуттуральными расширителями показал, что, к сожалению, в этимологических словарях царит полнейший произвол, так как очень трудно бывает даже разобраться в правомочности присутствия той или иной лексемы в соответствующей словарной статье. Нельзя забывать и объективные трудности этимологизирования, которые, в частности, связаны с деэтимологизацией и рэтимологизацией вследствие затемнения фонологических и морфологических изменений как в германских, так и в балтийских языках.

Нам представляется возможным смоделировать следующие ФМВ и.-е. ṡUR- "гнуть, крутить, вертеть" с гуттуральными расширителями $-gh-$, $-\hat{g}h-$, $-g-$, $-k-$, $-\hat{k}-$, а также с носовыми инфиксами в виде следующей схемы:

и.-е.	герм.	балт.
ᵛURĒ-GH-	ᵛWRIG-	ᵛRUG-
ᵛURŪ-GH	ᵛWROGGO-	ᵛRANG-
ᵛURŪ-N-GH-	ᵛWRUGGO-	ᵛRING-
ᵛURŌ-N-GH-	ᵛWRANG-	ᵛRENG-
ᵛURĪ-N-GH-	ᵛWRING-	
ᵛURĒ-N-GH-	ᵛWRENG-	
ᵛURĒ-G-	ᵛWREKK-/WRAK-	ᵛREG-
ᵛURĪ-G-	ᵛWRIKK-	ᵛRIG-
ᵛURĒ-GH-	ᵛWREH-	ᵛREZG-
	ᵛWRAH-	
ᵛURĒ-K-	ᵛWREH-	ᵛREK-
ᵛURĪK-		ᵛRIK-
ᵛURĒNK-	ᵛWRINH-/ᵛWRING-	ᵛRINK-
ᵛURĪNK-	ᵛWRANH-	ᵛRANK-
ᵛURŌNK-		

В германских языках и.-е. ᵛURĒ-GH представлен следующими континуантами: двн. *řiga* ж.р. "gekrümmte Linie, Kurve", *řiga* ж.р. "Linie, Strich", ди. *řiga* "Biegung", исл. *řig* ср.р., *řigr* м.р. "Steifheit in den Gliedern" из* "verrenkt", двн. *kerige* ср.р. "венец", др.-фриз. *wrichte* "покрытие", двн. *řigil* "schmales Schiebholz", свн. *řigel* "Querholz, Hebel, Verschlussstange von Holz oder Eisen", снн. *řegel* "Querstange", нид. *řegel, řigel* "waagerechtes Querholz zwischen senkrechten Ständern" глаголы др.-сев. *řiga* "bewegen", двн. *řiga*

rigôn сл.гл. "umkränzen", да. wrigian "поворачивать", связывать", днн. gerigen "gewunden", ge-rigot (прич.прош.врем.) "gewunden".

Континуантами герм. wrig- являются также да. wriggeln "to wriggle" (фреквентатив глагола wriggen), англ. wriggle "извиваться, двигаться туда-сюда", др.-фриз. wrigia сл.гл. "двигаться", норв. rigga "verbinden, umwickeln, unsicher gehen", "erschüttern", rigla "wackeln, unsicher gehen" (Holthausen, 1948: 225; Holthausen, 1925:133; Morris 1549; Skeat 449-450; Trübners Y:398-399; Onions 1015; Lexer 168; Lübben 596;Bradly 697).

В немецком языке отмечены глаголы в диалектном употреблении riggen I. "пахать" (оставляя полосу между бороздами)", 2. мор. "оснащать" и wriggen, wriggeln, wricken (из нижненемецкого) "крутить, вертеть туда-сюда, гнуть" (Москальская II: 606; Duden 1756).

Предполагается, что приведенные германские лексемы возводятся к и.-е. wreg- "крутить, гнуть" с разными расширителями. Однако единого мнения у исследователей на этот счет нет. Среди возможных архетипов называют, например, и.-е. wreik- (герм. wreik-) "поворачивать" (Morris 1549; Vries 438), с чем мы не можем согласиться.

Приведенные германские лексемы позволяют все-таки настаивать на возведении их к и.-е. wrih- , герм. wrig- .

Можно предположить, что в балтийских языках континуантами и.-е. wrih- являются лтш. rīdzē "узорчатая полоска, мерка; цепочка (в вязании)", rīdzēt "вышивать", rīdzes "zeķu vai cimdu cilpiņas (valdziņi, kuo aduot uzmet uz adotas)" (M.-Endz. III:523).

К. Миленбах и Я. Эндзелин приводят в своем словаре пример др.-пр. *rigewings* "haderhaftig" и вместе с лит. *rika* "ломоть (хлеба)" возводят их к и.-е. $\Re_{reig-}$ наряду с $\Re_{reik-}$ (М.-Ендз. III:536). В таком случае, возведение этих балтийских лексем к и.-е. $\Re_{urigh-}$ невозможно, так как вокализм не соответствует монофтонгу, как этого требует и.-е. этимон $\Re_{urigh-}$.

Возможно, сюда же относятся лит. *rigzti* "путаться, плестись", *regzti* "путать, плести" (Венцкунте, 1971:242). Э. Френкель не дает в своем словаре ни индоевропейский, ни балтийский архетип (Fraenkel II:713).

Как мы уже отмечали, к континуантам и.-е. $\Re_{urgh-}$, на наш взгляд, следует причислить и название ржи в германских, славянских и балтийских языках, в которых только и сохранилось общее название этого злака. По некоторым данным рожь была завезена в Европу в IV-I тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов, 1984: 658-659), по другим источникам начало возделывания ржи относится к II-I тыс. до н.э. в бассейне Днепра, Днестра, Оки, на территории Швейцарии, Венгрии, Дании (БСЭ, т.22:172-173). Родиной ржи считают предгорные районы Кавказа, Малой и Средней Азии (Иран, Афганистан, Закавказье). Культурные сорта ржи произошли от сорнополевого вида. В Русском государстве первые летописные записи о посевах ржи на Руси относятся к II-II вв., хотя славяне возделывали эту культуру значительно раньше, с начала субатлантического периода, а значение как кормовая культура рожь начинает приобретать лишь с 7 века. Считается, что славяне познакомили германцев с рожью, когда заселили германские земли: "Первые столетия славянского заселения принесли в страну некоторые важные хозяйственные достижения. Во-первых, в полеводстве

вводится возделывание ржи, что ведет к росту продуктивности и стабильной урожайности ..."(Херрман, 1986:340).

Рожь - травянистое растение с мощной корневой системой (до 2 м), имеющее колос в виде соцветия или веретенообразной формы (БСЭ, т.22:572). Считается, что общее название ржи в германских, балтийских и славянских языках появилось в результате заимствования из какого-то общего источника, возможно, из фрако-македонского $\beta\rho\iota\zeta a$ < и.-е. * $\text{ur}^{\text{h}}\text{ug}i\text{a}$ "рожь" (Fraenkel П:746; Гамкрелидзе, Иванов, 1984:659). Это название сохранилось также в греч. $\beta\rho\iota\zeta a$ и в болг.диал. $\beta\rho\iota\zeta a$ "вид летних злаков" (Fraenkel П:746). Начальное сочетание $\beta\rho-$ в фрако-македонском отражает анлаут $\text{ur}^{\text{h}}-$, который, очевидно, претерпел некоторые изменения. Для сравнения можно привести аналогичный пример с названием руки в балто-славянском и латинском, который будет подробнее описан в связи с и.-е. * $\text{ur}^{\text{h}}\text{onk}-$.

О.Семереньи считает, что все три формы (германская, балтийская и славянская) исходят из одной и той же общей праформы, а предположение о том, что название ржи заимствовано из фрак. $\beta\rho\iota\zeta a$ основано только на видимом семантическом совпадении (Семереньи, 1967:23,24).

Заканчивая обзор балтийских лексем, возводимых к и.-е. * $\text{ur}^{\text{h}}\text{ugh}-$, балт. * $\text{rug}-$, можно предположить, что к их числу относятся также лтш. rugāji мн.ч. I. "остающиеся на поле скошенные, но несрезанные части зерновых и сорняков"; 2. "убранное ржаное поле" (Картотека Словаря Института языка и литературы Латвийской Академии Наук), rugājs м.р. "ржаная солома", rudzājs "ржаное поле", латг. rūga "обмолоченный колос, который тотчас сгибается", roga "eine abgebrochene Ähre", rogainis "der mit Ähren versehene", rogains , rogots "mit Ähren vermischt"

(E. Laana 232, 234; Katoļu Dzeive, 1989:17).

Очевидно, производным от латг. *rūga* является *rūzeitis*, *izarūzeit* "извиваться, менять форму" (Katoļu Dzeive, 1989:17).

Можно предположить этимологическую связь между балтийскими лексемами и англ. *rugose* "full of wrinkles", прилагательным, образованным от существительного *rūga* "a wrinkle".

Для германского архетипа предполагается чередование простой и удвоенной согласной $\text{r}^{\text{h}}\text{rug-i-z}$ и $\text{r}^{\text{h}}\text{rugg-an}$: ди. *rugr*, да. *ru e*, др. *roggo*, днн. *rooko*, снн. *rogge*, ср.-нид. *rogghe*, нид. *rog(ge)*. В готском языке этой лексемы нет. (Зализняк, 1965:225; Иванов, Гамкрелидзе, 1984:658-659; Kluge 604).

Примечательно, что английская и северная праформы полностью повторяют балтийский архетип $\text{r}^{\text{h}}(\text{v})\text{rug-i-z}$. Не является ли это еще одним фактом, свидетельствующим о более близких отношениях балтийских и ингвеонских диалектов?

С названием ржи может быть также связано и название племени ругиев, которое Ф.Клуге интерпретирует как "едоки ржи" (Kluge-M., 604). Однако исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по этому вопросу, допуская, что ругии могут быть признаны как германцами, так и славянами (Херрман, 1986:401).

Ядром словообразовательного гнезда, воплощенного в германском архетипе с назализацией $\text{r}^{\text{h}}\text{wrang-}$ является прилагательное др.-сев. *wrangr-*, *rangr* "curved, crooked, wrong", исл., фар. *rangur*, норв. *rang*, *vrang*, шв. *vrång*, дат. *vrang* "verkehrt", да. *wrang* "unrecht", снн. *wrank*, ср.-нид. *wranc*, нид. *wrang* "herb, scharf, unfreundlich" (Holthausen, 1963:225; Vries, 1963: 849; Vries, 1961:433; Holthausen, 1948:347; Bradley

695; Falk-Torp II:1395-1396;

Во всех случаях эта лексема значит "перевернутый, опрокинутый" ("verkehrt"). Х.Бредли считает, что англ. *wrong* является производным от сн.гл. *wringen* (Bradly, 695).

Во всех германских языках представлено также существительное, являющееся континуантом и.-е. **wrongh-*: днн. *ranc* "поворот", да. *wrang* "несправедливость", нем. *rang* "поворот", др.-сев. *rong* ж.р. "Spante": etwas krummes", исл. *röng*, фар. *rong*, норв. (v)*rong* "Knie im Boot, Schlittenrücken", да. *wrong*, *wranga* "Schiffsbauch", снн. *wrange* "кривоствольный лес", "дуга (упряжная)", нид. *wrong* ж.р. I. "жгут", 2. "шиньон", 3. "торбан", нид. *wrongel* "творог", да. *wrengde* (производное от *wrang*) "distortion, depravity", снн. *wranginge* "Ringkampf", нем. *Rang* м.р. (параллельно с *Rank*) I. "оправа, обрамление, окантовка", 2. "Rang, das Ringen und sich Winden, Drehung". Существительное ж.р. *Range* "обозначало первоначально "область" (*Gau*), омоним *Range* ж.р. обозначает "ungebärdiges, ungezogenes, freches Kind" (первоначально - в ХУП веке - обозначало "свиноматка", которое сохранилось в этом значении в нижненемецком языке. С этими лексемами соотносят вышедший из употребления глагол нем. *rangen* "двигаться туда-сюда", снн. *wrangen* "бороться, сражаться" и дe-вербатив снн. *wranger* "борец, атлет", др.-сев.-зап. *wrangendi* ср.р. "несправедливость" (Holthausen, 1948:347; Kluge 580; Bradly 697; Vries, 1961:458; Pok.II55; Lübben 596; Wahrig 2943).

В английском языке произошло изменение значения "кривой" → "изогнутый" → "неправильный" (Falk-Torp II:1395).

Очевидно, этот же путь развития прошла семантика др.-сев.

rengja сл.гл. "подделывать, фальсифицировать", "неправильно объяснять", а более древнее значение имеют исл. rengja, норв. (v)rengja, шв. vränga, дат. vrænge "скручивать, перекручивать, крутить" (Vries, 1961:441).

Балтийские языки представлены, главным образом, литовскими примерами, ср.: rangus "гибкий", rangytas "извитый, завитой", raugas "завиток", "кольцо (змеи)", rangcia "усердие", rangstus "поворотливый, расторопный", ranga "подготовка, снаряжение", raugas "Wickel, Knäuel, Ring", raugtas "Windung", "rangaė мн.ч. "gewundener Zierat, Schnörkel", rangytumas "извитость (шерсти)", rangytis "извиваться, свиваться, изгибаться, завиваться, закручиваться, свертываться", rangioti, rangyti "завивать, извивать, свертывать, скручивать", rangtis "спешить", rangioti "aufrollen" (Fraenkel 697; Lyberis 651,624).

В словаре К.Миленбаха и Я.Эндзелина приводятся следующие латышские примеры, однако индоевропейский архетип не дается: ruoga "колос (пустой или сломанный)", ruogainis - прозвище ржи, ruogains "смешанный с колосьями", ruogāt, die Ähren des nach dem Dreschen übrig gebliebenem Strohs noch einmal mit den Enden des Dreschflegels durchklopfen", хотя и считают эти лексемы родственными германским (М.-Эндз. III:577).

Итак, на основе современных значений германских и балтийских лексем попытаемся восстановить такую цепочку в семантическом развитии: "кривой", "изогнутый" → "неправильный" (в германских языках), "кривой, изогнутый" → "завивать", "закручивать" (в балтийских языках).

Э.Френкель, К.Миленбах, Я.Эндзелин и др. полагают, что все рассмотренные примеры соотносятся с лит. *gēngti*, да. *wrencan* и под. Рассмотрим несколько подробнее эти рассуждения: лтш. *gubga* (uo < ōn) (букв. "изогнутый" ("die Gekrümmte"), возможно, соотносится с лит. *gēngtis* "извиваться", да. *wringan* "крутить, вертеть", др.-сев. *gangr* "кривой", *gong* "кривоствольный лес", да. *wrencan* "крутить, вертеть" (M.-Eindz. III:577). Э.Френкель добавляет к этим параллелям еще следующие: да. *wrenc*, *wrencan*, да., дс. *wringan* "fest tusammendrehen, winden, auswinden", свн. *ganc* (род.п. *ganges*) ("быстрое, вращательное движение", гот. *wruggo* "змея", ди. (v)*gangr* "кривой, закрученный; несправедливый" (Fraenkel 719).

Очевидно, в данном случае необходимо четко различать вокализм *i* и *e* в германских лексемах. Германский сильный глагол wringen представлен во всех германских языках в двух основных значениях: 1. "крутить, выкручивать, скивать" и 2. "двигаться туда-сюда, напрягаться". Можно предположить, что в основе этих значений лежит сема "совершать кругообразные движения". Примеры: дзн. *ringan*, свн. *ringen* < wringan "двигаться туда-сюда; напрягаться, крутить", дс., да. *wringan*, др.-фриз. *wringa*, ср.-нид. *wringhen*, снн., нид. *wringen*, англ. *wring* "крутить, давить", дат. *wringle* "крутить" позволяют восстановить германский архетип wring_3 . Ф.Хольтхаузен приводит также дс. *wringan* "бороться" (Holthausen, 1954:90). В снн. *wringen*, сн.гл. также имеет значение "выкручивать белье" (Kluge-M., 868), наряду со значением "крутить, вертеть" (Lübber 596). Эти же значения зафиксированы и в нид. *wringen* сн.гл. 1. "крутить", 2. "выкручивать, выжимать", 3. "ломать",

4. "давить, жать" (Миронов, 939). Таким образом, мы имеем в данном случае дело с разветвленной полисемией? Рассматривая этимологию нем. *ringen* и *wringen*, В.Мицка пришел к выводу, что *wringen* никогда не значило "крутиться, извиваться", а употреблялось как переходный глагол в отличие от непереходного *ringen*, которое В.Мицка связывает с герм. ^h*ring-*Mitzka, 1967:139).

Глагол с огласовкой *-e-* встречается в северогерманском ареале: да., дс. *wrengan* "fest zusammendrehen, winden, pressen" (Рок. II55).

Очевидно, в данном случае речь идет о варианте корня с гласным *-e-*.

Для балтийских языков восстанавливается архетип ^h*ring-* < и.-е. ^h*uring(h)*: лит. *ringė*, *ringė̃*, *ringė̄* "Schlangenlinie, Windung, Schnörkel, zusammengeringelte Falte", *ringa* "тот, кто из-за холода сидит согнувшись", лтш. *ringt* "мерзнуть", *ringuōtiės* "извиваться" (*zalktis ringuojas* "уж сворачивается в клубок" из лит. *ringti* "krümmen") (М.-Endz., III:528), лит. *ringuoti* 1. "извиваться", 2. "свивать, мотать", 3. "переливчато петь", *ringsōti* "лежать свернувшись" *ringė* 1. "извив, изгиб, извилина", 2. "рубец", лтш. *ringulis* "завиток (в волосах)" (Fraenkel 735; Leskien I: 243; М.-Endz. III:528; Lyberis 637).

Лтш. *riđziņa* "маленький ручей" соотносят с лит. *ringa* "нечто кривое, изогнутое"; известно, что так называлась речка, на которой впоследствии выросла Рига, т.е. предполагается, что город получил название по речке, отличавшейся извилистостью. Есть и другое мнение, согласно которому название Риги восходит к др.-сев. *riga* "неровность, выпуклость" (Karulis, 1989:342).

Последний из смоделированных германских архетипов, отражающий и.-е. *ugūnǵh-, встречается только в готском языке: wruḡgo "змея" (только дат.п. ед.ч.). Все авторы отмечают, что этимология этого слова неясна (Feist 575; Lehmann 411). Сближения, которые все-таки предлагаются исследователями, мы не можем назвать удачными, так как их структура не отражает архетип *ugūnǵh-. Поэтому мы склонны считать гот. wruḡgo "змея" изолированной лексемой.

В балтийских языках соответствующие параллели отсутствуют.

Следующим мы рассматриваем архетип, представляющий ФМВ с расширителем -ǵh-. Только Э.Френкель дает в своем словаре и.-е. *uraǵhna, представленное, по его мнению, лит. raĩzas I. "сухой прут", 2. "(прутяная) метла", raĩėnis бот. "вязель", raĩiena "жнивье, жниво", "стернь", raĩũs "(Gabel) zinke", triraĩis "dreizinkig, mit drei Spitzen", raĩėnis bunte Kronwicke", raĩuoti "mit Reissigbesen schlagen bzw. schrubbyen, bis auf den Stiel, bis auf die Stoppeln abfressen, abpicken, (eine Strohgarbe) zurechtschütteln und (mit dem Reissigbesen) arbeiten, Getreidegarben mit den Schnittenden nach unten aufstellen" (Fraenkel 710, Lyberis 629).

Э.Френкель не исключает принадлежности к этому же ФМВ лит. rėgztĩ "вязать, плести", что нам также кажется вероятным (Fraenkel 713). В таком случае с лит. rezginėti (Френк. к rėgztĩ), rėzga, rėzge I. "вязать, плести", 2. "(разг.) "болтать, плести чепуху" (Lyberis, 630), rėgztys "сетка", rėzge "из ивы плетеная ручная корзина", rezginė "плетеная обувь, лапти", rezginũs I. "вязание, плетение, плетеное изделие", 2. "сплетение", rėgztinė "сплетенная из ивы ручная корзина", rezgtis "Hängematte

(Lyberis, 634; Fraenkel, 713).

Последние из перечисленных балтийских лексем могут быть соотнесены с да. *gesc(e)*, *riśc(e)*, *gusc(e)* "камыш, тростник", (Fraenkel, 713), а также снн. *riśch* "тростник, камыш", норв. *rusk*, *ruskje* бот. "луговик", свн. *rusch*, *rusche* "камыш, тростник" с предполагаемым исходным значением "гнувшаяся ветка, тонкий прут, розга, пригодные для плетения" (Walde II: 374), хотя сам А.Вальде таких предположений не высказывал. Случай, конечно, малонадежный, так как ни один из германских языков не сохранил положительных свидетельств анлаута *wr-*.

и.-е. $\text{UR-}g-$ // герм. $\text{WR}EK-$ // балт. $\text{RE-}K$
(E - любой гласный)

С детерминативом *-g-* в германских языках можно смоделировать $\text{WR}ak-$, $\text{WR}ik(k)-$, $\text{WR}ek-$. Среди рассматриваемых архетипов центральным, очевидно, является $\text{WR}ak-$, представленный др.-фриз. *wrak* "beschädigt", фриз. *wrak* "обломок, руины", др.-сев. *rek* ср.р. "сплавной лес" < *vrek*, др.-сев.-зап. *wrakstr* н.р. "сплавной лес", шв. *wrak*, да. *wræs*, снн. *wrak* "обломок, руины" (Жлуктенко, Двужкилов, 1984:196; Макаев, 1970:116; Richthofen 1160; Holthausen, 1948:347; Holthausen, 1925:133; Lehmann 409; Vries, 1961:440, Feist 573).

К этому же ФМВ, очевидно, возводится и название шеста, жерди для сушки: снн. *rick*, *gesc*, ср.-нид. *gesc(ck)*, нид. *rek* ($\text{RI}kno-$) ср.р. "длинная тонкая жердь", свн. *ric(ck)* "waagerechtes Gestell, Stange oder Latte, um etwas daran zu hängen", норв. *rjaa* н.р. "штанга для сушки зерна" (< $\text{RI}han-$),

шв. диал. *ri* ж.р. "своя, штанга" (Kluge 589). В "Большом немецко-русском словаре" дается лексема *rick* ср.р. 1. "пест, жердь"; 2. "(деревянный) забор, ограда"; 3. "полка, этажерка"; 4. "петля" (Москальская II:261).

Если исходить из идеи изгнания кого-то из круга, из страны, то нем. *Rache* ж.р., двн. *rȧhha*, свн. *rȧche*, дс. *wrȧka*, снн. *wrake*, фриз. *wrȧke/wrȧtze*, да. *wr* с, англ. *wreak*, гот. *wrȧkei*, *wrȧka*, *wrakja* "преследование, месть" могут быть возведены к и.-е. **uer-* "гнуть, крутить, вертеть", точнее к его ФМВ **u̇fek-* (Grimm, VII:14). С этим же кругом лексем связаны, наверно, др.-фриз. *wrȧka* сл.гл., снн. *wrȧken*, ди. *r* *kr* сл.гл. "прогонять, отвергать, чувствовать отвращение к кому-то" (Vries, 1961:456). Есть и пара глаголов, один из которых - река "гнать, преследовать, мстить" < **vreaka* - послужил базой для сл.гл. *r* *kr* "прогонять, отвергать, чувствовать отвращение к кому-то" (Vries, 1961:432, 456).

Об идее "загнутого или гнущегося" свидетельствуют также существительные, являющиеся, очевидно, родственными, но имеющие разные значения, хотя и объединенные общей принадлежностью к и.-е. **uer-* и **uergh-*: двн. *ric*, *rickes* "Band, Fessel, Knoten; Geschlinge der Eingeweide, enger Weg" (Рок. II59), снн. *wrik* (в выражениях): *den wrik*, *den wrak gan* "cursitare hac et illac, bald so bald so, kreuz und quer gehen (Lübben, 596), швейц. *rikch* "Heftel von Faden", свн. *ric*, "шея" (т.е. "поворачивающаяся") (Рок. II59), нем. *Reck* "Gestell mit waagrechten Stangen", снн. *rick*, *reck*, ср.-нид. *rec(ck)*, нид. *rek* (**riknō-*), да. *rack* "a grabing above a manger" (Kluge, 589; Skeat 428, 429).

В это же этимологическое микрогнездо входят нид. *wrikken* "hin und her bewegen", ср.-нид. *vorwicken*, ср.-англ. *wricken*, норв. *rikka, vrikka, vrikke* "wrackeln, verrenken, mit dem Ruder wricken", шв.сл.гл. *vricka* (Vries, 1963:851; Bradley 697; Falk.-Торп II:1391; Weigand 1287; Kluge 863; Skeat, 428).

Деноминативным является, очевидно, сл.гл. свн. *ricken* "anbinden, fesseln" (Lexner, 168).

Обычно исследователи сопоставляют с приведенными под архетипами wrik- / wrek- / wraK- германскими лексемами следующие балтийские лексемы: лит. *gyszūs* "Band, Bündel", *raisztis* "Band, Kopfbinde", *rišù, rišti* "binden" (Falk-Torp, 1397). Э.Френкель считает, что лит. *ráišas* "хромой", *rišti* "вязать", связывать, завязывать" являются континуантами и.-е. ur̥oiha- , ur̥oika- , и поэтому мы не можем рассматривать их в одном контексте с балтийскими, поскольку в смоделированном нами ФМВ должен быть монофтонг в корне.

Э.Френкель приводит также мнение П.Перссона, согласно которому с названными германскими лексемами можно сопоставить лит. *sgáige* "улитка" (Fraenkel, 887; Persson, 502). Однако мы не можем пока по этому поводу сказать ничего определенного, так как нет доказательств связи между этими лексемами в германских и балтийских языках. Кроме того, этот случай осложнен наличием в литовском слове S-mobile.

и.-е. ur̥-k- // герм. wren- // балт. rek-
(E - любой гласный)

Ядром этимологического микрогнезда в балтийских языках является лит. *rišti* "вязать, связывать; завязывать, привязывать", лтш. *rišt* "binden", "auftrennen", "sich abwickeln", др.-пр. *perwēist* "verbinden", *senwists* "verbunden". К.Миленбах и Я.Эндзелин сравнивают эти балтийские лексемы с да. *wriön* "einhüllen", свн. *wigel* "Kopfbedeckung, die man umwindet", лат. *wica* "Kopftuch" (М.-Эндз. III:531). В латышском языке данный глагол является чистой о-основой, расширенной при помощи *-sto-*, суффикса, встречающегося лишь в балтийских языках и чаще имеющих интранзитивное и инкоативное значение (Эндзелин, 1951:762). Поэтому для балтийских языков мы не можем восстановить архетипы $\text{u}^{\text{e}}\text{g}^{\text{e}}\text{k}-$.

Германский архетип восстанавливается в виде $\text{w}^{\text{r}}\text{i}^{\text{h}}\text{a}^{\text{n}}$, т.е., очевидно, что для индоевропейского уровня мы можем прогнозировать $\text{u}^{\text{e}}\text{g}^{\text{e}}\text{k}-$ или (с учетом действия закона Вернера в германских языках) $\text{u}^{\text{e}}\text{g}^{\text{e}}\text{h}-$. Таким образом, только германские лексемы могут быть континуантами и.-е. $\text{u}^{\text{e}}\text{g}^{\text{e}}\text{k}-$.

Относительно балтийских архетипов мы затрудняемся сказать что-либо определенное, но мы склонны считать все же, что в данном случае мы имеем дело с расширителем *-t-* (как и в случае *wirt*).

Ю.Покорный дает для архетипов и.-е. $\text{u}^{\text{e}}\text{g}^{\text{e}}\text{k}-/\text{u}^{\text{e}}\text{g}^{\text{e}}\text{k}-$ значение "поворачивать" (Рок. II54).

В германских языках представлены следующие континуанты герм. $\text{w}^{\text{r}}\text{i}^{\text{h}}\text{a}^{\text{n}}$ (Иллич-Свитыч, 1963:69), днн. *wreh* "verbannt" (прилаг.) (Schützeichel I49), свн. *wrieh* "изогнутый", снн. *wrieh/wrige* "verbogen, verdreht; starr, steif", (фиг.) "wirrig, verrückt, eigensinnig, trotzig, heimtückisch, tren-

los", wrīch м.р. "несправедливость, хитрость" (Lübben, 596),
wrechte, wrechtunge "Zaun, Befriedigung" (Lübben 596).

В связи с германскими лексемами напрашивается сопоставление с балтийским (и славянским) названием ореха, ср.: лит. riešutas, лтш. rieksts. О.Н.Трубачев приводит словообразовательную модель *dēgti-degūtas, rīsti-riešutas*, из чего следует, что балтийское название является производным от глагола *rīsti*. Интересно название ореха в полабском - *wrex, wrech, wrésh*, т.е. в данном случае эта лексема полностью сохранила анлаут *wr* индоевропейского архетипа (Трубачев, 1971:64).

Назализованные варианты с детерминативом -к- (ср.: и.-е. **uḡenk-*, **uḡonk-*, **uḡink-*) представлены в германском фономорфологическом варианте **wraŋh(o)*, а в балтийском - **rink-* и **rank-*.

В германских языках необходимо считаться с возможным действием закона Вернера, что может привести к существованию фономорфологических вариантов, омонимичных с ФМВ, содержащих детерминатив -gh-, ср.: и.-е. **uḡenġh-* - герм. **wreng-*; герм. **wrenh-*, по закону Вернера ставшее **wreng-*. В таком случае, вероятно, надо исходить в первую очередь из семантики, так как других надежных критериев для решения этой проблемы нет.

Герм. **wraŋh(o)* представлен скандинавскими примерами: др.-сев. гá ж.р. /угол" (из более древнего *wró wraŋhō*), фар. *wra*, норв. *ro*, шв. *wrå*, дат. *wraa*; ср.-англ. *wrō* считается возможным заимствованием из восточно-скандинавского. Я.Фрис этимологию не дает (Vries, 1961:430).

Некоторые исследователи сближают перечисленные скандинавские лексемы с балто-славянским названием руки, ср.: и.-е. **uḡonka-*, балто-слав. **uḡonka-* (Рокоту, II55).

Название руки традиционно считается общим балто-славянским (ср.: Endzelins, 1974 П:442; Иллич-Свитыч, 1963:24).

Э.Френкель не склонен однозначно принимать ни одно из объяснений, так как не считает их правдоподобными (Fraenkel, 697).

Ю.Покорный приводит в своем словаре мнение, согласно которому позднелат. *branca* "pfote" было заимствованно из галло-романского, тоже являющегося заимствованием (Pokorny, II55). Кельтские лексемы действительно могли быть заимствованы из лат. *branca*, которое А.Вальде считает германским по происхождению (Walde: 96). На наш взгляд, позднелат. *branca* полностью повторяет балто-слав. **uranka*, т.е. архетип, еще содержащий в анлауте *u-*, которое позже отпало в начале слова по закону Лидена. Другие примеры на соответствие анлаута *ur-* латинскому *br-* можно привести: лат. *brassia* "капуста" - и.-е. **urad-so-*, лат. *brigantes* "бриганты" - кимр. *gwraint*, "worms in the skin", др.-ирл. *frige* "Fleischwurm, Milbe" (Walde, 96,97).

Таким образом, германский и балтийский (вместе со славянским) архетипы обнаруживают связь по корню, так как основное значение праформы и.-е. **uranka-* восстанавливается как "нечто изогнутое, искривленное" (Иллич-Свитыч, 1963:24).

С названием руки в балто-славянском соотносится глагол, зафиксированный только в литовском языке: *rinkti* "собирать", интенс. *rankioti*, фриск. *rinkinėti*, суц. *rinkinỹs* "собрание" (Fraenkel, 736). Считается, что лтш. *rinkt* является заимствованием из литовского языка (М.-Endz., III:528). Э.Френкель возводит эти лексемы, а также др.-пр. *senrika* "собирает", *isrankit* "спасать", "освобождать" к и.-е. **renk-* "собирать" (Fraenkel, 697), а В.Н.Топоров этимологию этой лексемы не приводит (Топоров, 1980:82-83).

Мы поддерживаем тех исследователей, которые принимают существование германо-балто-славянского этимона с исходным значением "нечто изогнутое, искривленное" (ср.: Lanzenswert, 1984:62; Иллич-Свитыч, 1963:24; Эндзелин, 1974/П:442).

В В В О Д Ы

1. Основываясь на анализе лексем, объединяемых в балтийских языках действием закона Лидена, а также лексики германских и балтийских языков, возводимой к и.-е. $\overline{\text{UR}}\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть", и принимая во внимание мнение многих исследователей, неоднократно уже отмечавших непоследовательность в определении рефлексов долгих слогаобразующих, мы пришли к выводу, что рефлексом долгого слогаобразующего может быть последовательность из бывшего слогаобразующего и любого гласного, следующего за ним, т.е. последовательность RV.

2. Анализ этимологического микрогнезда $\overline{\text{UR}}\text{-T-}$, которое мы идентифицировали со структурой TRET-, показал, что составляющие его фонеморфологические варианты с рефлексом долгого слогаобразующего и детерминативами полностью повторяют структуру основы, известную как Состояние II основы по Э.Бенвенисту. Ранее некоторые исследователи указывали лишь на связь последней со структурой типа TRET-.

3. Структура корня типа $\overline{\text{UR}}\text{-T-}$ поразительно соответствует также корню с метатезой плавного или с инфиксом R, а также с вторичным аблаутом (Schwebeablaut). Все это позволяет предположить, что "героем" в данных структурах является рефлекс долгого слогаобразующего, выступающего в последовательности RV.

4. Мы рассматриваем корни типа $\overline{\text{UR}}\text{-T-}$, приравненные к типу TRET-, как двусложные базы, в первой части которых выступает нулевая ступень аблаута, а во второй возможен любой гласный.

5. Четкое разграничение рефлексов кратких и долгих слогаобразующих позволяет установить связь первых с так называ-

емой ступенью редукции, представленной в германских языках гласными *u* и *i*, а в балтийских языках — гласными *i* и *u*, и вторых — с нулевой ступенью, т.е. когда гласный полностью исчезает. Тем самым подтверждается мысль Г.Гюнтерта и Г.Хирта о необходимости различать нулевую ступень и ступень редукции.

6. Исходя из наблюдения Э.Бенвениста о том, что Состояние II индоевропейского корня присуще всем индоевропейским языкам, мы считаем возможным предположить, что рефлекс долгого слогаобразующего был одинаковым для всех индоевропейских языков, а его вокализация могла происходить еще в период индоевропейской общности, хотя, видимо, и накануне ее распада. Об этом можно судить, в частности, и по различным последствиям вокализации долгого слогаобразующего. Так, для германских языков мы предполагаем, что направление действия трансфонологизации реализовалось в одном, корневом слоге, и совпало с местом вокализации краткого слогаобразующего, что дало в германских языках две разные структуры типа гот. *kunī* и *knōps^н*.

Для балтийских языков направление трансфонологизации долгого слогаобразующего было противоположным по сравнению с его направлением в германских языках. Мы допускаем, что трансфонологизация долгого слогаобразующего могла быть материальной базой для осуществления закона Фортунатова-Соссюра, знаменующего возникновение интонации акута.

7. Анализ лексики, возводимой к фonomорфологическим вариантам и.-е. $\text{н}_{UR}^{\text{т}}$ - "гнуть, крутить, вертеть" показал, что в данном случае речь может идти практически только об исходах второй части этих двусложных образований. К сожалению, ни в одном из германских или балтийских языков нам не удалось об-

наружить простую нераспространенную основу, которая могла быть производящей для всех континуантов и.-е. UR-T -Очевидно, это даже невозможно, ведь речь идет об очень древних образованиях.

8. На основе анализа лексики нам удалось смоделировать и выявить следующие ФМВ в германских языках: WRAB- , WRIB- , WROBON- , WREMP- , WRID- , WRED- .

Основной массив лексем представлен с гуттуральными расширителями: WRIG- , WROGGO- , WRUGGO- , WRANG- , WRING- , WRENG- , WREK- / WRAK- , WRIKK- , WREH- , WRAH- , WRINH- , WRANH- .

9. В балтийских языках мы выделили только ФМВ с гуттуральными детерминативами: RUG- , RANG- , RING- , RENG- , REG- , RIG- , REK- , RIK- , RINK- , RANK- .

10. Структура корня в германских и балтийских языках, отражающая рефлекс долгого слогообразующего плавного, совпадает и имеет вид, соответствующий типу TRET- , т.е. представляет собой четырехэлементный корень. Мы относим эту структуру к типу двусложных корней, который был присущ индоевропейскому языку, и т.о. является общим наследием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной целью настоящего диссертационного исследования было использование достижений современной фономорфологии и рассмотрение в этом свете германо-балтийских ареальных отношений. Материалом для исследования послужила лексика германских и балтийских языков, возводимая к фономорфологическим вариантам (структурным вариантам) и.-е. $\text{ḡUR}-\text{T}$ "гнуть, крутить, вертеть", с рефлексами кратких и долгих слогообразующих и детерминативами (со смычными в роли детерминативов) и формирующая этимологическое (микро)гнездо базового корня "гнуть, крутить, вертеть". Таким образом стало возможным проведение комплексного анализа лексики, базирующееся на фономорфологических альтернативах, таких как чередование по аблауту и вычленение детерминативов в составе корня, противопоставление двух интонаций в балтийских языках. Эта проблематика оказалась теснейшим образом связанной с теорией индоевропейских слогообразующих, так как нами рассматривались лишь фономорфологические варианты, содержащие рефлекс кратких и долгих слогообразующих. Современное состояние теории индоевропейских слогообразующих не отвечает уже требованиям науки, поскольку основные ее положения сформулированы еще в прошлом веке с позиций младограмматиков. Необходим современный подход к решению этой проблемы, на что уже указывали некоторые ученые в связи с другими постулатами фонологии. Для нашего исследования первостепенное значение имело установление адекватных и четких рефлексов кратких и долгих слогообразующих в германских и балтийских языках и выяснение их дальнейшей судьбы, чтобы на этом основании определить, в частности, возможную спе-

цифику германских и балтийских языков на фонеморфологическом и лексическом уровнях. Анализ лексем, возводимых к и.-е.

$\text{UR}_e\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть" с рефлексам краткого сло-гообразующего и детерминативами позволил выявить такую карти-ну: в германских языках, кроме общепризнанного рефлекса крат-кого слогаобразующего в виде гласного (u), мы постулируем также рефлекс с гласным (i). Причины распределения по различ-ным диалектам этих гласных (u и i) пока неясны, хотя этимо-логический анализ и сравнение с другими языками, в том числе и с балтийскими, показав, что часто на месте (i), ожидаемом как результат вокализации краткого слогаобразующего, в гер-манских языках появляется (e). В готском языке этот процесс получил название готского преломления. В других германских языках отмечается переход (i) в (e), как и (u) в (o), перед последующим (r). А.Е.Курилович и Э.А.Макаев указывают на то, что очень часто в германских языках полная ступень аблаута бывает вторичной, развившейся на месте ожидаемой нулевой сту-пени.

Для германских языков интонация нерелеванта^н, так как никак не проявляется, хотя в рейнских диалектах С.Д.Кацнель-сон вслед за Т.Фрингсом обнаружил следы германских интонаци-онных систем, свидетельствующие о бывшей разветвленной инто-национной системе германских языков, подвергшейся впоследст-вии значительной перестройке.

Для балтийских языков на материале ФМВ и.-е. $\text{UR}_e\text{-T-}$ "гнуть, крутить, вертеть" с рефлексам краткого слогаобразу-щего выявлен лишь гласный (i) в качестве пазвука, развивше-гося перед бывшим слогаобразующим. На материале других кор-

ней обнаруживается также и второй рефлекс в виде гласного (u). Таким образом, для германских и балтийских языков рефлекс кратких слогообразующих действительно является ареальной изоглоссой, однако в германских языках преимущественно встречается вокализм (u), а в балтийских языках - вокализм (i). Примечательно, что особую близость в отражении рефлекса краткого слогообразующего показывают древнепрусский язык и ингвеонские диалекты, которые, согласно новейшим исследованиям, сохранили лучше других германских диалектов архаический характер.

В балтийских языках рефлекс краткого слогообразующего традиционно связывается с интонацией циркумфлекса. Хотя эта проблема по тематике не является нашей, пройти мимо нее мы все же не смогли, так как анализ лексического материала "подвел" нас к этому вопросу. В результате анализа мы пришли к такому мнению: с рефлексом краткого слогообразующего не связана никакая интонация, а определяющим является гласный, который развился в виде пазвука перед бывшим слогообразующим. Интонации, восстанавливаемые для балтийских (и славянских) языков имеют гипотетический характер (ср.: Дыбо, 1981:263). Нельзя забывать и о том, что первые тексты, записанные на балтийских языках, не содержали никаких указаний на интонации, а данные диалектов не дают единой картины, даже наоборот, часто отличаются и весьма значительно от состояния, зафиксированного в литературных языках. Кроме того, в балтийских языках весьма часты случаи метатонии, что также может свидетельствовать о более сложных процессах в недрах интонационных систем.

По поводу рефлексов долгого слогообразующего плавного

можно сказать, что картина еще более сложная и запутанная, чем в случае с рефлексом краткого. Признавая на словах наличие долгих слогообразующих, а на деле игнорируя этот факт, многие исследователи *a priori* утверждают, что рефлекс кратких и долгих слогообразующих совпали в германских языках, а в балтийских языках традиционно принят рефлекс долгого слогообразующего в виде последовательностей $i\bar{r}$, $u\bar{r}$ т.е. с гласными (i) и (u), но обязательно с интонацией акута. По сути это тоже означает совпадение рефлексов долгих и кратких слогообразующих. В данном случае мы исходили из того, что рефлекс двух фонем, различающихся между собой и входящих в одну коррелятивную пару, не могут совпасть, иначе бы они не составили оппозицию по признаку долготы и краткости. Основываясь на теории трансфонологизации Р.Якобсона, мы предлагаем в качестве рефлекса долгого слогообразующего рассмотреть случаи полного исчезновения гласного перед бывшим слогообразующим и его появления после бывшего слогообразующего, причем этим гласным может быть любой гласный. Об этом же говорит и Ф.Ф. Фортунатов, рассматривая случай "а + долгая слоговая плавная" перед согласными αp , αl , и с перестановкой pa , la , где на гласную перенесена долгота, полученная в плавной" (Фортунатов, 1956, I:245). К такому же выводу относительно рефлекса $\bar{r} > ra$ в албанском языке пришел К.Лиукконен, отметивший рефлекс $\bar{r} > ra$ (Liukkonen, 1991:56). Правда, К.Лиукконен связывает рефлекс долгого слогообразующего с гласным $\bar{a}$. На наш взгляд, здесь возможен совершенно любой гласный.

Сравнение фономорфологических вариантов и.-е. $\bar{u}r$ -т-
"гнуть, крутить, вертеть" с фономорфологическими вариантами

других корней показало, что структуры, содержащие рефлексы долгого слогаобразующего, идентичны структурам типа TRET-. Дальнейший анализ позволяет предположить, что с данным типом TRET- совпадают структуры, содержащие метатезу плавного, инфикс *r*, вторичный аблаут (Schwebeablaut) и Состояние II корня по Э.Бенвенисту. Эти наблюдения показывают, что вокализация долгого слогаобразующего и ее результаты должны были иметь место еще в период индоевропейской общности или накануне ее распада, так как не исключено, что "героem" всех только что перечисленных структурных типов является именно рефлекс долгого слогаобразующего. Для балтийских языков с рефлексом долгого слогаобразующего может быть связано и становление новой балтийской акцентной парадигмы, маркированным членом которой является интонация акута. Принимая во внимание наличие у слогаобразующих признаков, роднящих их с гласными, мы допускаем, что долгота долгого слогаобразующего может быть равна двум морам, как и долгота долгого гласного. Исследователи отмечают наличие сверхдолгих гласных в древнеиндийском и прагерманском, долгота которых была равна трем морам. Если принять, что долгий слогаобразующий, трансфонологизируясь, "отдает" свои две моры следующему слогу, то гласный этого слога может стать сверхдолгим, т.е. трехморовым. Не исключено, что именно такое материальное усиление и стало базой для превращения акута в маркированный член бинарной оппозиции, а это, в свою очередь, могло повлечь за собой создание условий для осуществления закона Фортунатова-Соссюра.

Сопоставление фонеморфологических вариантов с рефлексамми долгого слогаобразующего плавного со ступенями аблаута

привело к мысли, что правы были Г.Гонтерт и Г.Хирт, настаивая на четком различении нулевой ступени и ступени редукции. Германисты традиционно считают, что в германских языках имеется две нулевых ступени (или ступени редукции), не видя между ними, в сущности, никакой особой разницы. Правда, отмечают, что одна из них хронологически древнее и, возможно, восходит к индоевропейскому состоянию. Анализ лексем, возводимых к ФМВ UR^{u} -т- "гнуть, крутить, вертеть", показал, что рефлекс краткого слогаобразующего, являющегося по существу эпентетическим гласным, не связан со ступенями аблаута. А рефлекс долгого слогаобразующего, отражающий полную потерю гласного перед бывшим слогаобразующим, соответствует нулевой ступени аблаута и является, несомненно, общим индоевропейским наследием. Та же картина наблюдается и в балтийских языках.

Проведенный анализ показал, что германские и балтийские языки имеют похожую структуру корня, которая продолжает индоевропейские традиции: широко представлен тип корня с детерминативами и разными ступенями аблаута. Для ФМВ с рефлексами краткого слогаобразующего плавного отмечаются структуры, содержащие четыре элемента, например, герм. w^{u} ir-g-, w^{u} wurg-, балт. v^{u} ir-b-, v^{u} ir-ž-/vir-z-.

Особая близость между германскими и балтийскими языками констатируется на материале лексики, объединенной действием закона Лидена. Она проявляется, прежде всего, в последовательном использовании в качестве детерминативов гуттуральных. Такое явление не отмечается больше ни в каких других индоевропейских языках, кроме одиночных примеров в славянских языках (ср. название "руки").

Структурные модели ФМВ с рефлексамии долгих слоогообразующих плавных в германских и балтийских языках повторяют индоевропейскую модель, состоящую из четырех элементов. Вопреки мнению Э.А.Макаева, считающего, что в германских языках не представлены двусложные корни, мы настаиваем на том, что ФМВ с рефлексамии долгого слоогообразующего плавного являются именно двусложными образованиями, в первой части которых выступает нулевая ступень аблаута (т.е. наблюдается полная потеря гласного), а во второй части может быть любой гласный, в том числе и полученный в результате вокализации краткого слоогообразующего.

Проводя анализ лексики, возводимой к ФМВ и.-е. $\tilde{u}r-t-$ "гнуть, крутить, вертеть", мы постарались ввести в научный обиход как можно больше примеров из латышского языка, т.к. обычно материалы латышского языка привлекаются сравнительно редко. Мы постарались также на практике применить те теоретические положения, которые составили проблематику настоящего исследования, и тем самым пополнить состав большого этимологического гнезда $\tilde{u}er-/\tilde{u}er-/\tilde{u}r-/\tilde{u}r-$. Мы надеемся также, что нам удалось внести посильную лепту в усовершенствование методов и приемов этимологического анализа.

Относительно ареальных германо-балтийских отношений можно сказать, что фономорфологический анализ подтвердил данные, полученные ранее при исследовании других уровней языков: эти отношения были тесными и плодотворными и имели место, начиная с самой седой индоевропейской древности, о чем свидетельствуют фономорфологические альтеранции, а также общие рефлексии слоогообразующих.

Семантика исследованных лексем также говорит в пользу

архаического характера изоглосс, объединяющих германские и балтийские языки. В нашу задачу не входило исследование семантики в качестве самостоятельного параметра, потому что свою конечную цель мы видели прежде всего в фономорфологическом обосновании ареальных отношений германских и балтийских языков.

Возможно, не все смогут согласиться с нашими предположениями и выводами. Начиная свое исследование, мы и не предполагали, куда оно может повернуться в зависимости от собранного фактического материала. Поэтому мы считаем необходимым подчеркнуть, что все теоретические проблемы, которые были рассмотрены нами, попали в поле зрения лишь вследствие тщательного анализа материала, т.е. ни одна теоретическая проблема не была привнесена в работу искусственно. Поэтому уместными кажутся нам слова С.Д.Кацнельсона: "При восстановлении древней системы исследователю нередко приходится восполнять недостающие звенья догадками, не имеющими обязательной силы. Судить о достигнутых результатах нужно не по степени обоснованности того или иного частного допущения, не по строительным лесам, с помощью которых крепились отдельные детали, а по системе в целом. Если она "работает", если она охватывает значительную часть известных науке фактов и не противоречит остальным, то она вправе претендовать на роль теоретической модели — по меньшей мере до тех пор, пока дальнейшие исследования не вскроют существенные фактические и логические изъяны в ее построении" (Кацнельсон, 1966:II-12).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А. Языки и диалекты

англ. - английский	др.-шв. - древнешведский
англск. - англский	и.-е. - индоевропейский
арийск. - арийский	ирл. - ирландский
арм. - армянский	исл. - исландский
балт. - балтийский	ит. - итальянский
болг. - болгарский	италийск. - италийский
вед. - ведийский	кельт. - кельтский
галльск. - галльский	лат. - латинский
герм. - германский	латг. - латгальский
гот. - готский	лтш. - латышский
греч. - греческий	лимб. - лимбургский
дат. - датский	лит. - литовский
диал. - диалектный	нем. - немецкий
да. - древнеанглийский	нид. - нидерландский
двн. - древневерхненемецкий	норв. - норвежский
др.-инд. - древнеиндийский	общ.-слав. - общеславянский
др.-ирл. - древнеирландский	польск. - польский
ди. - древнеисландский	рун. - рунический
др.-норв. - древненорвежский	рус. - русский
др.-пр. - древнепрусский	санскр. - санскрит
др.-рус. - древнерусский	серб.-хорв. - сербохорватский
дс. - древнесаксонский	слав. - славянский
др.-сев. - древнесеверный	словен. - словенский
др.-франк. - древнефранкский	ср.-англ. - среднеанглийский
др.-фр. - древнефризский	снн. - средненижненемецкий

ст.-слав. - старославянский
 укр. - украинский
 фар. - фарерский
 фрак. - фракийский
 франк. - франкский
 франц. - французский
 хетт. - хеттский
 шв. - шведский

Б. Грамматическая терминология

буд.вр. - будущее время
 вин.п. - винительный падеж
 дат.п. - дательный падеж
 дв.ч. - двойственное число
 ед.ч. - единственное число
 ж.р. - женский род
 зват.п. - звательный падеж
 им.п. - именительный падеж
 мн.ч. - множественное число
 м.р. - мужской род
 наст.вр. - настоящее время
 прет. - претерит
 прич. - причастие
 прош.вр. - прошедшее время
 род.п. - родительный падеж
 ср.р. - средний род
 суффикс - суфф.

В. Значение символом

С - согласный

V, E - гласный

R, r - краткий слогаобразующий плавный

R, r - долгий слогаобразующий плавный

R - сонорный (в формуле TRET-)

T - смычный

S - спирант

I, i - гласный (i)

U, u - гласный (u)

Г. Сокращения источников

СГГЯ - Сравнительная грамматика германских языков

СИИЯРС - Сравнительно-историческое изучение языков разных семей

Dieter - Laut- und Formenlehre der altgermanischen Dialekte

M.-Endz. - Müllenbach K.

Lettisch-deutsches Wörterbuch

Kluge-M. - Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache .- 20. Aufl.

Kluge-S. - Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.- 22 Aufl.

Pok. - Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.

Morris - The American Heritage.

Pfeifer - Etymologisches Wörterbuch des Deutschen.

TDW - Trübners Deutsches Wörterbuch.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Аракин В.Д. Норвежско-русский словарь.- М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.- М.: Советская Энциклопедия, 1969.
3. Большой англо-русский словарь: В 2-х т. /Под ред. И.Р. Гальперина.- изд.- 2-е, стереотип.- М.: Русский язык, 1977.
4. Большой немецко-русский словарь: В 2-х т. /Сост. Е.И. Лепинг, Н.Т.Страхова, Н.И.Филичева и др.; Под рук. О.И.Москальской.- 2-е изд., стереотип.- М.: Русский язык, 1980.
5. Датско-русский словарь; Под ред. А.С.Новаковича.- М.: Русский язык, 1975.
6. Дворецкий И.Х. Словарь латинского языка.- М.: Русский язык.- изд. 2-е, переработ.- 1976.
7. Миланова Д.Э. Шведско-русский словарь.- изд. 4-е, испр. и доп. - М.: Советская Энциклопедия, 1973.
8. Миронов С.А. Голландско-русский словарь.- М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954.
9. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т.-М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959.
10. Русско-латышский словарь: В 2-х т.- Р.: Латвийское государственное издательство, 1959.
- II. Словарь русских народных говоров.- М.-Л.: Наука (Ленинград), вып. 4, 1969.

12. Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь А-Д.- М.: Наука, 1975.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. - М.: Прогресс, 1964-1973. пер. с нем.; Под ред. Б.А. Ларина.
14. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд; Под ред. П.О.М.Трубачева.- М.: Наука, 1974.
15. Adelung I.K. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders der Oberdeutschen: Bd. I-4.- 2. verm. und verb. Ausg. - Leipzig: Breitkopf, 1783-1801.
16. Bartholome Chr. Altiranisches Wörterbuch.- Strassburg: K.J.Trübners, 1904.
17. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch.- Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1908-1913.
18. Blese E., Langijs J. Nicas un Bārtas mācītāja Jāņa Langija 1685. gada latviski - vāciskā vārdnīca ar īsu latviešu gramatiku.- R.:Latv.univ., 1936//Pēc manuskripta fotokopijas ir. un ar apcerējumu par Langija dzīvi, rakstību un valodu papild. E.Blese/. Latv.univ. raksti. Filoloģijas un filosofijas fak. sēr.- 3. sēj.- papild.- Nr. I.- 577 lpp.
19. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary.- ed.and enlarged by T.N.Toller.- Oxford: Univ. press, 1964.
20. Bradly H. A Middle-English Dictionary.- Oxford: Clarendon Press, 1951.
21. Balkevičius J., Kabelka J. Latviu-lietuviu kalbu žodynas.- Vilnius: Mokslas, 1977.
22. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego.- Warszawa, 1974.

23. Buck C.D. Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages.- Chicago: University of Chicago press, 1949.
24. Buks M. Latgaļu-vōcu un vōcu-latgaļu vōrdneica.- P/s Latgaļu izdevnīceiba, 1969 (0.0,) - 1943. goda izdavuma pōrspidums.
25. Buwalda H.S., Meerburg G., Poortinya Y. Frysk wurdboek: Frysk - Nederlansk.- A.Y.Psinga N.V.- Boalsert, 1971.
26. Campe J.H. Wörterbuch der deutschen Sprache: In 5 Bdn.- Braunschweig: Schielbuchhandlung, 1807-1811.
27. Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary.- Oxford: Clarendon Press, 1957.
28. Dabartines lietuviu kalbos zodynas.- Vilnius: Mintis, 1972.
29. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. (2. völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Aufl.) Hrg. unter der Leitung von G.Drosdowski.- Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.
30. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: in 3 Bdn. //unter der Leit. von W.Pfeifer.- B.: Akademie-Verlag, 1989.
31. Falk H.S., Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch.- Oslo/Bergen:Universitetsforl.- 2.Aufl., 1960.
32. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache.- Leiden: J.Drill, 1939.
33. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch: In 2 Bdn.- Heidelberg; Göttingen: Carl Winters Universitätsverlag, 1955-1965.
34. Grandseigne-d'Hauterive. Dictionnaire des racines de langues européens.- Paris: Larousse, 1958.

35. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch.- Leipzig: Hirzel.- Bd. I, 1854.
36. Holthausen F. Altfriesisches Wörterbuch.- Heidelberg: Winter, 1925.
37. Frischbier H. Preussisches Wörterbuch: Ost- und Westpreussische Provinzialismen in alphabetischer Folge: 2 Bde. - B.: Enslin.- 1882-1883.
38. Holthausen F. Gotisches etymologisches Wörterbuch.- Heidelberg: Winter, 1934.
39. Holthausen F. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen (Altnorwegisch-Isländisch) einschließlich der Lehr- und Fremdwörter sowie der Eigennamen.- Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1948.
40. Holthausen F. Altsächsisches Wörterbuch.- München; Köln: Böhlau, 1954.
41. Holthausen F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch.- Heidelberg: Winter, (1934), 1963.
42. Johannesson A. Altisländisches etymologisches Wörterbuch.- Bern: Francke, 1951.
43. Johannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch.- Bern: Francke, 1954.
44. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. /20. Aufl.; bearb. von W.Mitzka.- B.: Walter de Gruyter, 1967.
45. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache /22. Aufl. unter Mithilfe von Max Bürgisser und Bernd Gregor völlig neu bearbeitet von Elmat Seebold.- Walter de Gruyter: Berlin; New York.- 1989.
46. Köbler G. Gotisches Wörterbuch.- Leiden; New York; København; Köln: E.J.Brill.- 1989.

47. Kurschat A. Litauisch-deutsches Wörterbuch: Thesaurus Linguae Lithuanicae.- Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, T.I, 1968.

48. Lapiņš N. Latviešu vārdu etimoloģija: 3 d.- R.: LVU izd., 1967-1975.

49. Latviešu-krievu vārdnīca: 2 sej. /Sast. autoru kol.- R.: Liesma, 1979; 1981, Avots.

50. Latviešu literārās valodas vārdnīca: 8 sej.- R.: Zinātne, 1972.-

51. Laua E. Latviski-vāciska vārdnīca. /2. iesp.- R.: Latvju grāmata, 1942.

52. Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary: Based on the 3 ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by S.Feist.- Leiden: Brill, 1986.

53. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch.- 36. Aufl.- Leipzig: S.Hirzel Verlag, 1980.

54. Lübber A. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch.- Norden und Leipzig: Diedr. Soltau's Verlag, 1888.

55. Lyberis A. Lietuvių-rusų kalbų žodynas.- Vilnius: Mintis, 1971.

56. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas.- Vilnius: Mokslas, T.I, A-H,- 1988.

57. Müllenbach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch: in 4 Bdn. /Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J.Endzelin.- R.: Lettisches Bildungsministerium, 1923-1932.

58. Mylius K. Wörterbuch Deutsch-Sanskrit.- Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1975.

59. Nesselmann G.H.F. Wörterbuch der litauischen Sprache.- Königsberg: Bornträger, 1851.

60. Nesselmann G.H.F. Der preussische Vocabelvorrath: Thesaurus linguae prussicae.- B.: Dümmler, 1873.
61. Onions C.T. The Oxford Dictionary of English Etymology.- Oxford: Clarendon Press, 1966.
62. The American Heritage Dictionary of English Language. /ed. by W.Morris.- Boston/New York/Atlanta/Genewa/Illinois/Ballas/Palo Alto: 1969, 1970.
63. The Oxford English Dictionary/Ed, by J.A.H.Murrey.- Oxford: Clarendon Press, 1933, vol. XII.
64. Paul H. Deutsches Wörterbuch /8Aufl., bearb. von A.Schirmer.- Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1961.
65. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bdn.- Bern; München: Francke, 1959-1969.
66. Richthofen, Karl Freiherr von, Altfriesisches Wörterbuch. /2. Neudruck der Ausgabe Göttingen 1840: Scientia Verlag Aalen, 1970.
67. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch.- Tübingen: Niemeyer, 1969.
68. Seebold E. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben.- The Hague-Paris: Mouton, 1970.
69. Sehart E.-H. Notker-Glossar: Ein Althochdeutsch-Lateinisch-Neuhochdeutsches Wörterbuch zu Notkers des Deutschen Schriften.- Tübingen: Niemeyer, 1962.
70. Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language.- Oxford: Clarendon Press, 1958.
71. Torp A., Falk H. Wortschatz der germanischen Sprach-einheit: Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. /3 ed. by A.Fick - Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1909.

72. Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch.- Göttingen; Vandenhoeck und Ruprecht, 1923.

73. Trübners deutsches Wörterbuch /Begründet von A.Götze inZusammenarbeit mit M.Gottschald und G.Hahn, hrg. von W.Mitzka.- 8 Bände.- Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1939-1957.

74. Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch.- Leiden: E.J.Brill, 1961.

75. Vries J. Nederlands Etymologisch Woordenboek. Aflevering 3, Leiden: E.J.Brill, 1963.

76. Wackernagel W. Altd deutsches Wörterbuch /5. Aufl.- Basel: Schweighauserische Verlagsbuchhandlung (Hugo Richter), MDCCCLXXVIII.

77. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch: Sonderausgabe /ungekürzt völlig überarb. Neuaufl./ - Gütersloh: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1978.

78. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. /2. umgearb. Aufl.- Heidelbergs: C.Winter Universitätsverlag, 1910.

79. Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch /5. Aufl.- Heidelberg: C.Winter Universitätsverlag.- Bd.2., 1972.

80. Walde A., Pokorny J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen: In 3 Bdn.- B.: Walter de Gruyter und Co.- 1927-1932.

81. Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.- Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1977.

82. Wright J. The English Dialect Dictionary.- L.: Oxford univ. press, 1970.

83. Weigand Fr.L.K. Deutsches Wörterbuch /5. Aufl./
Hrg. von H.Hirt - Gießen: Verlag von Alfred Töpelmann.-I Bd.-
1909, 2 Bd.- 1910
84. Zoëga G.T. A Concise Dictionary of Old Icelandic.-
Oxford: Clarendon press, 1967.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы.- М.: Наука, 1965.- 168 с.
2. Авксентьева А.Г. Об одной балто-славянской изоглоссе (iR/uR) //Baltistica.- 1975.- №. XI/I.- С. 37-62.
3. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учебное пособие.- М.: Высшая школа, 1991.- 140 с.
4. Аркадьева Т.Г. Деэтимологизация и ее обусловленность в русском языке: Автореферат: дисс... канд.филол.наук: Л., 1973.- 18 с.
5. Барроу Т. Санскрит /Пер. с англ. Н.Лариной/ Ред. и коммент. Т.Я.Елизаренковой.- М.: Прогресс, 1976.- 411 с.
6. Белецкий А.А. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка).- Киев: издательство Киевского государственного университета, 1950.- 267 с.
7. Бенвенист Э. Нидоевропейское именное словообразование /Пер. с фр.; Ред. и прим. Б.В.Горнунга.- М.: Издательство иностр. лит-ры, 1955.- 260 с.
8. Блумфилд Л. Язык /Пер. с англ. Е.С.Кубряковой и В.П. Мурат: Под ред. и с предисл. М.М.Гухман.- М.: Прогресс, 1968.- 607 с.

9. Бородина М.А., Гак В.Г. К типологии и методике историко-семасиологических исследований (на материале лексики французского языка). - Л.: Наука, 1979.- 231 с.

10. Вайнрайх У. Рец.: "Webster's Third new international dictionary". - Springfield (Mass.), 1961, 2662 p. // Вопросы языкознания. - 1965. - № 1. - С.128-132.

11. Варбот Ж.Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. - М.: Изд. АН СССР, 1963. - С.194-212.

12. Варбот Ж.Ж. О словообразовательной структуре этимологических гнезд // Вопр. языкознания. - 1967. - № 4. - С.67-74.

13. Варбот Ж.Ж. Морфологический анализ древнерусских корневых имен существительных, соотносительных с глаголами // Этимология: Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. - М.: Наука, 1967. - С.123-139.

14. Варбот Ж.Ж. К реконструкции чередования гласных в некоторых близких славянских этимологических гнездах // Этимология 1970. - М.: Наука, 1972. - С.55-64.

15. Варбот Ж.Ж. К реконструкции чередования гласных в некоторых близких славянских этимологических гнездах. УІ. // Этимология 1976. - М.: Наука, 1978. - С.31-42.

16. Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. УІІІ // Этимология 1978. - М.: Наука, 1980. - С.19-31.

17. Варбот Ж.Ж., Куркина Л.В. Рец.: Etymologie // Hrg. von R.Schmitt (Wege der Forschung Bd. CCCLXXIII. Wiss. Buchgesellschaft. Darmstadt, 1977, 467 S. // Этимология 1978. - М.: Наука, 1980. - С.185-193.

18. Венцкуте Р.И. Литовский аблаут: современное состояние и индоевропейская модель: Дис... канд.филол.наук.- М., 1971.- 257 с.

19. Воронцова М.В. Развитие индоевропейских вокалических систем: Автореферат: дисс... канд.филол.наук: - М., 1983.- 18 с.

20. Гаджиева Н.З. Соотношение приемов сравнительно-исторических и ареальных исследований при реконструкции // СМЛЯРС, М.: Наука, 1988.- С.181-189.

21. Гамкрелидзе Т., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2-х т.- Тбилиси: Издат. Тбилисского университета, 1984.- 1328 с.

22. Герценберг Л.Г. Реконструкция индоевропейских слоговых акцентов //Вопр.языкознания.- 1978.- № 6.- С.36-44.

23. Герценберг Л.Г. Проблемы акцентологической реконструкции //Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.- М.: Наука, 1989.- С.29-47.

24. Герценберг Л.Г. Ближайшие перспективы индоевропеистики //Актуальные вопросы современного языкознания.- Л.: Наука, 1989.- С.70-81.

25. Герценберг Л.Г. Теория индоевропейского корня сегодня //Вопр. языкознания.- 1973.- № 2.- С.102-110.

26. Грисле Р. О материале латышского языка в "Этимологическом словаре русского языка" М.Фасмера // Baltistica.- 1969.- У(2) - № 2.- С.217-221.

27. Гухман М.М. Готский язык.- М.: Издат. литературы на ин. языках, 1958.- 288 с.

28. Гухман СМ.М. Морфологическая структура слова в древних германских языках //Сравнительная грамматика германских языков: В 4-х т.- М.: Издат. АН СССР, 1963.- Т.3.- С.7-38.

29. Десницкая А.В. Предисловие //Актуальные вопросы сравнительного языкознания.- Л.: Наука, 1989.- С.3-4.

30. Гухман М.М.Аблаут в германских языках //Сравнительная грамматика германских языков: В 4-х т.- М.: Издат. АН СССР.- 1962.- С.221-289.- Т.2.

31. Дмитриева Л.В., Колесникова В.Д., Новикова К.А., Цинциус В.И. О некоторых исходных приемах изучения лексики в сравнительно-историческом плане (на материале алтайских языков) //Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: Тезисы секционных заседаний.- М.: Наука, 1974.- С.36-38.

37. Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии //Вопросы славянского языкознания.- 1961.- № 5.- С.9-34.

33. Дыбо В.А. Славянская акцентология: Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском.- М.: Наука, 1981.- 272 с.

34. Дыбо В.А. Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем //Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод.- М.: Наука, 1989.- С.7-45.

35. Елизаренкова Т.Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков .- М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974.- 293 с.

36. Ершова И.А. К вопросу об ареальной и этимологической стратификации древнегерманских существительных // Проблемы общего и германского языкознания.- М.: Изд. Моск. ун-та, 1977.- С.158-170.

37. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание.- Л.: Наука, 1976.- 692 с.

38. Жирмунский В.М. История немецкого языка.- Изд. 5-е, пересмотр. и испр.- М.: Высшая школа, 1965.- 408 с.

39. Жлуктенко Ю.А., Двухжилов А.В. Фризский язык.- Киев: Наукова думка, 1984.- 200 с.

40. Журавлев В.К. Праиндоевропейские и праславянские слоговые плавные //Вестник Московского университета.- Сер. № 2.- 1966.- С.3-12.

41. Журавлев В.К. О внутренних причинах появления фонетических дублетов //Этимология 1967.- М.: Наука, 1969.- С.110-119.

42. Журавлев В.К. Внутренняя реконструкция //Сравнительно-историческое изучение языков разных семей.- М.: Наука, 1989.- С.68-90.

43. Журавлев В.К., Авксентьева А.Г. К фонологической интерпретации балто-славянских интонаций //Baltistica: I priedas.- Vilnius: Mintis.- 1972.- С.233-242.

44. Зализняк А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных: I //Этимология: Исследования по русскому и другим языкам.- М.: Наука, 1963.- С.124-160.

45. Зализняк А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных: II //Этимология: Принципы реконструкции и методика исследования.- М.: Наука, 1965.- С.160-235.

46. Зиккявичюс З. К вопросу о различении акута и циркумфлекса в восточных говорах Литвы //Baltistica.- X(I).- 1974.- С.93-94.

47. Иванов Вяч.Вс. Лингвистическая проблематика этногенеза славян в свете отношений славянского к балтийским и другим индоевропейским языкам //Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований.- М.: Наука, 1979.- С.27-34.

48. Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки.- М.: Наука, 1981.- 271 с.

49. Иванов Вяч.Вс. Заметки по индоевропейской акцентологии //Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод.- М.: Наука, 1989.- С.110-115.

50. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка.- М.: Высшая школа, 1976.- 319 с.

51. Иллич-Свитыч В.М. Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение //Вопросы славянского языкознания.- 1961.- Вып. 5.- С.108-137.

52. Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийских и славянских языках: Судьба акцентуационных парадигм.- М.: Изд-во АН СССР, 1963.- 179 с.

53. Казлаускас Й. Фонологическая интерпретация ударения в балтийских языках //Baltistica.- III(1).- 1967.- С.13-22.

54. Каралюнас С. Балтийский корень dr-ž-//Baltistica.- t. VII(1).- 1971.- С.169-180.

55. Кацнельсон С.Д. Теория сонантов Ф.Ф.Фортунатова и ее значение в свете современных данных //Вопр. языкознания.- 1954.- № 6.- С.47-61.

56. Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков.- М., Л.: Наука, 1966.- 347 с.

57. Кацнельсон С.Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы //Актуальные вопросы современного языкознания.- Л.: Наука, 1989.- С.131-149.

58. Климов Г.А. О праязыковой реальности //Актуальные вопросы современного языкознания.- Л.: Наука, 1989.- С.5-20.

59. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики.- М.: Наука, 1990.- 168 с.

60. Клычков Г.С. Об основных приемах лингвистической реконструкции //Вопр. языкознания.- 1961.- № 6.- С.30-40.

61. Клычков Г.С. Теория верификации в сравнительно-историческом языкознании //Теория и методология языкознания: Методы исследования языка.- М.: Наука, 1989.- С.93-189.

62.- Кортланд Ф. Исторические законы балтийской акцентуации // Baltistica.- XIII(2).- 1977.- С. 319-330.

63. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфология в описании языка.- М.: Наука, 1983.- 119 с.

64. Кузьменко Ю.К. Фонологическая эволюция германских языков.- Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991.- 284 с.

65. Кузнецов П.С. О возникновении и развитии чередований в русском языке //Известия АН СССР.- ОЛЯ.- Т.ХI.- Вып. I.- 1952.- С.61-75.

66. Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка.- М.: Изд-во АН СССР, 1961.- 275 с.

67. Курилович Е. Очерки по лингвистике.- М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962.- 456 с.

68. Курилович Е. О методах внутренней реконструкции //Новое в лингвистике.- М.: Прогресс.- Вып. 4.- 1965.- С.400-433.

69. Куркина Л.В. Славянская этимология //Этимология 1978.- М.: Наука,- 1980.- С.38-43.

70. Левковская К.А. Проблемы словообразования в сравнительно-историческом исследовании и методика их изучения: на материале древних германских языков //Филологические науки.- 1960.- № 2.- С.65-79.

71. Макаев Э.А. Структура и стратификация общегерманской лексики //Вопр. языкознания.- 1965.- № 5.- С.3-12.

72.- Макаев Э.А. Реконструкция индоевропейского этимона //Вопр. языкознания.- 1967.- № 4.- С.26-33.

73.- Макаев Э.А. Проблема детерминативов в индоевропейском и в общегерманском //Вопр. языкознания.- 1969.- № 1.- С.3-21.

74.- Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках.- М.: Наука, 1970.- 286 с.

75.- Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания.- М.: Наука, 1977.- 205 с.

76. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О предмете и задачах морфологии и ее месте среди других лингвистических дисциплин //Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие.- М.: Наука, 1967.- С.87-119.

77. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в готском языке: //Фонетика. Фонология.- Грамматика: (к семидесятилетию А.А.Реформатского).- М.: Наука, 1971.- С.204-210.

78. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. Отличительные черты морфологии германских языков с историко-типологической точки зрения //Историко-типологические исследования морфологи-

ческого строя германских языков.- М.: Наука, 1972.- С.7-38.

79. Макаев Э.А., Кубрякова Е.С. Диакроническая морфология древних германских языков //Историко-типологическая морфология германских языков: Фономорфология. Парадигматика. Категория имени.- М.: Наука, 1977.- С.13-86.

80. Маковский М.М. Германские ареальные параллели в свете этимологии //Этимология.- 1965.- М.: Наука, 1967.- С.248-264.

81. Маковский М.М. Этимология и проблема филологической достоверности //Этимология 1966.- М.: Наука; 1968.- С.264-280.

82. Маковский М.М. Обзор германской ареальной лингвистики (1963-1965 гг.) //Этимология 1966.- М.: Наука, 1968.- С.369-376.

83. Маковский М.М. Английская диалектология: Современные английские территориальные диалекты Великобритании.- М.: Высшая школа,- 1980.- 191 с.

84.- Маковский М.М. Английская этимология.- М.: Высшая школа, 1986.- 151 с.

85. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: Проблемы диакронической фонологии /Пер. с фр. А.А.Зализняка.- М.: Изд. иностр. лит-ры, 1960.- 261 с.

86. Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: К проблеме прародины славян.- Минск: Изд-во АН БССР, 1963.- 250 с.

87. Мартынов В.В. Реконструкция двухуровневой системы языка (на материале славянских и балтийских языков) //Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконст-

рукция на отдельных уровнях языковой структуры.- М.: Наука, 1989.- С.48-58.

88. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков /Пер. с фр. Д.Кудрявского; Под ред. и с прим. Р.Шор.- М.,Л.: Государственное социально-экономич. изд-во, 1938Ш- 510 с.

89. Мельничук А.С. Корень *_{kes-} и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков //Этимология 1966.- М.: Наука, 1968.- С.194-240.

90. Мельничук А.С. Об одном из важных видов этимологических исследований //Этимология 1967.- М.: Наука, 1969.- С.57-68.

91.- Мельничук А.С. Этимологическое гнездо с корнем *_{cei-} в славянских и других индоевропейских языках //Доклад на УШ международном съезде славистов: Загреб - Любляна, сентябрь 1978.- Киев: Наукова думка, 1978.- 16 с.

92. Мельничук А.С. Проблематика реконструкции в сравнительно-историческом языкознании //Актуальные вопросы сравнительного языкознания.- Л.: Наука, 1989.- С.21-35.

93.- Меркулова В.А. О некоторых принципах этимологии названий //Этимология 1964.- М.: Наука, 1965.- С.73-87.

94.- Николаев В.А. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки //Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод.- Мг: Наука, 1989.- С.46-110.

95.- Никонов В.А. Поиск системы //Этимология: Исследования по русскому и другим языкам.- М.: Изд. АН СССР, 1963.- С.217-235.

96. Общее языкознание: Внутренняя структура языка.- М.: Наука, 1972.- 565 с.
97. Общее языкознание: Методы лингвистических исследований.- М.: Наука, 1973.- 318 с.
98. Одри Ж. Типология и реконструкция //Новое в зарубежной лингвистике.- М.: Прогресс, 1988.- Вып. XXI.- С.183-190.
99. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования.- Л.: Изд. ЛГУ, 1967.- 323 с.
100. Откупщиков Ю.В. Словообразовательные модели и этимология //Этимология 1967.- М.: Наука, 1969.- С.80-88.
101. Откупщиков Ю.В. О принципах отбора лексических изоглосс // Baltistica: Priedas I.- 1972.- С.115-124.
102. Откупщиков Ю.В. Литовский язык и праславянские реконструкции //Baltistica:- X(I).- 1974.- С.7-20.
103. Откупщиков Ю.В. Ряды индоевропейских гуттуральных //Актуальные вопросы сравнительного языкознания.- Л.: Наука, 1989.- С.39-69.
104. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского языкознания (К выходу в свет книги В.И.Георгиева) //Вопр. языкознания.- 1982.- № 3.- С.19-30.
105. Палмайтис М.Л. Индоевропейская апофония и развитие деklinационных моделей в диахронно-типологическом аспекте. - Тбилиси: издательство Тбилисского ун-та, 1979.- 182 с.
- 106.- Панов М.В. Современный русский язык.- М.: Высшая школа, 1979.- С.256.
107. Парастаев А.Ф., Солнцев В.М., Щербак А.М., Круглов Ю.Г. О совершенствовании тематики кандидатских и докторских диссертаций по языкознанию //Вопр. языкознания.- 1982.- № 6.- С.96-104.

108. Петлева И.А. Этимологические заметки по славянской лексике. XV //Этимология 1986-1987: Сб. статей; Отв. ред. О.Н. Трубачев. - М.: Наука, 1989. - С.64-71.

109. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. - М.: Наука, 1982. - 129 с.

110. Попов А.И. О возможностях совершенствования приемов этимологического анализа //Этимология 1967. - М.: Наука, 1969. - С.119-128.

111. Прокош Е. Сравнительная грамматика германских языков. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1954. - 379 с.

112. Рябова Н.Ф. Этимологическое гнездо как микро-модель развития лексической системы //Вестник МГУ. - Сер. 9. Филология. - 1981. - № 2. - С.77-82.

113. Савченко А.Н. О генетических связях праславянского языка с прагерманским //Типология и взаимодействие славянских и германских языков; Отв. ред. В.В.Мартынов. - Минск: Наука и техника, 1969. - С.39-49.

114. Савченко А.Н. К вопросу о генетических связях балтийских языков с другими индоевропейскими (одна изоглосса) //Baltistica: Priedas I. - 1972. - С.149-158.

115. Савченко А.Н. Проблема системной реконструкции праязыковых состояний: на материале балтийских и славянских языков //Baltistica. - 1973. - IX(2). - С.135-150.

116. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. - М.: Высшая школа, 1974. - 410 с.

117. Селиверстова О.Н. Об одной модели построения семантической микроструктуры и структура многозначного слова //Теория языка: Англистика: Кельтология. - М.: Наука, 1976. - С.89-96.

118. Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне // *Вопр. языкознания.* - 1967. - № 4. - С.3-25.

119. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. - М.: Прогресс, 1980. - 407 с.

120. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974. - 352 с.

121. Серебренников Б.А. Проблема достаточного основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // *Теоретические основы классификации языков: Проблемы родства.* - М.: Наука, 1982. - С.6-62.

122. Сквайрс Е.Р. Ремесленная терминология в древней Германии: Автореферат: дисс... канд.филол.наук: 10.02.04. - М., 1977. - 20 с.

123. Славский Ф. Из опыта работы над этимологическим словарем польского языка // *Вопр. языкознания.* - 1967. - № 4. - С.52-55.

124. Смирницкий А.И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. - 58 с.

125. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию /Пер. с фр. под ред. А.А.Холодовича. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.

126. Сравнительная грамматика германских языков: В 4-х т. - М.: Наука, 1961. - 1966.

127. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков /А.С.Мельничук, Л.А.Гиндин, И.А.Калужская и др.; Ин-т языкознания АН СССР. - М.: Наука, 1991. - 120 с.

128. Степанов Ю.С. Ударение и метатония в литовском глаголе // *Baltistica: Priedas I.* - 1972. - С.169-183.

129. Сыромятников Н.А. Определение родственности корней //Вопр. языкознания.- 1972.- № 2.- С.109-123.

130. Топоров В.Н. Исследования по балтийской этимологии: 1957-1961 //Этимология: Исследования по русскому и другим языкам.- М.: Изд-во АН СССР, 1963.- С.250-261.

131. Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа //Вопр. языкознания.- 1960.- № 3.- С.44-59.

132. Топоров В.Н. Ведийское *vaṅki-* //Этимология 1980.- М.: Наука, 1982.- С.134-157. Из индоевропейской этимологии: II (1-3).

133. Топоров В.Н. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями //Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков.- М.: Наука, 1973.- С.118-139.

134. Тронский И.М. Общепиндоевропейское языковое состояние.- М.-Л.: Наука (Ленинградское отд.), 1967.- 103 с.

135. Трубачев О.Н. Принципы построения этимологических словарей славянских языков //Вопр. языкознания.- 1957.- № 5.- С.58-72.

136. Трубачев О.Н. Задачи этимологического исследования в области славянских языков //Актуальные проблемы славяноведения.- М.: Изд-во АН СССР.- 1961.- С.203-212.

137. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: Проспект, пробные статьи.- М.: Изд-во АН СССР, 1963.- 94 с.

138. Трубачев О.Н. О составе праславянского словаря: Проблемы и задачи //Славянское языкознание: Доклады советской делегации.- У Международного съезда славистов: София, 1963.- М.: Наука, 1963.- С.165-167.

139. Трубачев О.Н. Рецензия на: Мартынов В.В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры //Этимология 1964: Принципы реконструкции и методика исследования.- М.: Наука, 1965.- С.356-359.

140. Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и ономастике: На материале балто-германских отношений.- Киев: Наукова думка, 1965.- С.16-24.

141. Трубачев О.Н. Работа над этимологическим словарем славянских языков //Вопр. языкознания.- 1967.- № 4.- С.34-45.

142. Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике //Этимология 1970.- М.: Наука, 1972.- С.3-20.

143. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. //Принципы и методы семантических исследований.- М.: Наука, 1976.- С.147-179.

144. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь: опыт параллельного чтения //Этимология 1976.- М.: Наука, 1978.- С.3-17.

145. Трубачев О.Н. Из балто-славянских этимологий //Этимология 1978.- М.: Наука, 1980.- С.3-18.

146. Трубачев О.Н. О семантической теории в этимологическом словаре: Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология //Теория и практика этимологических исследований.- М.: Наука, 1985.- С.6-15.

147. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии.- М.: Прогресс, 1987.- 560 с.

148. Трубецкой Н.С. Основы фонологии //Перевод с нем. А.А.Холодовича. Ред. С.Д.Кацнельсона. Послеслов. А.А.Реформатского// М.: Изд. иностр. лит., 1960.- 372 с.

149. Туманян Э.Г. Структура индоевропейских имен в армянском языке: Опыт реконструкции.- М.: Наука, 1978.- 366 с.

150. Флусова Г.К. Развитие значений группы индоевро-

пейских слов, восходящих к одному корневому архетипу: Диссертация ... канд. филол. наук.- М., 1972.- 157 с.

151. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды: В 2-х т.- М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956.- Т. I.- 450 с.

152. Хазагеров Т. Второй закон Ф. де Соссюра и проблема балто-славянской языковой общности // Baltistica. - 1980.- ХVI(2).- С.120-137.

153. Херрман Й. Ободрити, лютичи, ружане //Славяне и скандинавы.- М.: Прогресс, 1986.- С.338-359.

154. Цинциус В.И. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков //Исследования в области этимологии алтайских языков.- Л.: Наука, 1979.- С.3-17.

155. Чекман В.Н. Типологические аспекты фонетических изменений в праславянском.- Минск: Наука и техника, 1978.- 43 с.

156. Чекман В.Н. Формирование и распад балтославянской языковой общности по данным исторической фонетики //Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом: Предварительные материалы.- М.: Наука, 1978.- С.144-145.

157. Чекман В.Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция.- Минск: Наука и техника, 1979.- 216 с.

158. Чекман В.Н. О лингвогеографических аспектах диахронических изменений в фонетике //Baltistica. - 1981.- ХVIII(1). - С.126-136.

159. Чекман В.Н. Типологические основания реконструкции: Дисс... докт. филол. наук.- Вильнюс, 1981.- 381 с.

160. Чемоданов Н.С. Место германских языков среди других индоевропейских языков //Сравнительная грамматика германских языков: В 4-х т.- М.: Изд-во АН СССР, 1962.- Т.1.- Германские языки и вопросы индоевропейской ареальной лингвистики.- 1962.- С.19-113.

161. Чемоданов Н.С. К вопросу о германо-балтийских языковых связях //Вопросы германского языкознания: Материалы Второй научной сессии по вопросам германского языкознания.- М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961.- С.68-87.

162.- Чемоданов Н.С. Германские, балтийские и италийские языки //Вестник МГУ.- Серия 7.- Филология, журналистика.- 1962.г С.33-39.

163.- Шальтяните А.П. О семантической структуре словообразовательно-этимологических гнезд глаголов с этимологическим значением "драть" в русском языке //Этимология 1986-1987: Сб.статей /Ин-т рус.яз. АН СССР; Отв.ред. О.Н.Трубачев.- М.: Наука, 1989.- С.212-219.

164. Широков О.С. Индоевропейские диалекты и славяно-германские лингвистические связи //Типология и взаимодействие германских и славянских языков.- Минск: Наука и техника, 1969.- С.5-11.

165. Широков О.С. Филипп Федорович Фортунатов //Вестник МГУ.- Сер.9.- Филология.- 1979.- № 6.- С.46-51.

166. Широков О.С. Современные проблемы сравнительно-исторического языкознания.- М.: Издат-во Моск. ун-та, 1981.- 43с.

167. Широков О.С. Балто-албано-славянские глоттогенетические связи по этимологическим данным //Baltistica.- 1984.- XX(1).- С.15-22.

I68. Широков О.С. Реконструкция праязыковых изоглоссе общеиндоевропейского диалектного континуума // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Теория лингвистической реконструкции. - М.: Наука, 1988. - С.43-67.

I69. Шустер-Шевц Х. Место и проблематика этимологического исследования // Этимология 1967. - М.: Наука, 1969. - С.71-80.

I70. Эккерт Р. К вопросу германо-балто-славянских соответствий // Проблемы общего и германского языкознания. - М.: Издат-во Моск. ун-та, 1978. - С. 79-87.

I71. Эккерт Р. Возможные отражения древнего корня *ou d-* (ср. лит. *austi* "ткать") в праславянском языке // Этимология 1970. - М.: Наука, 1972. - С.46-54.

I72. Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике "Новое в лингвистике. - М.: Изд. иностр. лит. - Вып. 2. - 1962. - С.231-278.

I73. Яновичин В.С. К развитию систем прагерманского вокализма // Вопр. языкознания. - 1969. - № 4. - С.26-34.

I74. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. - М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. - С.194.

I75. Brence M. Paplašīnātā sakne bal-k baltu valodu doctumos // Baltu valodas senāk un tagad. - R.: Zinātne, 1985. - lpp. 108-115.

I76. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen: Auf Grund des fünfbandigen 'Grundrisses der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K.Brugmann und B.Delbrück' verfasst. - Strassburg: Verlag von J.Trübners, 1904. - 776 S.

177. Cercignani F. The Development of the Gothic vocalic system // German dialects (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. - Series IV, Current issues in linguistic theory/Ed. by B. Brogyanyi and Th. Krömmelbein. - Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. - 1986. - Vol. 38. - P. 121-151.

178. Collinder B. Wurzeletymologie - Wortstammetymologie - Wortetymologie // Az etimologia es modszere. - Budapest, 1977. - S. 78-82.

179. Cordes G. Altniederdeutsches Elementarbuch: Wort- und Lautlehre. - Heidelberg: Winter, 1973. - S. 284.

180. Dambe V. Saknes bal(i)-, pal(i)- (sakaņu mijā) ar slapjas vietas nozīmi vietvārdos // Veltījums akad. J. Endzelīnam. - R.: Zvaigzne, 1973. - Lpp. 125-150.

181. Dambe V. Par Rīgas vārda izcelsmi // Onomastica Lettica. - R.: Zinātne, 1990. - Lpp. 5-20.

182. Dworkin S. Romance etymology // Amsterdam issues in linguistic theory/Ed. by W.P. Lehmann, Y. Malkiel. - Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. - Vol. 24. - 1982. - P. 273-289.

183. Endzelīns J. Darbu izlase: 4 sēj. - R.: Zinātne, 1971-1982.

184. Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. - R.: Latvijas valsts izdevniecība, 1951. - IIII lpp.

185. Fortunatov Ph. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslawischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. - 1880. - Bd. IV. - S. 575-589.

186. Güntert H. Indogermanische Ablautprobleme. - Strassburg:Verlag von Karl Trübner, 1916. - S.

187. Hiersche R. Indoarisch-germanische Isoglossen und die Ausgliederung des Germanischen//*Studia linguistica et philologica:Festschrift für Klaus Matzel zum 60.Geburtstag überreicht von Schülern, Freunden und Kollegen/Hrsg. von H.-W.Eroms, B.Gajek, H.Kolb.* - Germanistische Bibliothek. - 3.Reihe. - Heidelberg:Winter, 1984. - S. 87-97.

188. Hiersche R., Job M. Konzeption und Gestaltung der Wortartikel im Giessener Deutschen Etymologischen Wörterbuch//*Lexicographica.* - 1986. - N 2.- S. 185-194.

189. Hilmarsson J. Rez.: V.Maziulis. Baltu ir kitu indoeuropiecu kalbu sentykiai (Deklinacija)//*Baltistica.* - N X(I). - 1974. - P. 95-98.

190. Hirt H. Indogermanische Grammatik:Der indogermanische Vokalismus. - Heidelberg:Winter, 1921. - Bd. 2. - 256 S.

191. Hall R.A. On realism in reconstruction // *Language.* - 1960. - Vol. 36. - N I. - P. 203-232.

192. Holthausen F. Altsächsisches Elementarbuch. - Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1921. - 2. verb. Aufl. - 260 S.

193. Horn W. Sprachkörper und Sprachfunktion. - Leipzig. - 2.Aufl. - Leipzig: Meyer, Müller, 1923. - 151 S.

194. Jnoue Toshikazy. On the reflex of IDE syllabic sonants in Baltic, Slavic and other IE languages: a hypothesis of the 'Isogloss-free-choise' principle//*General Linguistics.* - 1988. - Vol. 28. - N 2. - P. 79-86.

195. Jegers B. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Völker//*KZ.* - 1966. - Bd. 80. - S. 6-162.

195. Jegers B. Verkannte Bedeutungsverwandschaften baltischer Völker//KZ. - 1966. - Bd. 80. - S. 6-162.

196. Jucquois G. La structure des racines en indoeuropéen envisagée d'un point de vue statistique//Linguistic Research in Belgium. - Universa Wetteren. - Belgium. - 1966. - P. 57-68.

197. Justus C.F. Directions in Indo-European etymology with special reference to grammatical category//Amsterdam Studies in linguistic theory. - Vol. 24: Perspectives on historical linguistics/Ed. by W.P.Lehmann, Y.Malkiel. - Amsterdam; Philadelphia:John Benjamins Publishing Company, 1982. - P. 291-328.

198. Karstien H. Infixe im Indogermanischen. - Heidelberg:Winter, 1971. - 346 S.

199. Karulis K. Daži iespējami skandināvu cilmes vietvārdi//Valodas aktualitātes - 1988: III valodas nedēļa; Akad. J.Endzelīna 115. dzimš. dienai veltīta zin. konf. 'Vietvārdi un personvārdi' /Atb.red. A.Blinkena, B.Laumane. - R.:Zinātne, 1989. - Lpp. 336-345.

200. Katoļu Dzeive. - 1989. - N 10. - Lpp. 16-17.

201. Kiparsky V. Etymologie gestern und heute //Kratylos. - 1966 (67). - N II. - S. 68-78.

202. Kohler K. Etymologie und strukturelle Sprachbetrachtung// KZ. - 1970. - Bd. 75. - S. 16-32.

203. Kortland F. Historical Laws of Baltic Accentuation// Baltistica. - 1977. - N XIII(2). - P. 319-329.

204. Kuryłowicz J. L'apophonie en indo-européen. -

Wroclaw:Wydawnictwo Polskiej akademii nauk. - 1956. - Prace jezykoznaucz. - T. 9. - 430 S.

205. Kuryłowicz J. Probleme der indogermanischen Lautlehre // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. - Innsbruck, 1962. - S. II2-II4.

206. Lanszweert R. Die Rekonstruktion des baltischen Grundwortschatzes. - Frankfurt a.M.: Lang, 1984. - S. 188.

207. Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik. - Halle a.S.: Verlag von Max Niemeyer, 1914. - 286 S.

208. Laua A. Latviesu leksikologija. - R.:Zinātne, 1981. - 288 lpp.

209. Laut- und Formenlehre der altgermanischen Dialekte //Hrsg. von F.Dieter. - Leipzig:O.R.Reisland, 1900. - S. 790.

210. Lehmann W.P. Proto-Indo-European Phonology. - Austin: University of Texas Press Linguistic society of America, 1952. - 130 p.

211. Lehmann W.P. The Indo-European determinative -dh- in Germanic/Language. - 1942.- Vol. 18. - N 2. - P. 125-132.

212. Lehmann W.P. The Proto-Indo-European resonants in Germanic // Language. - 1955. - Vol. 31. - N 3. - P. 355-366.

213. Lehmann W.P. Introduction:Diachronic linguistics// Amsterdam studies in linguistics. - 1982. - Vol. 24.- P. 1-16.

214. Lerchner G. Studien zum nordwestgermanischen Wortschatz. - Halle (Saale):Niemeyer, 1965. - 380 S.

215. Leskien A. Slavische und baltische Forschungen. - Leipzig: Zentralantiquariat der DDR: 2 T., 1975. - 599 S., 564 S.

216. Leumann M. Grundsätzliches zur etymologischen Forschung // Kleine Schriften. - Zürich; Stuttgart: Artemis, 1959. - S. 182-191.

217. Lidén B. Ein baltisch-slavisches Anlautgesetz // GHA. - Göteborg. - 1899. - Bd. 5. - S. 4-31.

218. Liukkonen K. Albanu-baltu-slavu etimologijos // VI Международный съезд балтистов: 2-4 окт. 1991г.: Тезисы докладов. - Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1991. - С. 56.

219. Lohmann J. Der Sinn der indogermanischen Etymologie // Kratylos. - 1966. - N II. - S. 79-98.

220. Malkiel Y. Etymology and the structure of word families // Word. - 1954. - Vol. X. - N 2-3. - P. 265-274.

221. Malkiel Y. The place of etymological linguistic research // Bulletin of Hispanic studies. - 1954. - Vol. XXXI. - N 2. - P. 78-90.

222. Markey Th.L. Change typologies: Questions and answers in Germanic // German dialects (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. - Series IV, Current issues in linguistic theory /Ed. by B.Brogyanyi and Th.Krömmelbein. - Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. - 1986. - Vol. 38. - P. 403-425.

223. Meid W. Bemerkungen zum indogermanischen Wortschatz des Germanischen // Das Germanische und die Rekonstruktion der indogermanischen Sprache: Akten des Freiburger Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft. - Freiburg, 26.-27. Febr. 1981. /Hrsg. von J.Untermann, B.Brogyanyi. - CILT 22. - Amsterdam: Benjamins, 1984. - S. 91-112.

224. Mitzka W. Zur Etymologie von ringen und wringen // ZMaF. - 1967. - Bd. 34. - N 2. - S. 137-141.
225. Noreen A. Altisländische und Altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen. - 4. vollständ. umgearb. Aufl. - Halle: Niemeyer, 1923. - 212 S.
226. Ozols A. Veclatviesu rakstu valoda. - R.: Liesma, 1965. - 626 lpp.
227. Persson P. Studien zur Lehre von Wurzelerweiterung und Wurzelvariation. - Uppsala: Harrassowitz, 1891. - 294 S.
228. Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung: 2 Bde. - Uppsala; Leipzig : Harrassowitz, 1912. - III4 S.
229. Polomé E. The non-Indo-European component of the Germanic lexicon // o - o - pe - ro - s: Festschrift für Ernst Risch zum 75. Geburtstag /Hrsg. von A. Etter. - B.: de Gruyter, 1986. - S. 661-672.
230. Sabaliauskas A. Lietuvių kalbos leksika. - Vilnius: Mokslas, 1990. - 335 p.
231. Sanders W. Grundzüge und Wandlungen der Etymologie //Etymologie/Hrsg. von R. Schmitt. - Darmstadt, 1977. - S. 5 - 48.
232. Schmalstieg W.R. Baltų ir slavų kalbų sistemų raidos chronologija //Baltistica. - 1972. - I Priedas. - P. 159-164.
233. Schmalstieg W.R. A Balto-Slavic and Indo-Iranian Parallel: the non-Existence of Schwa Indogermanicum (or Laryngal) in the So-called Long Sonants //Baltistica. - 1973. - N IX(I). - P. 7-14.

234. Schmid W.P. Bemerkungen zum Werden des 'Germanischen' //Sprache und Recht: Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters: Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 60. Geburtstag /Hrsg. von K.Hauck. - B.: de Gruyter, 1986. - S. 711-721.

235. Schmitt-Brandt R. Probleme des indogermanischen Vokalismus //Kratylos. - 1966. - Vol. XI. - N I-2. - S. 166-174.

236. Schmitt-Brandt R. Die Entwicklung des indogermanischen Vokalsystems : Versuch einer inneren Rekonstruktion. - Heidelberg: Groos, 1967. - 163 S.

237. Schütz J. Ablautprobleme diphthongischer Wurzeln //Kratylos. - 1966. - N II. - S. 175-177.

238. Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic: the historical phonology of common Slavic. - New York : Columbia univ. press, 1965. - 662 p.

239. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. - Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht, 1947. - 432 S.

240. Stang Chr.S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. - Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1966. - S.

241. Stang Chr.S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. - Oslo; Bergen; Tromsø: Universitetsforlaget, 1971. - 96 S.

242. Szemerényi O. The Problem of Balto-Slav Unity: A Critical Survey //Kratylos. - 1957. - Vol. 7. - N 2. - P. 97-122.

243. Vraciu A. Die Stellung des Baltoslawischen unter den indoeuropäischen Sprachen einschließlich der Sprachen des Balkans // Балканско езикознание. - 1977. - Т. 20. - N 3,4, -

244. Wilmanns W. Deutsche Grammatik: 3 Bde. - I.Abt. - Strassburg: Verlag von Karl J.Trübner, 1911.- 482 S.

245. Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorija: Lietuvių kalbos kilme. - Vilnius: Mokslas, 1984. - 390 p.

ДОПОЛНЕНИЕ К СПИСКУ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асланов В.И. К проблеме реконструкции на лексико-семантическом уровне /на материале азербайджанского языка/ //СИИЯРС: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. - М.: Наука, 1991. - С. 36-47.

2. Журавлев В.К. Диахроническая фонология. - М.: Наука, 1986. - 232 с.

3. Чекман В.Н. Об отражении индоевропейских слоговых плавных в балто-славянском ареале //